

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

А.В. Милежик

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Хабаровск
ДВЮИ МВД России
2019

УДК 9 : 342.55

ББК 67.3

М601

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России

Рецензенты:

профессор кафедры философии,
психологии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России,
доктор исторических наук, профессор В.В. Черных;
профессор кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
доктор исторических наук, профессор Е.В. Суверов

Милежик, А.В.

М601 Дальневосточное наместничество: исторический опыт организации и деятельности в начале XX века : монография / А.В. Милежик ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2019. – 150 с.
ISBN 978-5-9753-0283-0

В монографии рассмотрены особенности функционирования Дальневосточного наместничества как управления на особых основаниях в период с 1903 по 1905 г. Определены и проанализированы основные направления деятельности наместничества, в том числе в сфере охраны правопорядка и противодействия преступности.

Материалы монографии могут быть использованы при изучении учебных дисциплин «История», «История органов внутренних дел», «История государства и права России» в образовательных организациях МВД России.

УДК 9 : 342.55
ББК 67.3

ISBN 978-5-9753-0283-0

© Милежик А.В., 2019
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Государство и общество находятся в постоянном поиске наиболее рациональной и эффективной модели взаимодействия. Происходят перманентные изменения структур исполнительной и законодательной власти, осуществляется оптимизация деятельности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Для успешной реализации структурных реформ необходимо реализовать комплекс мер. Обширность территории Российской Федерации, её многонациональность и многоконфессиональность определяют первоочередной задачей построение эффективной вертикали власти, адекватной вызовам внутренней и внешней политики. Создание оптимальной модели управления субъектами Российской Федерации позволит создать сбалансированное взаимодействие центра и регионов, что, в свою очередь, обеспечит наиболее эффективное осуществление политического и социально-экономического развития страны в целом. Вопросы поиска оптимальной модели управления являются актуальной повесткой симпозиумов, конгрессов и совещаний политиков, предпринимателей, представителей общественных объединений и экспертного сообщества. Результаты дискуссии отражаются в программных документах, нормативных актах и реальной политической практике властных структур различного уровня.

В современных условиях приобретает особую ценность опыт предшествующих поколений в осуществлении государственного управления. Большой интерес со стороны исследователей-теоретиков и практиков вызывает наследие дореволюционной России, имеющее многовековые традиции. В связи с этим отдельно можно выделить опыт управления отдаленными от центра территориями, имеющими экономические, национальные и культурно-исторические особенности. Примерами таких исторически сформировавшихся территорий могут являться Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Туркестанское генерал-губернаторство, Кавказское и Дальневосточное наместничества, существовавшие в XIX – начале XX в.

Наибольший интерес для нас представляет история Особого наместничества Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, учрежденного в 1903 г. в условиях реализации амбициозной дальневосточной внешнеполитической программы. Наместничество на Дальнем Востоке можно считать единственным примером в истории российской государственности, когда административно-территориальная единица возникла на территории двух государств – Российской империи и Цинского Китая, фактически на пересечении двух цивилизаций.

В состав наместничества вошли области российского Дальнего Востока в границах Приамурского генерал-губернаторства, а также арендованная у Цинской империи Квантунская (Ляодунская) область и линия отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Административным центром вновь учрежденного наместничества и главной базой Тихоокеанской эскадры стал г. Порт-Артур, находящийся на арендованном у Китая Ляодунском полуострове.

Наместник непосредственно подчинялся императору, что формально укрепило вертикаль власти, а в управлении Дальним Востоком возобладал не отраслевой, а территориальный принцип.

Пристального внимания заслуживают отдельные направления деятельности наместничества, в частности, реализация задач охраны общественного порядка и противодействия преступности на территории Дальнего Востока. Безусловно, деятельность полиции относится к наиболее важной части управления Российским государством.

Изучение института наместничества как управления на особых основаниях дает представление об истории взаимодействия верховной и региональной власти, взаимоотношений центральных ведомств и местных учреждений, позволяет увидеть отражение тенденций внутренней и внешней политики государства в ходе реализации региональной политики.

Учет позитивных и негативных сторон в деле управления регионами, схожесть многих проблем, которые имели место в России в начале XX столетия и требуют своих решений в современный период, позволяют использовать в полной мере опыт деятельности Дальневосточного наместничества, что способствует совершенствованию системы исполнительной власти современной России.

Цель данного исследования состоит во всестороннем анализе деятельности Дальневосточного наместничества как управления на особых основаниях в период с 1903 по 1905 г. Задачи исследования проявляются:

- в выявлении причин и предпосылок учреждения Особого наместничества на Дальнем Востоке России;
- в исследовании процесса становления Дальневосточного наместничества и формирования нормативно-правовой базы его деятельности;
- в обозначении круга полномочий наместника и его аппарата управления, особенностей внутренней структуры наместничества;
- в определении основных направлений деятельности наместничества, в том числе в сфере охраны общественного порядка и противодействия преступности;
- в анализе результативности деятельности наместничества, оценке эффективности института наместничества как инструмента ре-

ализации задач внешней и внутренней политики российского правительства на Дальнем Востоке.

Территориальные рамки исследования определены границами Дальневосточного наместничества, включающего области Приамурского генерал-губернаторства, Квантунскую область и линию отчуждения КВЖД, а также прилегающими к нему территориями Северо-Восточного Китая и Кореи, являвшимися объектами внешнеполитических интересов России в начале XX в.

Хронологические рамки исследования обусловлены периодом существования наместничества на Дальнем Востоке России с момента его учреждения 30 июля (12 августа) 1903 г. до момента упразднения 8 (21) июня 1905 г.

Методика исследования представлена синтезом различных методологических принципов и подходов, базовую основу которых в исторической науке составляют принципы историзма и объективности. Работая над исследованием, автор учитывал особенности развития российской цивилизации, её геополитическое положение. Принимались во внимание историко-культурный, политический, этноконфессиональный, экономический и географический факторы.

Принцип объективности позволил выявить комплекс факторов, повлиявших на учреждение наместничества как административно-территориального управления, обоснованно и всесторонне рассмотреть результаты и последствия его деятельности. Данный принцип, в частности, предоставил возможность взвешенной оценки деятельности наместника Е.И. Алексеева как представителя верховной власти в Дальневосточном регионе.

Принцип историзма позволил рассмотреть и проанализировать деятельность Дальневосточного наместничества в тесной связи с политическими, экономическими и социальными процессами, происходившими в Российском государстве на рубеже XIX – XX вв., а также показать динамику развития исторических событий с учетом геополитической ситуации, сложившейся в указанный период в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Данный принцип способствовал более глубокому пониманию причин учреждения и особенностей функционирования Дальневосточного наместничества.

Применение в исследовании синтеза различных методологических принципов и подходов, широкий познавательный инструментарий, позволили автору провести всесторонний анализ деятельности Дальневосточного наместничества как управления на особых основаниях.

Источниковая база исследования представлена опубликованными документальными материалами, материалами федеральных архивов, периодическими изданиями, мемуарами.

Основу исследования составили документальные материалы фондов:

- Государственного архива Российской Федерации¹:
фонд 543. Коллекция рукописей Царскосельского дворца,
фонд 568. Ламздорф В.Н.,
фонд 586. Плеве В.К. (1862–1918 гг.),
фонд 601. Письма к Е.И. Алексееву,
фонд 652. Телеграммы Е.И. Алексеева,
фонд 818. Плансон Г.А. (1881–1915 гг.),
фонд 1463. Коллекция документов личного происхождения,
фонд 1729. Святополк-Мирский П.Д.;
- Российского государственного военно-исторического архива²:
фонд 14326. Полевой штаб наместника на Дальнем Востоке (1903–1905 гг.);
- Архива внешней политики Российской империи³:
фонд 143. Китайский стол,
фонд 326. Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке (1899–1905 гг.),
фонд 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе;
- Российского государственного исторического архива Дальнего Востока⁴:
фонд 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора (1884–1917 гг.);
- Государственного архива Хабаровского края⁵:
фонд периодической печати.

Важную группу источников составляют императорские указы и законы Российской империи, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи⁶, предоставляющие возможность проанализировать правовую основу деятельности органов центральной и региональной власти.

Особый интерес представляют всеподданнейшие отчеты Приамурского генерал-губернатора, доклады, сборники документов, материалы международных переговоров, в частности, материалы переговоров России с Китаем и Японией накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. Анализ эффективности действий военного и морского руководства производился на основе изучения приказов военного министра, а затем главнокомандующего генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, приказов наместника на Дальнем Востоке вице-

¹ Далее – ГА РФ.

² Далее – РГВИА.

³ Далее – АВПРИ.

⁴ Далее – РГИА ДВ.

⁵ Далее – ГАХК.

⁶ Далее – ПСЗРИ.

адмирала Е.И. Алексеева, приказов и приказаний войскам Приамурского военного округа и Квантунской области.

Ознакомление с центральной и местной периодической печатью начала XX в.¹ позволяет сформировать представление об общественных настроениях, сложившихся на окраине Российской империи, выявить реакцию дальневосточников на происходящие события во внутренней и внешней политике.

Воспоминания непосредственных участников исторических событий (С.Ю. Витте, И.В. Гурко, В.Н. Коковцова, И.Я. Коростовца, А.Н. Куропаткина, В.Н. Ламздорфа, А.С. Суворина, Г.А. Плансона²) представляют обособленную группу источников. Мемуарная литература предоставила автору возможность составить многогранную картину исторической действительности. Авторы воспоминаний подчас достаточно критически оценивают деятельность министров и государственных чиновников, высшего руководства российской армии и военно-морского флота.

Имеющаяся источниковая база позволила выявить приоритеты внутренней и внешней правительственной политики, восполнить пробелы в изучении вопросов административно-территориальных преобразований в Сибири и на Дальнем Востоке России, деятельности Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, военного и морских ведомств, а также уточнить выводы отечественной и зарубежной исторической науки о деятельности таких должностных лиц, как Е.И. Алексеев, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф и др.

Отечественной и зарубежной исторической наукой накоплен солидный багаж исследований событий более чем столетней давности. До революции 1917 г., ставшей водоразделом в понимании исторического процесса, исследований, посвященных вопросам истории управления областями Российской империи, практически не проводилось. Основное внимание уделялось осмыслению уроков русско-японской войны 1904–1905 гг., последствия которой серьезно повлияли на внутреннюю и внешнюю политику Российского государства.

¹ Газеты «Дальний Восток» (1904 г.), «Никольск-Уссурийский листок» (1903–1905 гг.), «Новый край» (1903 г.), «Правительственный Вестник» (1903–1905 гг.), «Приамурские ведомости» (1903–1905 гг.), журнал «Красный архив» (1928–1932 гг.).

² В штабе адмирала Е.И. Алексеева (из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. № 4–5; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1963; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т.1. М., 1992; Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922; Куропаткин А.Н. Дневник. Б.м., 1923; Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 гг. М., 1991; Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина (1843–1912). М., 1992.

Наиболее фундаментальными трудами в дореволюционный период стали работы, подготовленные Военно-исторической комиссией по описанию русско-японской войны 1904–1905 гг.¹ и Исторической комиссией, созданной при Морском Генеральном штабе². Общая заслуга членов комиссий заключается в тщательном сборе фактического материала, освещающего боевые действия на сухопутном и морском театрах. Несмотря на то, что результаты работы носили официальный характер, и это обусловило осторожность авторов в суждениях и выводах, члены комиссий признавали неподготовленность России к военному столкновению с Японией.

Наряду с результатами работы названных ведомственных комиссий по теме русско-японской войны было опубликовано большое количество изданий публицистического характера³. Как ни странно, но именно в таких публикациях делались попытки анализа причин краха политики России на Дальнем Востоке. Так, историк и географ П. Головачев в работе «Россия на Дальнем Востоке» объяснял ошибочность попыток во что бы то не стало укрепиться в Маньчжурии доводами экономического, географического, политического, этнического, социального и даже нравственного характера⁴.

К сожалению, в советской исторической науке вопросы проявления имперской региональной политики практически не становились предметом отдельных исследований. Господствующая идеологическая парадигма, ставила под сомнение необходимость изучения опыта управленческой деятельности в царский период. Все, что делалось самодержавной властью, рассматривалось как проявление изощренных форм эксплуатации народов Российской империи.

В то же время, при рассмотрении проблем истории внешней и внутренней политики России неминуемо затрагивались вопросы региональной политики.

Несмотря на значительное количество проведенных исследований, в том числе и комплексных, до сих пор фундаментальными трудами по вопросам осуществления Россией дальневосточной политики остаются труды доктора исторических наук Бориса Александровича

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг.: работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Т.1–9. СПб., 1910.

² Русско-японская война 1904–1905 гг.: работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. Кн. 1–7. СПб., 1912–1917.

³ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1910; Виноградский А. История русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1909; История русско-японской войны. СПб., 1907; Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912 и др.

⁴ Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.

Романова¹. С особой тщательностью Б.А. Романовым были проанализированы события, предшествующие войне с Японией. Особое внимание он уделил борьбе в правительственных кругах России по вопросам дальневосточной политики и противостоянию Великобритании, Франции, России, Германии, Японии, Китая в Восточной Азии. Автор не избежал негативной оценки деятельности императора Николая II, министра финансов С.Ю. Витте, статс-секретаря А.М. Безобразова, наместника Е.И. Алексеева и других участников описываемых событий. Впервые в отечественной историографии подробно были рассмотрены предпосылки и причины учреждения Дальневосточного наместничества и Особого комитета Дальнего Востока. По мнению Б.А. Романова, учреждая наместничество, Николай II делал попытку вернуть своей власти самодержавность не по сути, но по внешним проявлениям.

Изменение геополитической обстановки в Восточной Азии в 1930–1940-е гг. сделало актуальным предметом исследования историю взаимоотношений России и Японии. В указанный период появилось большое количество изданий, в которых освещаются причины и характер русско-японской войны 1904–1905 гг., состояние вооруженных сил соперников, ход боевых действий на суше и на море².

Построение новой мировой системы в послевоенный период и развитие международных отношений отразились на повышенном научном интересе к вопросам дипломатической истории. Появившиеся в этот период, как правило, коллективные научные труды с хорошей документальной базой позволили пролить свет на суть международных отношений, сложившихся в конце XIX – начале XX в.³

К 1960–1970-е гг. постепенно изменилось отношение к проблематике истории государственного управления и трансформаций административно-территориального устройства России дореволюционного

¹ Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906 гг.). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; Он же. Дипломатическое развязывание русско-японской войны 1904–1905 гг. М.–Л., 1947; Он же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.–Л., 1955.

² Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938; Егорьев В.Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.–Л., 1939; Колчин Б., Разин Е. Оборона Порт-Артура в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939; Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг.: действия на море. М., 1942; Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1948.

³ Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952; История дипломатии. М., 1963. Т. 2; Колониальная политика капиталистических держав (1870–1914 гг.). Вып. 1. М., 1967; Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1; Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики России и международные отношения в конце XIX – начале XX в.: избр. тр. М., 1977; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; Экспансия Японии на Дальнем Востоке (конец XIX – первая треть XX в.). Владивосток, 1990 и др.

периода. Действия царской власти перестали рассматриваться в однозначно негативном свете. Отражением смены научной парадигмы стали монографии Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, В.Г. Чернухи¹. Данные исследования позволили объективно оценить внутреннюю политику царского правительства.

Интенсивное включение в систему советского народного хозяйства территорий Сибири и Дальнего Востока привело к проявлению научного интереса к региону, в том числе и со стороны исторической науки. В 1960–1980-е гг. появилось большое количество качественных исследований дальневосточных ученых². В них рассматривался широкий круг вопросов: от социально-экономического и политического развития до проблем генезиса административно-территориального устройства окраинных территорий.

Оформление новой российской государственности и изменение политической модели привели к корректировке представлений об историческом прошлом и приоритетных задачах изучения отечественной истории. Отказ от диктата формационного подхода позволил расширить сферу научных интересов и развить ряд новых научных направлений. Проявился оригинальный взгляд на понимание роли личности в истории: от личности как представителя класса или социальной группы к индивидуализации и персонификации в истории. Вопросы социально-политической и экономической истории уступили первенство исследованиям исторической повседневности и развитию культуры. Изучение истории государственного управления также приобрело новый импульс. Больше внимания стало уделяться генезису институтов государственной власти, вопросам развития системы управления регионами и национальными окраинами, истории российского чиновничества³.

¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

² Крушанов А.И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. мат. по истории Владивостока. Владивосток, 1960; Ларина Л.Л. Административно-территориальное устройство и население Приамурского края в период империализма. 1900–1913 гг.: препринт. Владивосток, 1986; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991.

³ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997; Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917: в 4 т. Т.1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998; Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2001; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Черкесова. Т.1. СПб., 2001 и др.

Авторы коллективной монографии «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи» одними из первых рассмотрели институт генерал-губернаторства и наместничества как управление на особых основаниях, что, в свою очередь, являлось общим признаком окраинных и вновь присоединенных территорий, находящихся в состоянии интеграции¹.

В исследование эволюции административно-территориального управления Российского государства внесли свой вклад и дальневосточные ученые. В частности, сотрудниками РГИА ДВ А.А. Тороповым и Н.А. Троицкой в исторической справке к сборнику документов, посвященных 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства, представлены сведения о развитии административно-территориального устройства Сибири и Дальнего Востока в период с конца XVI в. до 1917 г. Рассматривая персональный состав дальневосточного чиновничества, авторы отмечают, что имеющиеся должности замещались в большей мере случайно и предпочтение в первую очередь отдавалось военным².

Этот тезис подтверждается Н.М. Байковым³. Автор указывает, что структура административных органов управления была подчинена выполнению задач освоения Дальнего Востока как военного и сырьевого плацдарма страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее острой проблемой в управлении Дальневосточным регионом в начале XX в. было разделение полномочий центральных и местных органов власти. Между отдельными ведомствами существовали трения и несогласованность в действиях. С целью преодоления имеющихся разногласий и были учреждены наместничество Дальнего Востока и Особый комитет по делам Дальнего Востока. Это позволило придать новый импульс в работе по подготовке программы развития Дальнего Востока. Автор отмечает, что идея бюрократической децентрализации приобрела в тот период на Дальнем Востоке популярность среди местной администрации. В то же время немалая часть дальневосточной общественности была настроена патерналистски и считала, что центральная власть должна предложить широкую программу реформ, способных исправить неравноправное положение Дальнего Востока среди российских территорий.

¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. С.186.

² Дальний Восток России: из истории системы управления: док. и мат-лы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999.

³ Байков Н.М. Кадровый ресурс региональной власти: специфика и уроки исторического опыта // Третьи Гродековские чтения: Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 34–38.

Различные аспекты деятельности дальневосточной администрации рассмотрены в работах Т.Я. Иконниковой¹. Яркой иллюстрацией различий во взглядах на насущные потребности края между местной администрацией и центральными ведомствами являлся вопрос учреждения должности дипломатического чиновника при Приамурском генерал-губернаторе. Географическая отдаленность и необходимость местной администрации оперативно решать вопросы дипломатического характера сформировало мнение о необходимости получения генерал-губернатором права прямых дипломатических контактов с представителями иностранных держав. Т.Я. Иконникова, одна из первых исследователей, кто в ходе анализа деятельности вице-адмирала Е.И. Алексеева на посту наместника на Дальнем Востоке, приходит к выводу, что наместник в целом верно оценивал сложившуюся накануне войны обстановку и делал все от него зависящее, чтобы подготовить находящиеся у него в подчинении сухопутные войска и военно-морские силы к столкновению с Японией.

С учетом того, что правоохранительная деятельность является неотъемлемой частью управленческой деятельности, вызывают особый интерес исследования истории органов внутренних дел конца XIX – начала XX в. Дальневосточные ученые внесли значительный вклад в изучение вопросов истории полиции на Дальнем Востоке России: рассмотрении организационных основ и особенностей формирования, основных направлений, форм и методов борьбы с преступностью и охраны общественного порядка и др. История учреждения и становления органов внутренних дел на территории Дальнего Востока рассматривается в работах В.О. Шелудько, А.М. Буякова, В.А. Черномаза, Е.В. Гамермана, В.В. Некрытого². Раличные аспекты создания и развития органов полиции нашли отражение в работах Н.А. Беляевой, Н.А. Шабельниковой, В.В. Синиченко, С.Ю. Гамалей, В.Ж. Дорохова,

¹ Иконникова Т.Я. С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при Приамурском генерал-губернаторе // Третьи Гродековские чтения. Ч.1. С.38–41; Она же. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. Хабаровск, 2001.

² Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860–1917 годы). Владивосток: Дальнаука, 2004; Черномаз В.А. Из опыта реформирования полиции Дальнего Востока в начале XX века // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 90–99; Черномаз В.А. Полиция Владивостока в событиях 1905 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 51–60; Шелудько В.О. Из истории полиции... // Россия и АТР. 2001. № 2. С. 108–109; Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5. С. 164–168; Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф. Вып. 9. Ч. 1 / отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 200–207.

С.Ю. Яхимовича, С.П. Ляпустина, В.В. Некрытого, А.Н. Качкина и других.

К комплексным работам по истории административно-территориального устройства Дальнего Востока России относится исследование А.В. Умрихина¹. В нем представлена эволюция административно-территориального управления дальневосточными окраинами во второй половине XIX – начале XX в. Автор указывает, что форма, внутренняя структура и объем полномочий органов управления на Дальнем Востоке являются индикатором важности региона для центральной власти.

Особенности административной организации Восточной Сибири исследовались Н.А. Сусловой, И.А. Федоревой², И.Л. Дамешек. Н.А. Сулова, рассматривая проблему административных преобразований сибирских областей, указывает, что правительство, с одной стороны, стремилось к унификации всей государственной системы, с другой – вынуждено было эту унификацию ограничивать, принимая во внимание особенности Сибирского и Дальневосточного регионов³.

По мнению И.Л. Дамешек, правительство так и не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Отсутствие такой модели объясняется плюрализмом мнений правительственных чиновников о судьбах окраинных земель в составе России и особенностями самих регионов. Само понятие «окраина» существовало в российской административной практике достаточно продолжительное время, однако внутреннее его содержание менялось. Российская модель окраинного управления формировалась параллельно с процессом складывания территории государства, а региональная политика царского правительства обладала поливариантностью⁴.

¹ Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 1998.

² Федореева И.А. Механизм формирования административно-территориальных единиц уездного уровня в Восточной Сибири (вторая половина XIX в.) // Вестник Международного центра азиатских исследований. М. – Иркутск, 2001. Вып. 5. С. 127–134.

³ Сулова Н.А. Административные преобразования в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Международного центра азиатских исследований. М. – Иркутск, 2001. Вып. 5. С.134–141.

⁴ Дамешек И.Л. Окраинная политика в системе внутренних мероприятий самодержавия // Вестник Международного центра азиатских исследований. М. – Иркутск, 2001. Вып. 5. С. 119–127.

Проблемы взаимоотношений центральной и региональной власти в период с 1884 по 1922 г. рассматриваются Н.И. Дубининой и Ю.Н. Ципкиным¹. Авторы отмечают, что в условиях самодержавия взаимоотношения центральной и местной властей носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, центральная власть преследовала цель создания монолитной державы на основе политической и экономической интеграции страны, формирования правовой и административно-территориальной однородности. С другой стороны, объективно присутствовало понимание необходимости предоставления администраторам на местах некоторой самостоятельности ввиду постепенно усложнявшихся социально-экономических и политических отношений и исторически сложившегося своеобразия. При этом правительство опасалось разрушения самодержавной модели властвования. Понимая истинные потребности регионов, губернаторский корпус вынужден был лавировать между исполнением указаний из центра и реализацией местных интересов.

В отдельное направление оформились исследования жизни и деятельности конкретных исторических деятелей генерал-губернаторов и губернаторов, чья ежедневная деятельность являлась проявлением внешней и внутренней политики Российского государства. В работах Н.И. Дубининой, Л.И. Галлямовой, В.В. Гордеева, Ю.Н. Осипова² определяется роль представителей местной власти в экономической, социально-политической и культурной жизни Дальнего Востока.

Особо следует выделить научную деятельность А.Н. Ремнева, исследователя, занимавшегося разработкой проблем реализации реги-

¹ Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Проблема централизма и регионализма на российском Дальнем Востоке (1884 – 1922 гг.) // Третьи Гродековские чтения: Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории. С.24 – 33.

² Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997; Она же. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2001; Галлямова Л.И. Приамурские генерал-губернаторы о проблеме частной собственности // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае: история, современность, тенденции развития. Владивосток, 2000. Ч.2. С.66–71; Она же. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 209–218; Гордеев В.В. Николай Николаевич Муравьев и колонизация восточных окраин // Губернское управление в России: история, современность, будущность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию вступления в должность генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Владивосток, 1997; Осипов Ю.Н. Роль генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурского края в заселении и освоении Дальнего Востока в период капитализма // Первые Муравьевские чтения, посвященные 190-летию со дня рождения Н.Н. Муравьева-Амурского и 115-летию Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. С.31–33 и др.

ональной политики и историей управления азиатскими окраинами¹. Изучая историю Сибири XIX – начала XX в., А.В. Ремнев вышел за рамки отдельного региона и, опираясь на накопленный конкретно-исторический материал, разработал концепцию истории имперского управления азиатскими регионами России. В монографии «Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в.» автор провел всесторонний анализ мотивов и предпосылок реформирования системы управления Сибирью и Дальним Востоком в контексте перехода российского общества от традиционного к индустриальному типу. По мнению автора, противоречия в правительственном лагере и крах внешнеполитического курса самодержавия послужили основными причинами сворачивания деятельности Дальневосточного наместничества и Комитета по делам Дальнего Востока².

Интересен взгляд на события, происходившие на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв., исследователя В.Г. Дацьшена³. В контексте освещения проблем российско-китайских отношений автор рассматривает историю учреждения Квантунской области, вошедшей в состав Российской империи в качестве арендованной территории. В результате учреждения Дальневосточного наместничества Квантунская область вошла в его состав, а ее административный центр – Порт-Артур, стал столицей всего российского Дальнего Востока.

Особое место в историографии проблемы занимают публикации о наместнике Дальнего Востока Е.И. Алексееве. Во многих исследованиях, освещающих историю русско-японской войны 1904–1905 гг., рассматриваются отдельные эпизоды деятельности адмирала Е.И. Алексеева, до октября 1904 г. совмещавшего должности главнокомандующего и наместника на Дальнем Востоке. Подавляющее большинство оценок деятельности Е.И. Алексеева носят крайне негативный характер. Е.И. Алексеев однозначно причисляется к сторонникам А.М. Безобразова. Кроме того, начиная с русско-японской войны 1904–1905 гг. и до настоящего времени существует мнение об Е.И. Алексееве как одном из главных виновников поражения России

¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; Он же. Особый Комитет по делам Дальнего Востока (1903–1905 гг.) // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докладов и сообщений междунаро. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск, 1995. С.58–60; Он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997.

² Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. С. 397.

³ Дацьшен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996; Он же. Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб., 1999; Он же. Русский Гуаньдун: история одной колонии // Вестник Центра по изучению междунаро. отношений в Тихоокеан. регионе. Хабаровск, 2001. № 2. С.75–89.

в войне. Все это, а также отсутствие до последнего времени исследований по данной теме, создало явно отрицательный образ Е.И. Алексеева как политического и военного деятеля.

Наиболее объективную характеристику личности Е.И. Алексеева, на наш взгляд, предлагает исследователь С.А. Гладкий в публикации «Е.И. Алексеев – флотоводец и дипломат»¹. Подробно рассмотрев деятельность адмирала Е.И. Алексеева в 1895–1905 гг., автор приходит к заключению, что в этот период Е.И. Алексеев являлся одной из самых значимых фигур как в морском ведомстве, так и во внешней политике России. Как знающий организатор и руководитель Е.И. Алексеев проявил себя и в гражданской сфере. Однако, по мнению автора, ни в одной из указанных областей адмирал не смог полностью реализовать себя.

В последнее время явно прослеживается тенденция повышения интереса к системе административного управления окраинами Российского государства². Исследователями проделана значительная работа по изучению истории Сибирского и Дальневосточного регионов, их административного, социально-экономического и культурного развития, опубликовано большое количество научных трудов, введен в оборот большой массив архивных документов. В то же время в оте-

¹ Гладкий С.А. Е.И. Алексеев – флотоводец и дипломат // Кортик. Флот. История. Люди. СПб., 2004. Вып.2. С. 50–64.

² Гермизеева В.В. Высшая администрация Западной Сибири (1905 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Гридяева М.В. Демографические процессы, административное развитие и становление социальной сферы на о. Сахалин в середине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004; Деев С.Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX в. (на материале Калмыкии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2004; Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004; Кондрашева А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2003; Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX в. (на материале Терской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Поповичева Ю.Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003; Скворцова О.В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Проблемы организации и реформирования регионального управления: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006; Скрабневская Е.С. Городское самоуправление на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004; Тригуб Г.Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения её органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004; Черкасов К.В. Вопросы межрегионального государственного управления в царской России (часть вторая) // Гражданин и право. 2010. № 11. С. 3–13.

чественной исторической науке продолжают сохраняться некоторые пробелы, требующие дальнейшей разработки или пересмотра ряда устоявшихся воззрений.

Непосредственно Особое наместничество Дальнего Востока совсем недавно стало предметом самостоятельного изучения. В настоящее время опубликовано большое число работ, в которых поставленные исследовательские задачи непосредственно связаны с Дальневосточным наместничеством¹. В публикациях нашли отражение принципы, заложенные в основу учреждения наместничества на Дальнем Востоке, раскрываются мотивы, побудившие к изменению управления Дальневосточным регионом, подвергаются анализу структура и функционирование наместничества, определяются его особенности как управления на особых основаниях. В частности, Я.Л. Салогуб указывает, что основной задачей создания наместничества было укрепление

¹ Белозерова О.А. Военный министр генерал Алексей Николаевич Куропаткин о наместничестве на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны (1903 год) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 73–93; Казанцев В.П. Планы реорганизации управления российским Дальним Востоком и арендованными у Китая территориями в начале XX века // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 19–28; Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е гг. – 1905 г.). СПб.: Наука, 2012; Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Система управления арендованных территорий (Китайская Восточная железная дорога, Квантунская область, Особое наместничество на Дальнем Востоке) 90-е гг. XIX в. – 1917 г. Анализ опубликованных источников // Клио. 2015. № 1 (97). С. 38–47; Лукоянов И.В. Проблема управления Дальним Востоком и кризис государственной власти в России на рубеже XIX–XX вв. // Науч. конф. памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008; Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007; Ремнев А.В. Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке: мат-лы науч. конф. 4–5 марта 2003 г. Ч.1. Владивосток, 2003. С.402–409; Салогуб Я.Л. Учреждение Дальневосточного наместничества и планы реорганизации регионального управления в начале XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 30–36; Салогуб Я.Л. Правовой статус наместника на Дальнем Востоке в законодательстве Российской империи (1903–1905) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 37–42; Шулатов Я.А. Политическая борьба в России по вопросам дальневосточной политики накануне русско-японской войны // Записки Гродековского музея. Вып. 9. Хабаровск, 2004. С.5–21.

государственной власти на местах через передачу полномочий органов центрального управления непосредственно в регион¹.

Имеющиеся исследования раскрывают многие вопросы существования административного управления в виде наместничества на Дальнем Востоке. В то же время остаются не до конца проработанными следующие вопросы: насколько эффективно действовала административная структура наместничества в мирное и военное время; реализовало ли Дальневосточное наместничество поставленные задачи; какова роль наместника Е.И. Алексеева в реализации внешнеполитической программы и др.

Настоящее исследование дополняет имеющиеся представления об истории Дальнего Востока, о генезисе административно-территориальной устройства Российского государства, об эволюции международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На наш взгляд, возможно использование результатов исследования при разработке и внедрении административно-управленческих решений, связанных с оптимизацией взаимоотношений центральной и региональной власти, с учетом присутствующей в российской политической действительности динамики модели управления.

¹ Салогуб Я.Л. Становление и развитие системы административно-полицейского управления на Дальнем Востоке (50-е гг. XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. С. 25.

ГЛАВА 1

Развитие системы управления Дальним Востоком России в начале XX века

1.1. Учреждение Дальневосточного наместничества как этап административной реформы

Освоение и заселение восточных окраин Российской империи, рост их значения для центральной власти, обусловили постоянное развитие системы административно-территориального управления Сибирью и Дальним Востоком. Все административные преобразования, проводившиеся в Российском государстве, неминуемо сказывались на судьбе восточных окраин. Был пройден долгий путь трансформаций, начиная с Сибирского приказа и заканчивая учреждением в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства. Вплоть до конца XIX в. территория от Уральских гор до Тихого океана обозначалась как Сибирь. Однако после юридического закрепления и постепенного освоения Приамурья и Уссурийского края стала проявляться тенденция обособления вновь присоединённой территории, применительно к которой вошло в обиход географическое понятие «Дальний Восток».

На рубеже XIX–XX вв. административное деление Дальнего Востока России представляло нагромождение различных форм. Основу составляло Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске. В генерал-губернаторство входили Приморская, Амурская и Забайкальская области, Владивостокское военное губернаторство и о. Сахалин, обладавший особым административным статусом.

Вся полнота власти в областях Дальнего Востока принадлежала Приамурскому генерал-губернатору, назначавшемуся императором и непосредственно подчинявшемуся Министерству внутренних дел. Генерал-губернатор возглавлял гражданскую администрацию, командовал всеми вооружёнными силами края, а также имел право входить в дипломатические сношения с соседними государствами. Во главе областей находились губернаторы, контролировавшие деятельность административного аппарата, утверждавшие назначения чиновников на ответственные посты. Губернаторы Приморской, Амурской и Забайкальской областей командовали войсками и одновременно являлись наказными атаманами Уссурийского, Амурского и Забайкальского казачьих войск соответственно. Уезды возглавлялись уездными начальниками, а волости – крестьянскими начальниками.

В результате подписания в марте 1898 г. между Россией и Китаем конвенции об аренде на 25 лет Ляодунского (Квантунского) полуострова состав областей российского Дальнего Востока расширился за счет вновь учрежденной Квантунской области с центром в Порт-

Артуре. Первоначально гражданское управление осуществлялось Приамурским генерал-губернатором. Но 28 августа 1899 г. было утверждено Временное положение об управлении Квантунской областью, согласно которому вводилась должность Главного начальника Квантунской области с подчинением его военному министру.

Особое положение распространялось на также арендованную у Цинского правительства территорию (полосу отчуждения) под строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Согласно русско-китайскому соглашению 1896 г. и Уставу общества КВЖД, это предприятие было сугубо коммерческим. Административная и судебная власть в полосе отчуждения принадлежала Обществу КВЖД в лице Управляющего КВЖД, находившегося, в свою очередь, в подчинении у министра финансов.

С развитием экономики, ростом численности населения, возникновением новых военно-стратегических задач, ориентированных на Азиатско-Тихоокеанский регион, назрела необходимость в изменении системы управления восточными окраинами Российской империи.

Таким образом, к 1903 г. территория Дальнего Востока неоднократно подвергалась административным преобразованиям, главной целью которых было создание наиболее эффективной системы управления восточными окраинами империи. По мере освоения края административное устройство становилось все более сложным и многообразным. Сложность системы объясняется расширением круга задач (политических, военных, экономических, культурно-просветительских). Различные административные формы и принципы управления (территориальный, отраслевой) были обусловлены особенностями региона. Пограничное положение и недостаточная охрана рубежей, обширная территория и немногочисленное население, огромные запасы природных богатств и неразвитость экономики и путей сообщения – все это сказывалось на развитии системы административной власти в Дальневосточном регионе.

В 1880-е гг. в российском обществе получили широкое распространение идеи азиатизма, которые в дальнейшем оказали влияние на активизацию политики России на Востоке. Азиатизм представлял собой идею единства российской и восточной цивилизаций. Распространение азиатизма было напрямую связано с территориальными приобретениями России на Дальнем Востоке и в Средней Азии в 1850–1880-е гг. Рубежи Российского государства вошли в тесное соприкосновение с Китаем, Кореей и Японией, на юге приблизились к Гималаям. Территория страны стала не просто значительной, а огромной, основную часть которой составляли именно азиатские владения. Это привело российских интеллектуалов к открытию Азии

как мегарегиона с многообразием культуры, широкими географическими просторами, богатством природных ресурсов.

Незавершенность либеральных реформ 1860–1870 гг., последовавший за ними политический кризис, проявление негативных сторон капиталистических отношений – все это привело к попыткам переосмысления идей западной цивилизации и поиску новых, более адекватных для российской действительности путей развития. В этот период наблюдается снижение активности российской внешней политики в Европе, которая проявилась в некотором охлаждении отношений с Германией, ослаблении русского влияния на Балканах, начавшемся медленном сближении с Францией. Фактически Россия находилась в вынужденной изоляции, и один из вариантов выхода из неё виделся в активизации азиатского направления. К этому Россию подталкивало и то обстоятельство, что к Тихому океану всё большее внимание стали проявлять Великобритания, Германия, Франция и США.

В результате в российском общественном сознании в отношении Азии сформировались смешанные чувства превосходства, восхищения и страха. Превосходство проявлялось, как казалось, в более прогрессивном политическом и экономическом развитии, по сравнению с государствами Азии. Чувство восхищения возникало в отношении красочных, таинственных и не всегда понятных азиатских культур. Востоковед В.П. Васильев в отношении Китая выражал восхищение такими словами: «Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса... Нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно было бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами. Может дойти дело до того, что китаец захватит все рынки и промыслы всего...»¹. Слова В.П. Васильева, сказанные в конце XIX в., учитывая темпы развития современного Китая, явно были пророческими.

Страх перед Азией зарождался в осознании зыбкости связи между центром России и её восточными окраинами, с малочисленным русским населением, слабым развитием путей сообщения, практически не охраняемой границей, за которой находились многонаселенные Китай, Корея и Япония. В связи с этим в русском политическом сознании появляется термин «желтая опасность». Эта тема поднималась на страницах печатных изданий и в докладах государственных чиновников. Свои идеи высказывали П.П. Семенов-Тянь-Шаньский,

¹ Васильев В.П. Открытие Китая // Вестник всемирной истории. СПб., 1900. С. 162–163.

М.И. Венюков, А.И. Макшеев, Н.М. Пржевальский, В.С. Соловьев, Э.Э. Ухтомский.

Азиатизм постепенно проникал в политику, обретая себе сторонников среди тех, кто играл определяющую роль в судьбе государства. В какой-то степени эти идеи влияли на императора Николая II. Он был чрезвычайно увлечен мыслью превращения России в ведущую морскую державу, что, конечно, неосуществимо без незамерзающего порта, имевшего прямой выход в Мировой океан. Ни Балтика, ни Черное море не могли удовлетворить политиков. В этом отношении на Дальнем Востоке условия также были не лучшими. Порт Владивосток, несмотря на свое название, не давал реальной возможности владеть Востоком. Ближайшие удобные, незамерзающие гавани располагались на побережье Кореи или Маньчжурии.

На протяжении длительного времени в этом регионе шел поиск подходящего для нужд русского военного флота порта. Наиболее привлекательны были варианты с южными корейскими гаванями и китайским портом Циндао. Представители морского ведомства адмиралы Е.И. Алексеев, Ф.В. Дубасов, С.О. Макаров и С.П. Тыртов выступали именно за эту точку зрения. Однако порт Циндао осенью 1897 г. занимает германская военная эскадра. Вслед за Германией военноморские базы в Китае создают Великобритания – Вейхайвей и Франция – Гуанчжоу. Россия, опасаясь лишиться возможности иметь незамерзающий порт в Тихом океане, останавливается на Порт-Артуре. Инициаторами этой идеи стали не военные, а политики, в частности, министр иностранных дел М.Н. Муравьев. Порт-Артур впоследствии сыграл трагическую роль в деле укрепления российских интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Активизация России в Китае и Корее в основном была вызвана не экономическими предпосылками и задачами, а политическими причинами. Военный министр А.Н. Куропаткин в беседе с министром финансов С.Ю. Витте сетовал: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры»¹.

Таким образом, в 90-е гг. XIX в. происходит явное смещение вектора российской внешней политики с Балкан и Ближнего Востока на Дальний Восток. Дальневосточное направление казалось более

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б.м., 1923. С.36.

привлекательным для высших кругов России по ряду причин. Во-первых, в этот период Россия не имела возможности вести активную западноевропейскую политику. Наблюдались весьма противоречивые взаимоотношения с Германией, в которых каждая из сторон пыталась получить свои выгоды. Германия стремилась разрушить франко-русский союз, а Россия искала поддержки в противостоянии с Англией. Активные действия в отношении азиатских соседей (Китая, Кореи и Японии), при казавшейся их слабости, обещали хорошие результаты. В случае успеха Россия могла обезопасить восточные границы, потеснить давнюю соперницу Англию в Азии, повысить свой международный авторитет и, возможно, аннексировать какие-либо территории.

Во-вторых, развивавшийся быстрыми темпами российский капитализм требовал новых рынков сбыта и сырья. Азия привлекала значительностью людских ресурсов, которые одновременно могли быть и дешевой рабочей силой, и потенциальными покупателями европейских промышленных товаров. Дальневосточные государства, особенно Китай, обладали огромными запасами дешевого сырья. Все это давало немалые экономические выгоды, поэтому развитые капиталистические государства всеми возможными способами желали укрепиться в Азии. Россия пыталась не отставать от ведущих держав и принимать участие в этом общем процессе. В результате Российская империя оказалась в одном ряду с такими странами, как США, Великобритания, Франция, Германия и Япония, которые имели свои интересы в Китае и Корее.

В-третьих, в условиях значительной отдаленности от центра, малонаселенности, слабом развитии дорог и большой протяженности границы вопрос о безопасности дальневосточных территорий был достаточно актуален. Увеличить военную мощь России на Дальнем Востоке в короткий период было невозможно, а держать постоянно в этом регионе значительные вооруженные силы для государственной казны было обременительно. Поэтому, чтобы держать ситуацию на дальневосточных рубежах под своим контролем, Петербургу необходимо было использовать дипломатические и экономические рычаги воздействия на соседние государства. Лучший вариант виделся в создании вокруг российских границ территорий, находившихся в той или иной зависимости от российского правительства.

К концу XIX в. Китай и Корея фактически превратились в зависимые государства и были поделены на сферы влияния между ведущими державами (Великобританией, Германией, Россией, США, Францией, Японией). В полосу интересов России входили Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) и Корея. Они непосредственно соприкасались с русскими границами и были связаны давними экономическими отношениями. Однако на эти территории претендовала также

Япония, которая хотела добиться здесь лидерства любыми способами, не исключая и военного столкновения с Россией. Большая часть российских генералов и сановников полагали, что главную опасность представляет политически слабый, но многонаселенный соседний Китай. Островную же Японию серьезным противником они не считали, а даже представляли потенциальным союзником. Подтверждением этого может быть тот факт, что корабли Тихоокеанской эскадры зимовали в незамерзающих японских портах (Нагасаки, Иокогама и др.) вплоть до аренды в 1897 г. Порт-Артура.

События японо-китайской войны 1894–1895 гг. являются поворотной точкой, где Россия из «союзника» Японии превратилась в главного соперника в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российское правительство стало понимать, куда действительно направлены устремления японской стороны. Поражение Китая и подписание им унизительного Симоносекского договора в 1895 г. привели к значительному усилению позиций Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сложившееся положение изменило баланс сил. Для России особую опасность представляло усиление Японии в Корее и её проникновение в Южную Маньчжурию. Россия стала инициатором противодействия Японии, обратившись к западным державам с предложением изменения условий Симоносекского договора. В совместном заявлении Германия, Франция и Россия настоятельно рекомендовали японской стороне отказаться от Ляодунского полуострова. Япония вынуждена была согласиться с этим требованием.

Эти события временно укрепили позиции России в Китае и Корее. Российское правительство добилось от Цинской империи прав на строительство КВЖД и аренду Ляодунского полуострова с городом Порт-Артур (Люйшунь) и портом Дальний (Далянь) сроком на 25 лет. На арендованной территории была образована Квантунская область с особым управлением, так как в ней проживали подданные двух императоров – китайского и российского. Первым начальником полуострова стал генерал-майор Д.И. Суботич, которого после изменения ведомственного подчинения администрации области сменил вице-адмирал Е.И. Алексеев. Под управлением адмирала находились все морские силы России на Дальнем Востоке, с главной военно-морской базой в Порт-Артуре. Таким образом, Россия к концу XIX в. получила важный стратегический плацдарм в Южной Маньчжурии, соединенный с основной территорией государства, строившейся КВЖД.

События, развернувшиеся в Китае в 1900–1901 гг., значительно изменили обстановку в регионе. Восстание ихэтуаней, направленное против усиления иностранного присутствия в Китае, заставило Англию, Германию, Россию, Францию и Японию объединиться для подавления беспорядков. Войска Квантунской области и корабли Тихоокеанской эскадры в составе международного экспедиционного кор-

пуга участвовали во взятии Таку, Тяньзиня, Бейтана и Пекина. В августе 1900 г. для охраны КВЖД и поддержания порядка русские войска были введены в Маньчжурию.

После разгрома восстания Россия, как и другие участники коалиции, не спешила выводить свои войска из Маньчжурии. Это было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. С одной стороны, китайская администрация не могла гарантировать безопасности российских подданных и сохранности их имущества и собственности КВЖД. С другой стороны, в российских правительственных кругах распространилось мнение о необходимости воспользоваться выгодным положением и закрепить за Россией Маньчжурию. Возникает идея создания так называемой «Желтороссии» – территории, где «русский элемент смешивается с населением желтой расы»¹.

В Петербурге, в окружении Николая II развернулась борьба между сторонниками умеренного курса в дальневосточных делах и приверженцами более активных действий. Министр финансов С.Ю. Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф считали, что необходимо добиться от цинского правительства признания преимущественного положения за российскими предпринимателями в Маньчжурии и недопущения туда иностранного капитала. Присоединение к России части китайской территории они считали нецелесообразным, так как это могло привести к значительному расходу государственных средств и осложнить международную обстановку.

Военный министр А.Н. Куропаткин и Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков предлагали оставить часть войск в нескольких важных пунктах Маньчжурии, на КВЖД и по правому берегу р. Амур. Позже руководитель военного ведомства отстаивал проект об обмене территории Квантунской области на Северную Маньчжурию как стратегически более важную. По мнению министра, «ограничившись в своих планах подчинением России, и то со временем, лишь Северной Маньчжурии (без присоединения её к нашим владениям), избавившись этим от непосредственного соседства с Кореей и отказавшись от активных действий в Корее, мы можем надеяться возвратиться к прежним дружеским отношениям с Японией»².

Группа лиц (контр-адмирал А.М. Абаза, генерал-майор К.И. Вогак, статс-секретарь А.М. Безобразов) полагала, что полное присоединение Маньчжурии даст только положительные результаты. Считалось, что русский капитал будет находиться под защитой правительства и получит неограниченный доступ к природным ресурсам Северо-Восточного Китая. Россия улучшит свое стратегическое положение в регионе и окончательно закрепит выход к незамерзающим портам

¹ Левитов И. Желтороссия как буферная колония. СПб., 1905. С. 109.

² ГА РФ. Ф.568. Оп.1. Д.137. Л.142.

Тихого океана. В итоге престиж России как великой державы ещё более возрастет. Однако таким оптимистичным «прожектам» не суждено было реализоваться.

Противостояние двух политических группировок и отсутствие определенности в официальной дальневосточной политике ставили Е.И. Алексеева в очень сложное положение. С одной стороны, он как главный начальник Квантунской области подчинялся военному министру. С другой стороны, на Е.И. Алексеева всячески пытался влиять А.М. Безобразов, взгляды которого совпадали с мнением самого императора Николая II. Вследствие этого Е.И. Алексеев вынужден был очень тщательно продумывать свои действия в отношении деятельности «Русского лесопромышленного товарищества», посредством которого претворялись в жизнь планы А.М. Безобразова, А.М. Абазы, К.И. Вогака и великого князя Александра Михайловича. Сложившаяся ситуация стала благодатной почвой для появления суждения, что Е.И. Алексеев «юлит и играет двойную игру»¹.

Император, прислушиваясь и к тем и другим, старался делать всё по-своему, как ему казалось, наиболее правильному усмотрению. В результате правительство никак не могло решить главный вопрос дальневосточной политики – присоединять Маньчжурию к России или нет? Если присоединять, то как эту аннексию объяснить европейским державам, Японии и самому Китаю. Если не присоединять, тогда как сохранить экономические позиции России в Северо-Восточном Китае без опоры на военную силу. Также большое значение имел вопрос о Корее, который выражался в проблеме сохранения политических и экономических позиций России в этой стране.

Наличие в Маньчжурии русских войск вызывало недовольство не только в Китае, но также в Англии, США и Японии. Правительство последней увеличило ассигнования на военные нужды. В правящих кругах Токио окончательно укоренилось мнение, что только победоносная война с Россией будет способствовать укреплению позиций Японии в континентальной Азии. Великобритания и США поддерживали эти стремления. В начале 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор. США, в свою очередь, предоставляли Японии выгодные кредиты и дипломатическую поддержку.

В этих условиях российское правительство вынуждено было пойти на уступки Китаю. 26 марта (8 апреля) 1902 г. состоялось заключение соглашения, по которому предполагался вывод русских войск из Маньчжурии в три этапа до 26 сентября (8 октября) 1903 г. Однако выполнение этой программы всячески стало тормозиться сторонниками силовых методов решения дальневосточных проблем (А.М. Абаза, А.М. Безобразов и др.). Эта группа оказывала все боль-

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 39.

шее влияние на императора. Лесные концессии на реках Ялу и Туманган стали приобретать военно-стратегическое значение. А.М. Безобразов предлагал в районе китайско-корейской границы создать оборонительную линию в случае столкновения с Японией. Под видом лесной стражи туда предполагалось направить воинские подразделения. Но А.Н. Куропаткин и Е.И. Алексеев были против этого, справедливо полагая, что такие действия вызовут обострение отношений с Японией.

В апреле 1903 г. китайское правительство было поставлено в известность о том, что русские войска будут окончательно выведены из Маньчжурии только при условии выполнения Китаем определенных гарантий. Из предложенного проекта наиболее важными были требования не отчуждать в пользу других государств возвращенные территории и предоставить преимущественные права русским предпринимателям в Северном Китае. Такие требования являлись определенным ущемлением суверенности Цинской империи. Китайское правительство отрицательно отнеслось к предъявленным условиям, считая, что российская сторона желает сорвать выполнение договора 1902 г.

Ответ российского посла в Пекине П.М. Лессара главе внешнеполитического ведомства Китая князю Цину может служить яркой иллюстрацией того тона, с которым осуществлялись взаимоотношения России и Китая в тот период: «Мы завоевали Маньчжурию и настолько сильны, что можем её сохранить. Ни Китай, ни иностранцы не в состоянии нам в этом помешать... Государь Николай II пожелал и теперь ещё желает возвратить Китаю завоёванные провинции... это проявление милости. Россия вправе была ждать, что правительство богдохана это оценит и со своей стороны докажет готовность, в согласии с нами, работать для развития благосостояния края на пользу обоих государств...»¹.

Николай II поддержал такой подход, собственноручно написав на телеграмме, излагавшей ответ П.М. Лессара князю Цину: «Вот это настоящий ответ, достойный представителя России...»².

В конце концов, российское руководство по ряду требований пошло на уступки, но наиболее важные пункты изменять не собиралось. Положение усугублялось чрезмерной активностью А.М. Безобразова и его помощников в отношении лесной концессии на правом берегу р. Ялу. Китайское правительство, находясь под влиянием Англии, США и Японии, не желало расширять права русских концессионеров в Маньчжурии. Кроме того, всем было ясно, что Ялуцзянская концессия, принадлежащая «Русскому лесопромышленному обществу», приносит России больше стратегической, чем экономической

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 42.

² Там же.

выгоды. По реке Ялу проходила граница между Китаем и Кореей. Получая концессию на правом берегу р. Ялу у китайского правительства и на левом берегу у корейского правительства, Россия обретала фактически полный контроль на этом участке китайско-корейской границы. Концессия превращалась в стратегический плацдарм, расположенный на стыке Южной Маньчжурии и Северной Кореи.

Вопрос о концессиях стал настолько важным, что ему было посвящена повестка Особого совещания 26 марта (8 апреля) 1903 г., на котором присутствовали Николай II, великий князь Алексей Александрович, С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф, А.Н. Куропаткин и В.К. Плеве. В результате обмена мнениями остановились на следующем: «1) Поручить министерству иностранных дел проверить силу и значение выданных корейским правительством концессий, и если таковая окажется недостаточно оформленной, то приложить возможное старание и обеспечить за этой концессией вполне законную форму силы. 2) Принять, при содействии министерств иностранных дел и финансов, возможные меры к получению от центрального китайского правительства в Пекине концессии на разработку лесных богатств на правом маньчжурском берегу р. Ялу. 3) По вступлении одной из этих концессий в окончательную силу образовать на основании её, по русским законам, акционерное общество для разработки лесных богатств по р. Ялу, и обществу этому передать и др. концессию, когда таковая будет окончательно оформлена. Обществу сему вменить в обязанность строго руководствоваться существующими трактатами, заключенными с Китаем и Кореей. 4) Допустить в упомянутое в п. 3 общество иностранный капитал, предпочтительно американский, французский и бельгийский. 5) В акционерном капитале общества допустить участие казны, но в возможно меньшем размере. 6) Ограничить деятельность общества разработкой лесных богатств по р. Ялу. 7) Подчинить общество надзору Главному начальнику Квантунской области»¹.

Этот документ свидетельствует о том, что позиция правительства в отношении концессий несколько изменилась. А.Н. Куропаткин записал в своём дневнике: «По-видимому, Государь осознал опасность действий господ Безобразовых в этом деле; осознал, что бряцание оружием и полное игнорирование всех властей и всех русских заявлений, проявленное Безобразовым, только вредят делу и могут вызвать осложнения с Японией... Государь согласился, чтобы придать делу частный характер, с поддержкой правительства, но без участия военной силы сухопутной и морской. Несколько раз Государь согласился, что надо избегать повода к ссоре с Японией, что война с нею совершенно нежелательна...»².

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 42.

² Дневник А.Н. Куропаткина. С. 46–47.

На этом совещании Николай II также поднял вопрос об объединении всех функций государственной власти на Дальнем Востоке, чтобы прекратить существовавший разлад между представителями ведомств. Все министры – А.Н. Куропаткин, С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф – заявили, что никогда различия во взглядах у них «не выражались в форме разнодействия ведомств», потому что они всегда действовали «по прямым указаниям» и «под непосредственным руководством» самого императора¹. Однако Николай II все-таки сделал первый шаг к сосредоточению власти на Дальнем Востоке в одних руках, передав право контроля над концессиями главному начальнику Квантунской области Е.И. Алексееву.

Статс-секретарь А.М. Безобразов, вернувшийся из своей первой поездки по Дальнему Востоку, в докладе от 16 (29) апреля 1903 г. представил позиции России в этом регионе следующим образом: «Ближайшее и непосредственное ознакомление с делами Дальнего Востока приводит к неизбежному заключению, что наше настоящее положение на этой далекой окраине должно быть признано весьма неблагоприятным. Эта неблагоприятная сторона нашего положения выражается в том, что мы, по израсходовании 2 миллиардов рублей и после победоносных действий наших войск, утратили на месте свой престиж и самоуверенность; считаемся слабыми, делаем уступки и находимся накануне поражения экономического, а может быть и военного»².

Данное положение, по мнению А.М. Безобразова, было обусловлено рядом причин: «1) Чрезмерная централизация наших порядков, значительно умаляющая инициативу, творчество и энергию в местных деловых организациях. 2) Недостаточность верных сведений и неправильная оценка положения. 3) Необоснованность планов и программ и увлечение фикциями. 4) Борьба разных ведомств, бесхозяйственность дела от многоначалия и фактическая безответственность от коллегиальных порядков, где установилась практика взаимных уступок не для пользы дела, а для политики ведомств. 5) Преследование личных интересов и несвоевременное обуздание произвола. 6) Солидарность ведомств в борьбе против всякого рода обличения их практических ошибок и деловой несостоятельности»³.

Все эти выводы, видимо, были приняты Николаем II во внимание. 2 (15) мая 1903 г. генерал-адъютант Е.И. Алексеев получил высочайшую телеграмму, в которой содержалось указание: «Имея в виду сосредоточить в Вашем лице, под моим непосредственным руководством, высшее и ответственное на Дальнем Востоке управление по

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928. С. 408.

² Материалы о русско-японских переговорах. Из архива А.М. Безобразова и др. Б.м. Б.г. С. 167.

³ Там же.

всем ведомствам, поручаю Вам подготовиться к этой деятельности и наметить, в крупных чертах, форму, в которую это новое Ваше положение может быть облечено»¹. Тем самым Николай II давал понять о грядущих серьезных изменениях в системе управления Дальним Востоком.

Во второй части телеграммы определялся круг задач будущего наместника: «Одною из главных Ваших задач, в связи с окончательно принятым решением точно исполнить договор 26 марта 1902 г., будет безотлагательное принятие мер, чтобы в минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими задачами... Для выполнения этого поручаю Вам, совместно с военным министром, выяснить истинное положение государственной обороны на Дальнем Востоке и наметить необходимые военные мероприятия»².

Далее в телеграмме говорилось о необходимости выяснения сущности экономических задач, так как они неразрывно связаны с политическими интересами. Завершалась телеграмма словами: «Вполне рассчитываю на Вашу опытность, знание дела и испытанную преданность Престолу и Отечеству для выполнения этого поручения, которому придаю первостепенное государственное значение»³.

Таким образом, именно Е.И. Алексеев становился непосредственным исполнителем всех замыслов Николая II в дальневосточных делах. Правда, сохранялось влияние ведомств, в данном случае – военного, но это влияние уже не было таким значимым.

По всей видимости, адмирал Е.И. Алексеев был поставлен в затруднительное положение данной телеграммой. С одной стороны, он должен был исполнять соглашение 26 марта (8 апреля) 1902 г. (то есть эвакуировать русские войска из Маньчжурии к сентябрю 1903 г.), с другой – «поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное соответствие с нашими задачами». В результате Е.И. Алексеев начал склоняться к мысли о желательности сохранить российское военное присутствие, «что теперь не время вести переговоры с китайцами, а нужно не обращать внимания и укрепить наше положение в Маньчжурии»⁴.

В телеграмме министру финансов С.Ю. Витте от 24 мая (6 июня) 1903 г. комиссар по финансовой части Квантунской области Протасьев обращал внимание на то, что Е.И. Алексеев «в сущности стоит за присоединение Маньчжурии, но из осторожности не будет, пожалуй, высказывать этого крайнего взгляда, если не встретит со-

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива А.М. Безобразова и др. Б.м. Б.г. С. 169–170.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). С. 430.

чувствия в военном министре, а будет лишь настаивать на продолжительной военной оккупации». В следующей телеграмме от 9 июня (22 июня) 1903 г. Протасьев высказывал предположение, что взгляды Е.И. Алексеева на политику в Маньчжурии все более приближаются к позиции А.М. Безобразова¹.

Вопросы дальневосточной политики приобретали всё большую актуальность и остроту. В целях инспекции войск и визита в Японию на Дальний Восток выехал военный министр А.М. Куропаткин. Вслед за ним повторно посетил Маньчжурию статс-секретарь А.М. Безобразов. Главной целью визита А.М. Безобразова в Порт-Артур было, видимо, привлечение на свою сторону Е.И. Алексеева. Однако, когда статс-секретарь прибыл в Порт-Артур, то он не получил практически никакой поддержки со стороны главного начальника Квантунской области. Напротив, Е.И. Алексеев на заседаниях Особого совещания высказывал явно противоположные взгляды, чем статс-секретарь А.М. Безобразов. В частности, по вопросу о концессиях Е.И. Алексеев твердо выступал за придание им частного коммерческого характера, без участия казенного капитала. Он считал, что необходимо выполнить все условия соглашения 26 марта (8 апреля) 1902 г., с обеспечением китайской стороной определенных гарантий. Количество таких гарантий должно быть сведено до минимума. Е.И. Алексеев высказывался также против присоединения Маньчжурии или какой-либо её части к Российской империи².

Таким образом, Николай II уже в мае 1903 г. принял решение об учреждении особого управления на Дальнем Востоке, но ещё до конца не представлял, в какой форме оно будет. На совещании 7 (20) мая, посвященном дальневосточным делам, телеграмма Николая II Е.И. Алексееву от 2 (15) мая была зачитана перед присутствовавшими руководителями ведомств. Военный министр А.Н. Куропаткин, находившийся в командировке на Дальнем Востоке, был извещен о совещании телеграммой. Таким образом, все сановники, связанные с делами Дальнего Востока, знали о намерениях Николая II изменить управление в этом регионе. Но в дальнейшем многие из них заявляли, что учреждение наместничества стало для них полной неожиданностью.

23 июля (5 августа) 1903 г. А.М. Безобразов вновь написал докладную записку на имя императора, в которой привлек его внимание к ситуации на Дальнем Востоке и политике России в отношении Японии: «В военно-политическом отношении Дальний Восток находится еще в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной це-

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). С.431.

² Там же. С.437–438.

лью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников»¹. Таким образом, А.М. Безобразову и его соратникам главными и равнозначными соперниками в деле утверждения гегемонии России в регионе виделись Китай, Япония и Великобритания. Для достижения поставленной цели он предлагал «объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично привести его в исполнение. Особенность нашего положения на Дальнем Востоке, а именно: а) что главный наш противник есть морская держава (Япония); б) что два наших опорных пункта суть приморские крепости; в) что наши владения имели значительную береговую полосу со слабой охраной; г) что военные операции наши на Дальнем Востоке будут иметь характер совместного действия флота с армией, причем умелое пользование флотом требует специальной подготовки, – все это заставляет желать, чтобы личность наместника стояла в служебном отношении близко к нашему флоту»². Наиболее близко к флоту стоял именно адмирал Е.И. Алексеев.

Таким образом, несмотря на несовпадение взглядов, объективно А.М. Безобразов на должность наместника предлагал кандидатуру Е.И. Алексеева. Возможно, поэтому в отечественной историографии устоялось мнение, что Е.И. Алексеев был выдвинутым и соратником А.М. Безобразова.

Учреждение Особого наместничества и Комитета по делам Дальнего Востока в 1903 г. имело предпосылки, связанные с общими тенденциями развития российской государственности. К концу XIX в. назрела необходимость в общей административной реформе, которая должна была решить ряд проблем, связанных с низкой эффективностью работы губернских администраций, межведомственным противостоянием, в особенности на местах, усилением вертикали власти и др. В политических верхах все большую популярность набирала идея децентрализации (деконцентрации) власти, заключающаяся в расширении полномочий местной администрации за счет передачи ей ряда полномочий центральных ведомств. При этом должен был усиливаться контроль за деятельностью губернаторов со стороны императора. С особой остротой стоял вопрос о дефицитности экономики окраин и тяжести затрат на их нужды из государственного бюджета. По отчету Государственного контроля за 1904 г., фактический доход всех азиатских губерний и областей составил более 67 млн руб., а расход – около 138 млн руб.³ Сократить убытки средств, отпускавшимся

¹ Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 365.

² Там же.

³ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С.65.

на содержание губернской власти, предполагалось укрупнением регионов.

Так как в стране практически не было единого правительства, а необходимость в координации действий различных министерств существовала, то его функции выполняли различные временные комитеты и особые совещания. Наиболее заметна была деятельность Комитета Сибирской железной дороги в период с 1892 по 1905 г.

Комитет Сибирской железной дороги занимался не только вопросами, непосредственно касавшимися сооружения магистрали, но фактически объединил высшее управление Сибирью. Это позволило хотя бы на небольшой срок повысить эффективность правительственной политики по отношению к Сибири.

Главную роль в Комитете играл министр финансов С.Ю. Витте. Он считал, что железная дорога позволит создать «новый обширный внутренний рынок», а «выход на новые обширные пространства Сибири, возрастание её населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни». Строительство железной дороги, по мнению С.Ю. Витте позволяло решать и политические задачи. Именно местное население даст силы и средства для защиты «интересов империи», в противном случае, предупреждал С.Ю. Витте, «вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины». Министр финансов требовал «выработать стройный план постепенного и соответствующего целям государственного заселения Сибири». Для освоения Сибири требовались огромные затраты, и поэтому С.Ю. Витте призывал не ограничиваться только отечественными капиталами, но и открыть широкие возможности приливу иностранных инвестиций в сибирскую экономику¹. Фактически это была новая концепция планомерного и более эффективного освоения Сибири.

В то же время министр внутренних дел В.К. Плеве, принимавший участие еще в разработке сибирской губернской реформы 1895 г., начиная подготовку общероссийской губернской реформы, также должен был учесть и сибирский опыт. Посетив в 1903 г. Западную Сибирь, он пришел к выводу о неудовлетворительном состоянии местной губернской администрации. В.К. Плеве вновь высказался за усиление власти губернаторов и удовлетворение местных нужд без обращения к центральным учреждениям².

Еще в 1901 г. в Комитете министров рассматривалось предложение М.А. Таубе о создании единого Сибирского генерал-губерна-

¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления. С. 65.

² Там же. С. 70.

торства из Томской, Енисейской и Иркутской областей. В силу разногласий, возникших среди членов Комитета, Николай II решил отложить решение этого вопроса. Обсуждение было продолжено в 1903–1904 гг. на Особом совещании сибирских генерал-губернаторов и членов Госсовета. На этот раз М.А. Таубе получил поддержку со стороны министра внутренних дел В.К. Плеве, так как проект Сибирского генерал-губернаторства вполне вписывался в его децентрализаторские планы. Но и на этот раз не удалось достичь единства. Если два члена Особого совещания (А.П. Игнатъев и А.И. Пантелеев) соглашались на создание огромного Омского генерал-губернаторства за счет объединения степных областей и западносибирских губерний, то В.К. Плеве, М.А. Таубе, Н.Н. Сухотин и П.П. Кутайсов пошли дальше и поддержали идею единого Сибирского генерал-губернаторства. Крайнюю позицию занял иркутский генерал-губернатор П.П. Кутайсов, который считал реформу Сперанского, разделившую Сибирь на две части, глубоко ошибочной. Он предлагал включить в состав Сибирского генерал-губернаторства не только сибирские и степные губернии и области, но и Екатеринбургскую губернию. Таким образом, вся Азиатская Россия разделится бы на три крупные территориальные военно-административные единицы: Сибирское и Туркестанское генерал-губернаторства и наместничество на Дальнем Востоке¹.

По мнению большинства участников совещания, оживление в жизни края со строительством Сибирской железной дороги требовало «сильной и авторитетной» власти. Одним из доводов в пользу этого они считали введение в 1901 г. в Томске «положения об усиленной охране», вызванного революционными выступлениями студентов и рабочих. Не смущала сторонников идеи Сибирского генерал-губернаторства и величина территории, так как централизация власти на местах, на их взгляд, смогла бы повысить эффективность действий администрации без серьезной реформы всей системы регионального управления.

Вне генерал-губернаторского управления оказывалась только Якутская область. Она должна была стать местом сосредоточения общероссийской ссылки. Во главе этой области должен был стоять губернатор, обладавший расширенными полномочиями. Окончательному решению этого вопроса помешала начавшаяся русско-японская война, хотя Николай II согласился с предложениями четырех участников совещания и поручил Министерству внутренних дел разработать конкретные меры по передаче западносибирских губерний под надзор генерал-губернаторской власти. Однако в министерстве, где этот вопрос обсуждался вплоть до 1906 г., после гибели В.К. Плеве к идее

¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления. С. 70.

единого Сибирского генерал-губернаторства относились с большим сомнением. Только начальник Переселенческого управления А.В. Кривошеин продолжал настаивать на децентрализации переселенческого дела и объединении руководства им на месте в Сибири в одних руках¹.

Таким образом, правительство стало понимать необходимость смягчения политики жесткой централизации в управлении окраинами. Но, столкнувшись с целым рядом проблем в управлении Сибирью, оно не смогло найти адекватных потребностям времени решений, не сумело выработать целостный взгляд на цели, принципы и методы региональной политики по отношению к этому далекому и огромному по размерам региону. Осуществление реформ, которые должны были ликвидировать неравноправное экономическое и политическое положение Сибири в составе Российской империи, наталкивалось на серьезные противоречия внутри самого правительства. Нерешенность же выявленных проблем приводила к обострению противоречий между центром и Сибирским регионом. Поиск оптимального соотношения территориального и отраслевого начал в сибирском управлении, стремление снизить остроту межведомственной разобщенности, добиться распределения власти между центральными и местными государственными учреждениями, а также децентрализации её – все эти проекты оказались обречены на провал без широкого привлечения общественных сил. В условиях абсолютного господства бюрократии правительственное реформаторство зашло в тупик. Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. выявили как неэффективность существовавшей административной системы, так и взрывоопасность затягивания решения «сибирских вопросов».

Таким образом, специфика административно-территориальной организации сибирских и дальневосточных окраин, по мнению исследователя А.В. Ремнева, сводилась к значительно большей, чем в европейской части России, территории губерний, уездов (округов) и волостей, административные границы которых не столько обозначали уже сложившиеся экономические районы, сколько активно формировали их; города располагались на большом расстоянии друг от друга, и их роль как центров, стягивающих административную территорию, была существенно слабее, чем в Европейской России; неразвитостью коммуникаций, слабой интенсивностью торговых отношений, которые порождали большую автономность в действиях местных органов управления и самоуправления, почти не обеспеченных соответствующими нормативно-правовыми актами; значительной удаленностью региона от центра страны, где были сосредоточены высшие и цен-

¹ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления. С.71.

тральные органы власти, что приводило фактически к административной деконцентрации; приниженой роли губернских ведомственных учреждений и губернатора по сравнению с генерал-губернатором; более высокой степенью милитаризации управления, значительной зависимостью административно-территориального управления от военно-политических задач, когда на первый план выходят интересы комплектования и содержания вооруженных сил, охраны государственных границ, а также планы имперской экспансии¹.

Несколько отличалась ситуация в отношении Дальневосточного региона. 30 июля (12 августа) 1903 г. Николай II подписал указ об учреждении Особого Его Императорского Величества наместничества. Причина создания наместничества объяснялась так: «Сложные задачи управления на восточных окраинах побуждают нас озаботиться устройством власти, действием коей обеспечивалось бы мирное преуспевание сего края и неотложное удовлетворение местных нужд»².

Существует мнение, что, учреждая Дальневосточное наместничество, с подчинением его Особому комитету по делам Дальнего Востока под председательством царя, Николай II удовлетворял свое желание вернуть лицо «самому самодержавию»³.

В состав Дальневосточного наместничества вошли Приамурское генерал-губернаторство, Квантунская область, а также полоса отчуждения КВЖД. Столицей наместничества стал Порт-Артур.

Наместника наделили широкими полномочиями: «Наместнику нашему на Дальнем Востоке присвоить высшую власть по всем частям гражданского управления в крае вверенном, изъяв сие управление из ведения министерств, ему же предоставить верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоящих в пользовании КВЖД, а также ближайшую заботу о пользах и нуждах русского населения в сопредельных с наместничеством зарубежных владений... В заведовании наместника областей Дальнего Востока сосредоточить дипломатические сношения по делам сих областей с соседними государствами... Наместнику вверить командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками»⁴.

Таким образом, власть наместника объединяла два принципа управления: территориальный и отраслевой, что должно было способствовать улучшению системы административной власти на Дальнем Востоке.

¹ Ремнев А.В. Сибирский вариант управленческой организации XIX – начала XX в. // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 39.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 1.

³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). С. 446.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 2.

По представлению Николая II, единственным кандидатом на пост наместника на Дальнем Востоке был генерал-адъютант вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев. Назначение Е.И. Алексеева на эту должность было не случайным. Во-первых, Е.И. Алексеев был твердым сторонником укрепления позиций России в Маньчжурии и Корее за счет усиления военного присутствия в этом регионе.

Во-вторых, адмирал имел богатый опыт административного и военного управления, приобретенный в основном именно на Дальнем Востоке. В 1895–1897 гг. Е.И. Алексеев руководил эскадрой в Тихом океане, а с 1899 г. он занимал должность главного начальника и командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана. Летом 1900 г. он руководил действиями международного экспедиционного корпуса по подавлению восстания ихэтуаней в Печелийской провинции. Таким образом, адмирал Е.И. Алексеев хорошо знал положение дел на Дальнем Востоке.

В-третьих, немаловажно и то, что Е.И. Алексеев имел поддержку в высших кругах. «Он пользовался расположением нашего двора, где у него были слишком сильные покровители, начиная с самого Государя», – вспоминал комиссар по дипломатической части Квантунской области И.Я. Коростовец¹. В своих мемуарах И.Я. Коростовец дал следующую характеристику Е.И. Алексееву: «Отличаясь подвижным и деятельным характером, он требовал того же от подчиненных. Обыкновенно весьма вежливый в обращении, он становился резок, когда не понимали его желаний или относились к делу, спустя рукава. Адмирал славился своим хлебосольством и умел принять и угостить. У него был практический живой ум, мало склонный, как то часто встречается среди русских, к метафизическим обобщениям и химерам. Его главными недостатками я считаю нерешительность, склонность к лести и нетерпимость к чужим мнениям. По образованию и ширине умственного кругозора он стоял выше многих крупных наших бюрократов. Алексеев интересовался военными и морскими делами, особенно последними. Из него, вероятно, вышел бы хороший морской министр, и можно только сожалеть, что судьба или неумеренное честолюбие привели его в Порт-Артур, где военный специалист, как показали дальнейшие события, был бы более на месте»². Эта характеристика резко отличается от распространенного мнения, что Е.И. Алексеев был «паркетным адмиралом» и проявил себя только в качестве царедворца.

Для Е.И. Алексеева назначение на пост наместника Дальнего Востока не было неожиданным. Еще 2 (15) мая 1903 г. он получил телеграмму Николая II, в которой говорилось о желании императора со-

¹ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 6.

² Там же.

средоточить в его лице высшее управление по всем ведомствам на Дальнем Востоке. Е.И. Алексеев хорошо понимал, насколько ответственен его предполагаемый высокий пост и предпринимал попытки отказаться от этого груза. Он просил А.Н. Куропаткина передать императору свое мнение о невозможности справиться с новыми обязанностями. Министр выполнил поручение адмирала, но император посчитал, что просьба Е.И. Алексеева – это проявление излишней скромности. В беседе с А.Н. Куропаткиным Николай II заявил, что ещё полтора года назад решил этот вопрос¹. Е.И. Алексееву, как военному человеку, оставалось только подчиниться воле монарха.

Планы Николая II по изменению управления на Дальнем Востоке были известны лишь небольшому кругу лиц. Для многих появление новой управленческой структуры стало полной неожиданностью. Военный министр А.Н. Куропаткин вспоминал: «Ко мне приехал Витте, возбужденный, и привез номер «Правительственного Вестника», в котором неожиданно для всех министров, кроме Плеве и, думаю, кроме самого Витте, был напечатан указ о наместнике на Дальнем Востоке. Читали вместе и многое нам было непонятно... Прежде всего, исполнение указа ныне же и мне и Витте представляется мало выполнимым, ибо у Алексеева нет ныне органов и лиц, которые могли бы помочь ему вступить в должность наместника не по существу, а по форме... В тот же день я был у Плеве... говорили об указе. Плеве успокаивает меня и говорит, что и он узнал об указе всего за два дня до его обнародования, причем ему даже приходилось испрашивать указания государя: кто должен контрассигновать указ?»².

С.Ю. Витте в своих воспоминаниях указывал, что об учреждении наместничества на Дальнем Востоке узнал только из газет³. В таком же положении оказался и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф⁴. Даже родственники Николая II оказались неосведомленными о его планах. В своем дневнике А.М. Куропаткин так описывал обстоятельства учреждения наместничества: «Относительно указа о наместничестве Ламздорф рассказал интересную новость. Государь и мне говорил, что относительно издания указа он советовался с Алексеем Александровичем. На днях Авелан [управляющий морским министерством, адмирал – А.М.] был у Ламздорфа и рассказал, что, зайдя 2 августа к великому князю, он застал его в необычном виде. Великий князь с недовольным видом сидел за письменным столом и что-то писал. Он встретил Авелана словами: «Сегодня я не могу дать вам много времени для доклада. Государь прислал мне на просмотр вот этот указ о наместничестве, и я сижу за этим делом». Авелан, к великому удив-

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. С. 55.

² Там же. С. 52–53.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 86.

⁴ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 158.

лению великого князя, ответил: «Напрасно трудитесь, ваше высочество, указ уже опубликован несколько дней тому назад». Удивление великого князя было великое...»¹.

Вышеназванный факт является еще одним подтверждением того, что такой важный государственный вопрос, касавшийся ведения многих ведомств, был решен Николаем II спонтанно, опираясь лишь на мнение приближенных к нему в тот период лиц. Не была проведена подготовительная работа, обычная при решении любого серьезного вопроса, тем более такого, как изменение административного управления огромным регионом, расположенном на приоритетном направлении российской внешней политики. Вопрос не обсуждался ни на уровне министерств, ни на уровне межведомственных совещаний. Николая II мало интересовали мнения министров по данному вопросу. Разработкой административной реформы на Дальнем Востоке занимались, по сути, частные лица, находившиеся вне ведомственной принадлежности, не имевшие соответствующей компетенции и не отягощенные какой-либо ответственностью.

Поспешность и неподготовленность в деле учреждения Особого наместничества на Дальнем Востоке проявились практически сразу. Так, в качестве нормативно-правовой базы своей деятельности наместник был вынужден использовать положения «Учреждения управления Кавказского и Закавказского края». Появление указа об учреждении Особого наместничества на Дальнем Востоке не было нормативно поддержано соответствующим Положением. Положение об управлении областями Дальнего Востока должно было определить полномочия наместника, структуру наместничества, штат его управления и многое другое. Право на разработку Положения получил наместник, а после 30 сентября (13 октября) 1903 г. также Особый комитет по делам Дальнего Востока. Министры имели возможность обсуждать проект Положения и высказывать свое мнение в отзывах, направлявшихся наместнику и управляющему делами Особого комитета. Бойкотирование разработки проекта со стороны ряда министров и начавшаяся война с Японией не позволили прийти к окончательному варианту нормативного акта. Дальневосточное наместничество вплоть до упразднения просуществовало без утвержденного Положения об управлении областями Дальнего Востока. Сложившаяся ситуация не способствовала упрочению власти наместника и реальному улучшению системы управления Дальневосточным регионом.

Военный министр А.Н. Куропаткин видел много проблемных вопросов в возможности реализации власти наместника. По этому поводу он вспоминал: «Докладывал Государю о несогласии между Сувотичем и Алексеевым. Первый подал в отставку... Доложил Государю

¹ Дневник Куропаткина. С. 64.

рю о принятых нами мерах, дабы помочь Алексееву разобраться в порученном ему деле... Затем я попросил указания, какой случай Государь признает наиболее желательным: уничтожение Приамурского военного округа и Квантунской области и подчинение всего района Дальнего Востока непосредственно наместнику или оставление Приамурского военного округа и Квантунской области, как они есть, с подчинением командующего войсками наместнику, с придачей ему высших прав за счет Петербурга. И даже за счет меня, – прибавил Государь»¹. Таким образом, Николай II готов был отдать часть своих властных полномочий ради скорейшего выполнения намеченной программы.

Далее А.Н. Куропаткин продолжал: «Его Величество указал на первый случай как наиболее желательный. Я доложил тогда необходимым перенести управление этим районом из Порт-Артура в другой пункт. Государь оспаривал это мнение, указывая, что временно Порт-Артур является главнейшим на Дальнем Востоке пунктом. Я докладывал, что, притягивая дела из Забайкалья и Приамурья искусственно к Порт-Артуру, мы жертвуем интересами русских областей в ущерб их развитию. Просил Государя не решать этого вопроса до приезда Алексеева в Петербург. Государь согласился. Напомнил Государю мнение Алексеева о подчинении Приамурья. Государь сказал, что он внимательно прочел мой дневник о заседании в Порт-Артуре. Что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и неправильно решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь, так или иначе, вопрос этот решен, и с этим надо всем считаться...»².

Из этих воспоминаний следует, что остававшаяся у Николая II неопределенность в решении как маньчжурского и корейского вопросов, так и многих других, делала наместника Е.И. Алексеева заложником политической конъюнктуры. Сторонники различных взглядов на способы решения дальневосточных проблем всеми силами старались привлечь на свою сторону Е.И. Алексеева, хорошо понимая, что наместник является главным исполнителем воли Николая II на Дальнем Востоке. Он, в свою очередь, не стремился открыто примкнуть к какой-либо группе. Положение наместника Дальнего Востока обязывало его соблюдать осторожность в своих действиях. Многие сановники, например, граф В.М. Ламздорф, обвиняли Е.И. Алексеева в медлительности при решении важных вопросов. Нелестные отзывы о наместнике давали и сторонники А.М. Безобразова. Но это можно объяснить и тем, что практически все шаги Е.И. Алексеева зависели от указаний из Петербурга. А так как у самого Николая II не имелось четкой позиции в дальневосточных делах, то и политика правитель-

¹ Дневник Куропаткина. С. 68–69.

² Там же.

ства в отношении Дальнего Востока отнюдь не всегда была последовательной. Все это, безусловно, отражалось на деятельности наместника. В конце концов, Е.И. Алексеев оказался неуютен и неудобен всем, даже самому императору. Окончательно решение о закрытии проекта дальневосточное наместничество будет принято после разгрома 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З.П. Рожественского в Цусимском проливе, когда рухнут последние надежды на благополучный для России исход войны.

Таким образом, главная причина учреждения Дальневосточного наместничества заключалась в попытке реализации активной внешнеполитической программы, целью которой было найти место России в новой геополитической картине мира. Укрепление позиций России в Китае и Корее было необходимо России в качестве подтверждения статуса великой державы. Однако, в отличие от ведущих держав, это стремление не было подтверждено крупномасштабной экономической поддержкой правительства. Сохранялась слабая заинтересованность российских предпринимателей в рынках Китая и Кореи. Так как основные промышленные предприятия находились в Европейской России, то доставка товара в Азию значительно повышала его цену. КВЖД как завершающее звено Транссибирской магистрали начала функционировать в полном объеме только к 1903 г. Порт Дальний, построенный для международной торговли, вследствие ухудшения обстановки на Дальнем Востоке практически себя не окупал. Русские предприятия (за исключением КВЖД), находившиеся в Маньчжурии и Корее, в основном относились к добывающей промышленности, имели незначительные капиталовложения и слабую техническую оснащенность.

Одной из причин учреждения наместничества на Дальнем Востоке была попытка решить проблему ведомственного противостояния, наблюдавшегося в тот период в России. Идея децентрализации выражалась в том, чтобы для более эффективного управления передать часть полномочий министерств и ведомств региональной власти. Учреждение наместничества являлось одним из вариантов реализации этой программы. Различия во взглядах на ведение дальневосточной политики среди руководителей центральных ведомств субъективно способствовало ускорению реформы административного управления на Дальнем Востоке.

В результате, сложившаяся международная обстановка на Дальнем Востоке, выразившаяся в ухудшениях отношений с Японией, делали актуальной повестку усиления военно-административной власти, где за счет концентрации власти в одних руках можно было более эффективно во временном и фактическом отношении подготовиться к возможным боевым действиям как с Японией, так и с Китаем.

1.2. Роль Особого комитета по делам Дальнего Востока в реализации дальневосточной политики

Учреждение Особого комитета Дальнего Востока было предрешиено резолюцией Николая II на журнале совещания 7 (20) мая 1903 г.: «Дела Дальнего Востока, требующие совместного обсуждения ведомств, должны быть и впредь соображаемы в Особом совещании, подобно настоящему. В Моём отсутствии председательствовать в нем старшему из членов; управление же делами возлагаю на Свиты Моей контр-адмирала Абаза»¹.

В августе 1903 г. А.М. Безобразов представил наместнику Е.И. Алексееву разработанные совместно с министром внутренних дел В.К. Плеве предложения по организации управления на Дальнем Востоке. Во главе должен был стоять Особый комитет под председательством Николая II. В его состав должны были войти руководители заинтересованных ведомств. Помимо членов Комитета по должности в его состав А.М. Безобразов предлагал себя и контр-адмирала А.М. Абазу. Делопроизводство проходило через управляющего Комитета и особую канцелярию. Наместник должен был работать непосредственно с Комитетом². Проект А.М. Безобразова и лег в основу Положения об Особом комитете по делам Дальнего Востока. 30 сентября (13 октября) 1903 г. Николай II своим указом Правительствующему Сенату утвердил данное Положение.

В состав Комитета под председательством Николая II входили: министр внутренних дел, министр финансов, министр иностранных дел, военный министр, управляющий морским министерством и другие особы, по усмотрению императора призываемые. Наместник на Дальнем Востоке также являлся членом Комитета и должен был участвовать в его заседаниях во время пребывания в Петербурге. В ведении Комитета находились: 1) дела по устройству управления Дальним Востоком и его финансированию; 2) дела, касающиеся промышленного и торгового развития края; 3) предложения наместника Дальнего Востока относительно введения новых и изменения действующих во вверенном ему крае постановлений; 4) предложения наместника относительно распространения в наместничестве законов и распоряжений министров и главноуправляющих; 5) дела, для решения которых требуется соглашение наместника с министрами, и дела, разрешение которых превышает власть наместника. Дела на рассмотрение Комитета вносились либо по распоряжению Николая II, либо по представлениям министров и наместника на Дальнем Востоке³.

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 48.

² Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 404.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 133.

Как видно, Положение устанавливало новый порядок обсуждения государственных вопросов. Вместо разрозненных всеподданнейших докладов по отдельным ведомствам должен был осуществляться принцип предварительного обсуждения вопросов, касавшихся Дальнего Востока, между министрами под председательством императора. «От этого получалось то объединение в направлении дел, отсутствие которого приносило нам так много вреда на Дальнем Востоке»¹. По сути, Комитет должен был выполнять функцию объединенного правительства, когда это касалось дальневосточной политики, но без исполнительных функций.

Другое нововведение состояло в привлечении к обсуждению государственных дел в Комитете Дальнего Востока лиц, не состоявших на государственной службе, но являвшихся специалистами по тем или иным вопросам или имевших представление о местных условиях. Подразумевалось, что этим будет установлена связь между «законодательной и вообще государственной работой правительственного органа с действительными потребностями края»². В результате в состав членов комитета были назначены контр-адмирал А.М. Абаза, статс-секретарь А.М. Безобразов, члены Госсовета В.П. Череванский и Э.В. Фриш.

При Комитете Дальнего Востока была образована канцелярия для заведывания всем делопроизводством. Управление делами Комитета возлагалось по Высочайшему указу на одного из членов, который имел присутствие и в других высших государственных установлениях при рассмотрении дел, имевших отношение к управлению Дальним Востоком. Управляющий делами Особого комитета был одновременно и начальником его канцелярии³.

Назначенный управляющим делами Комитета контр-адмирал А.М. Абаза имел право присутствовать в Государственном Совете, Комитете министров, Комитете Сибирской железной дороги, когда там рассматривались вопросы, напрямую или косвенно касавшиеся Дальнего Востока. Вновь образованное учреждение имело несомненное сходство с Комитетом Сибирской железной дороги, где так же председательствовал Николай II, тогда еще цесаревич⁴. Очевидно, удачный опыт работы Сибирского комитета, где он играл ведущую роль, послужил своего рода примером.

В течение непродолжительного, менее чем полуторогодичного своего существования канцелярия Особого комитета Дальнего Восто-

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С.173.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ремнев А.В. Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции. С. 57.

ка занималась различными делами. В канцелярию поступало много дел по внутреннему управлению Дальневосточным наместничеством: дела сметные, торговли и промышленности, по устройству и улучшению путей сообщения, по земельному устройству и обеспечению хозяйственного быта населения, общеадминистративные, судебные и т.д. В числе дел, прошедших через канцелярию Особого комитета, следует указать на восстановление 1 (14) мая 1904 г. в Приамурском крае порто-франко, отмененное по представлению министра финансов с 1 (14) января 1901 г. Канцелярия занималась также подготовкой материалов для законодательных работ по учреждению наместничества. Что же касается участия канцелярии в переписке по делам политическим и дипломатическим, то оно было совершенно незначительным¹.

Основная работа канцелярии была связана с разработкой проекта управления Дальневосточным наместничеством. 24 ноября (7 декабря) 1903 г. результаты работы Порт-Артурской комиссии по выработке проекта Положения об управлении областями Дальнего Востока были представлены в Комитет. После ознакомления с этим проектом Николай II выразил недовольство даже тем небольшим вмешательством ведомств, которое там присутствовало. 19 декабря 1903 г. (1 января 1904 г.) наместнику было предписано по всем вопросам обращаться лично к Николаю II либо к управляющему делами Комитета Дальнего Востока. Тем же указом из представителей ведомств создавалась комиссия под руководством министра внутренних дел В.К. Плеве (являвшегося также вице-председателем Комитета Дальнего Востока) для рассмотрения проектов по устройству управления, разработанных в Порт-Артуре.

О своем несогласии с полным отстранением министерств от управления Дальним Востоком сразу же заявили министры иностранных дел, финансов и военный министр. А.Н. Куропаткин прямо написал Николаю II, что передача всех дел военного ведомства в Особый комитет, без наличия там учреждения, соответствующего Главному штабу, «мало исполнимо»². Но все это было оставлено без ответа.

Вопросы разработки экономической программы для Дальнего Востока обсуждались в комиссии, образованной по указанию Николая II, под председательством члена Госсовета графа А.П. Игнатьева. В состав комиссии вошли: член Госсовета действительный тайный советник В.П. Череванский, товарищ министра земледелия и государственного имущества тайный советник П.Х. Шванебах и управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока контр-адмирал А.М. Абаза. Кроме того, к участию в работе комиссии были пригла-

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 174–175.

² Ремнев А.В. Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции. С. 61.

шены помощник управляющего делами Комитета Дальнего Востока тайный советник Н.Г. Матюнин и отставной гвардии полковник В.М. Вонлярлярский. В этом первоначальном составе комиссия в период с 13 (26) января по 10 (23) февраля 1904 г. провела несколько заседаний¹.

После начала войны с Японией на обсуждение был поставлен вопрос, своевременно ли продолжать работу комиссии. Имелось в виду то, что исход войны мог значительно изменить политическую обстановку. После обмена мнениями было решено продолжить заседания комиссии на том основании, что дело, при всей своей сложности, допускало обсуждение некоторых принципиальных вопросов. Более подробная разработка экономической программы и применение на практике постановлений комиссии должны были быть отложены до окончательного выяснения новой политической обстановки.

Комиссия выработала «программу вопросов, подлежащих обсуждению по финансированию промышленных и хозяйственных предприятий России в зарубежных местностях Дальнего Востока». Так как состав комиссии практически полностью состоял из сторонников А.М. Безобразова, то в программу был включен вопрос об организации «торгово-промышленного общества с достаточными средствами как для управления существующими предприятиями, так и для установления торгово-промышленной связи зарубежных местностей Дальнего Востока с центрами русской производительности»².

27 февраля (12 марта) 1904 г. по повелению Николая II в состав членов комиссии был назначен министр финансов сенатор В.Н. Коковцов. С его участием состоялись два заседания комиссии – 10 (23) и 24 мая (6 июня) 1904 г. На этих заседаниях министр финансов высказался против проекта А.М. Безобразова об образовании правительственного, под частным флагом, центрального общества, по примеру *Societies fermieres*. Вместо этого В.Н. Коковцов предложил следующее: введение ограниченных льгот в таможенной, тарифной, налоговой, кредитной сферах; устранение некоторых формальностей образования компаний; отказ от нетерпимости к иностранцам и евреям, привлекая тем самым их капиталы. После этих мероприятий дать возможность самостоятельному развитию частных предприятий. Главные возражения министра финансов сводились к следующему: «1) В России нет для подобных предприятий ни людей, ни капиталов... 2) Явится опасность, что от русской казны станут требовать постоянные крупные жертвы. 3) Кроме того, сомнительна и сама возможность располагать концессией, не владея на правах полной соб-

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 181–182.

² Там же. С. 182.

ственности зарубежными местностями»¹. И, наконец, сенатор Коковцов вообще усомнился в выгоде ведения дела для привилегированной компании, так как примеры подобных иностранных компаний, по его мнению, были недостаточно в этом отношении убедительными. Таким образом, В.Н. Коковцев, исходя из необходимости экономии государственных средств в условиях войны, практически полностью отверг проект создания привилегированной компании.

Контр-адмирал А.М. Абаза высказал свое несогласие с мнением В.Н. Коковцова о невозможности найти источник для покрытия расходов, производившихся в пределах наместничества Дальнего Востока. Управляющий Комитета Дальнего Востока выступил в поддержку проекта А.М. Безобразова со следующими аргументами: «Если обратить внимание на те местности, которые лежат на меридианах наместничества, то, начиная с юга, от Австралии, и кончая Шанхаем, нельзя не видеть в них развития особой предприимчивости, приносящей крупные доходы. Только там, где начинается влияние русских людей, а именно от Тянь-Цзиня к северу, предприимчивость падает. Низкое же развитие предприимчивости наблюдалось и в Аляске, пока она принадлежала России»². По мнению А.М. Абазы, предприимчивость тормозилась в России законами и еще более порядками, «обставляющими всякое торгово-промышленное предприятие такими формальностями, при которых оказывается невозможным работать». Далее А.М. Абаза указывал, что образование особого привилегированного общества могло бы быть наилучшим способом увеличения доходов наместничества. В качестве удачного примера он приводил опыт существования Ост-Индской компании.

Управляющий Комитетом Дальнего Востока считал, что в пределах наместничества имелось широкое поле для предприимчивости, «так, по крайней мере, опытные горные инженеры указывают на то, что Маньчжурия богаче даже Трансвааля». Под эгидой общества можно было бы объединить русский и иностранный капиталы. Не следовало бояться также участия казны в оборотах общества. По мнению А.М. Абазы, если «общество образовывалось бы исключительно на частные средства, то доходы его проходили бы мимо казны, чем не достигалась бы и цель образования самого общества. К тому же издержки казны, в случае образования общества, были бы незначительными по сравнению с ежегодным расходом в 40–60 млн руб., ныне приплачиваемых на Дальнем Востоке. Образованием особого центра-

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 183.

² Там же. С. 184–185.

лизованного органа облегчает для предпринимателей способ создания предприятий, а в этом одном уже лежит залог успеха»¹.

На основании всех вышеперечисленных соображений управляющий делами Комитета Дальнего Востока полагал, что совещание должно было наметить те пути, которыми было бы обеспечено извлечение доходов для казны из природных богатств наместничества, что, по его мнению, было возможно только с помощью образования особого привилегированного общества с предоставлением ему права открытия филиалов для эксплуатации края и с неперенным участием в оборотах его казенных средств. В результате острых дебатов к единому мнению на заседании 10 (23) мая 1904 г. так и не пришли.

На следующем совещании 24 мая (6 июня) 1904 г. обмен мнениями был продолжен. По вопросу о наилучшем устройстве экономической жизни наместничества Дальнего Востока выяснились следующие взгляды членов комиссии. Министр финансов В.Н. Коковцов и тайный советник П.Х. Шванебах считали единственно возможной формой экономического развития окраины привлечение туда частных капиталов путем предоставления предпринимателям разных льгот. Это мнение совпадало с взглядами бывшего министра финансов С.Ю. Витте. В.Н. Коковцов и П.Х. Шванебах считали, что в любом случае заметного облегчения для русской казны не будет. Председатель комиссии граф А.П. Игнатъев и тайный советник В.П. Череванский признали желательным образование из выдающихся представителей отечественной промышленности и торговли особого главного общества, без какого-либо участия казенных средств, с предоставлением ему права учреждения филиалов общества (*Societes fermieres*). Они, таким образом, выступали за несколько усеченный вариант проекта А.М. Безобразова.

Управляющий делами Комитета Дальнего Востока А.М. Абаза настаивал на участии в проектировавшемся обществе «русской казны с целью дать возможность русскому правительству иметь фактический и действенный надзор за тем, чтобы частные, как русские, так и иностранные капиталы, привлекались и работали в известной планомерности, соответствуя государственным интересам России». Основная мысль А.М. Абазы заключалась в том, что «центральное общество должно быть правительственным главным образом в политических целях, а затем для возмещения расходов казны и управления краем»². Вследствие такого явного разделения мнений комиссия так и не пришла к окончательному варианту проекта экономической программы Дальнего Востока.

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 184–185.

² Там же. С. 186.

В дальнейшем еще одна попытка обсуждения такой программы была сделана в начале 1905 г. 4 (17) января генерал-лейтенант Шведов, председатель Российского общества востоковедения, обратился к контр-адмиралу А.М. Абазе с письмом, в котором выразил полную готовность совета Общества «приносить посильную пользу в разработке вопросов и вообще поручений Комитета и тем самым, в мере сил, содействовать успеху русского дела на Дальнем Востоке»¹.

Осуществляя одно из основных положений Особого комитета, заключающееся в привлечении к работе лиц, имевших представление о нуждах Дальнего Востока, А.М. Абаза охотно пошел навстречу желанию Общества востоковедения принять участие в разработке программы экономического развития этого края.

Рассмотрение вопросов по делам Дальнего Востока Обществом востоковедения было обусловлено не только научным интересом. Общество было учреждено для изучения и обоснования экономических потребностей России по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. Внимание востоковедов в первую очередь концентрировалось на исследовании стратегически важных внутренних районов и попадающих в сферу российских имперских интересов сопредельных зарубежных территорий. Тем самым, по мнению А.В. Ремнева, географические научные изыскания становятся важным средством и прикрытием имперской политики².

7 (20) января 1905 г. управляющий делами Особого комитета ответил председателю Общества востоковедения, что доложил императору о предложении совета Общества востоковедения оказывать содействие в разработке вопросов, касающихся областей наместничества Дальнего Востока. «Впредь принося искреннюю признательность за все, что Общество сочтет возможным сделать для нас, спешу уведомить, что Канцелярия Особого комитета воспользуется любезным предложением и притом в весьма непродолжительном времени»³. И уже 18 (31) января 1905 г. А.М. Абаза обратился к Обществу востоковедения с предложением высказать свои соображения по вопросам «устройства хозяйственной жизни русского Дальнего Востока»⁴. При этом А.М. Абаза просил учитывать, что война с Японией может в значительной степени изменить условия, в «которых России приходится действовать до сего времени». Кроме того, было бы «желательным, чтобы при обсуждении предлагаемых ниже вопросов принималось во

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 176–177.

² Ремнев А.В. Имперская история России: азиатский вектор: проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 20.

³ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 177.

⁴ Там же. С. 177–179.

внимание, что на наместничество Дальнего Востока могут выпасть различные задачи: или ему придется считаться с соседними Маньчжурией и Кореей как с элементами независимыми, или же принять их в сферу своего влияния и даже руководства»¹. То есть даже в январе 1905 г., после ряда поражений русской армии и флота на Дальнем Востоке, в Петербурге не оставляли надежды на реализацию довоенных планов.

Управляющего Комитета интересовало: «1) Какой строй финансово-экономического управления наиболее отвечает выполнению задач наместничества Дальнего Востока для наилучшего обслуживания русских интересов: следует ли придерживаться существующих приемов на наших окраинах, или отдаленность и особые местные условия Дальнего Востока вызывают необходимость децентрализации? 2) Какие средства могут быть рекомендованы: а) для возможного уменьшения административных расходов государства по надзору за эксплуатацией естественных богатств в наместничестве и б) для более успешного и выгодного, как для казны, так и для предпринимателей, использования естественных богатств и ресурсов края? 3) Желательно ли сосредоточить общее руководство всеми учреждениями местной хозяйственной жизни в наместничестве и если желательно, то наметить, в каком виде должно выражаться такое общее руководство, чтобы оно не стесняло развитие деятельности различных местных предприятий. 4) Следует ли держаться охраны русских предприятий от конкуренции иностранцев путем препятствия последним развивать свою деятельность в областях наместничества и в соседних странах, или же в интересах развития промышленности, торговли и культуры на Дальнем Востоке идти свободно и широко на привлечение в край иностранных предпринимателей и капиталов, в целях поднятия общего уровня его благосостояния и косвенно уменьшения на него расходов метрополии? Если первое, то какие меры могут охранить интересы русской промышленности как местной, так и Европейской России? Если второе, то в какой мере следует дать простор частному почину и частной деятельности в крае и в какие отношения должна быть поставлена частная предприимчивость к наместничеству и иностранные предприятия к русским?»².

Постановка таких вопросов в начале 1905 г. говорит о том, что даже по прошествии значительного времени с момента учреждения Дальневосточного наместничества основные принципы его экономического развития так и не были сформулированы.

Для того, чтобы ответы на поставленные вопросы были по возможности более определенными, членам Общества было предложено

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 177–179.

² Там же.

высказаться об имевшемся плане А.М. Безобразова. Сущность этого плана заключалась в политико-экономическом и хозяйственном устройстве областей Дальнего Востока по аналогии с английскими обществами *Chartered Companies* и *Societies fermieres*.

По проекту А.М. Безобразова, необходимость введения новых хозяйственных порядков вызывалась особыми условиями наместничества – не только географическими и бытовыми, но и политическими. Высказывалось мнение, что одними русскими предприятиями и капиталами обойтись на Дальнем Востоке невозможно и что российские бюрократические порядки способны служить, скорее, помехой для всякого дела, чем поддержкой. Предполагалось, что компания по образцу *Societies fermieres* представляла бы на Дальнем Востоке особые в государственном отношении выгоды. Прежде всего, правительство, владея сравнительно небольшим акционерным капиталом, становилось полным хозяином положения. Оно сохраняло бы за собой лишь право распределять, на известных условиях, концессии кроме русских предпринимателей ещё и иностранцам, национальность которых являлась желательной для российского правительства. Передав частным лицам или обществам концессии, центральное (правительственное) общество совсем не вмешивалось бы затем в хозяйственную сторону дела, то есть само правительство не занималось бы эксплуатацией предприятий, а сохраняло бы за собою лишь общий надзор. При этом русская казна не несла бы никакого материального риска, получение же ею доходов от таких предприятий объяснялось бы необходимостью производить расходы на военные и административные потребности края, так как работа капиталов требует обеспечения внешнего и внутреннего спокойствия.

Таким образом, военно-политические интересы России и хозяйственно-экономические интересы частных лиц и акционерных обществ находились бы в выгодной комбинации. Тем самым был бы положен конец разорительной, по мнению А.М. Безобразова, на Дальнем Востоке деятельности министерства финансов, создававшего предприятия под частным коммерческим флагом, в которых распорядителями были чиновники того же ведомства. А.М. Безобразов считал их совсем некомпетентными в торгово-экономической области, и соответственно своими действиями они не способствовали хозяйственному развитию дальневосточных окраин, а, наоборот, тормозили его. По проекту А.М. Безобразова, никто из лиц, состоявших на государственной службе, не должен был принимать никакого материального участия в деле¹.

¹ Материалы о русско-японских переговорах. Из архива статс-секретаря А.М. Безобразова и др. С. 179–181.

Ответа на запросы управляющего Комитета по делам Дальнего Востока от Общества востоковедения так и не последовало, однако факты связи Комитета Дальнего Востока с Обществом востоковедения были обнародованы в печати с приведением извлечений, сопровождавшихся критическими замечаниями. В различных печатных органах переписка контр-адмирала Абазы с Обществом востоковедения рассматривалась как стремление группы высокопоставленных лиц монополизировать все богатства Маньчжурии.

Особый комитет по делам Дальнего Востока не был наделен исполнительной властью, и поэтому приведение положений комитета в исполнение предоставлялось наместнику и тем министрам, от которых дела были представлены.

Из вышесказанного видно, что комитет главным образом должен был координировать действия центральной власти и наместничества, а также рассматривать вопросы, выходявшие за рамки компетенции наместника.

Следует подчеркнуть, что Николай II ни разу не собирал комитет за всё время его существования в полном составе. В основном делами комитета занимался его управляющий А.М. Абаза, помощник управляющего Н.Г. Матюнин и наместник Е.И. Алексеев. Это говорит о том, что комитет являлся во многом надуманной структурой в центральном бюрократическом аппарате. Возможно, что реальная цель учреждения комитета заключалась не в скорейшем решении насущных проблем организации управления областями Дальнего Востока, а в легализации деятельности сторонников А.М. Безобразова. Соответственно роль комитета в решении дальневосточных дел была минимальной.

В основе преобразований системы управления на Дальнем Востоке лежал целый комплекс причин. Важнейшая причина заключалась, на наш взгляд, в необходимости реализации внешнеполитической программы, целью которой было укрепление позиций России в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), Монголии и Корее. При благоприятных условиях рассматривалась возможность присоединения Маньчжурии и создание на её территории особой области – Желтороссии. Учреждение Дальневосточного наместничества, административный центр которого располагался в Порт-Артуре, должно было способствовать реализации этой программы.

Напряженная международная обстановка, сложившаяся в регионе, требовала проведения безотлагательных мер по усилению обороноспособности дальневосточных территорий. Наместник, являвшийся главнокомандующим сухопутными и морскими силами, расквартированными на Дальнем Востоке, тем самым сосредоточивал административную и военную власти в одних руках.

Слабость российского предпринимательства на азиатском рынке и невозможность конкурировать с иностранными компаниями вынуждали правительство идти на внеэкономические меры, оказывая административную поддержку российским предпринимателям. Наместник должен был контролировать экономическую жизнь в регионе через разветвленный управленческий аппарат, в том числе и систему экономических обществ.

Однако неопределенность в действиях российского правительства, среди членов которого наблюдалось постоянное соперничество по поводу выбора внешнеполитической стратегии России, не позволила наместнику Е.И. Алексееву всерьез заняться претворением в жизнь колониальной программы. Последствия войны с Японией показали невозможность решения так называемого «маньчжурского вопроса». Это в определенной мере сказалось на дальнейшей судьбе Дальневосточного наместничества.

Учреждение наместничества на Дальнем Востоке было частью реформы системы управления окраинными территориями. Существовала острая необходимость в ликвидации межведомственной разобщенности на местах, пересмотре полномочий регионального руководства. Одно из решений проблем административной реформы заключалось в проведении децентрализации власти через передачу части прав и обязанностей центральных ведомств генерал-губернаторам и губернаторам. Во вновь учрежденном Дальневосточном наместничестве наместник получил самые широкие полномочия, большая часть которых была ему передана из ведения министерств. Однако на самом деле значительные права наместника не имели под собой серьезной нормативно-правовой основы. Круг полномочий сформулирован был неопределенно и не имел четких границ. Большинство дальневосточных вопросов продолжало решаться через министерства. В этих условиях нельзя было говорить о реальном осуществлении идеи децентрализации на Дальнем Востоке.

Учреждая Дальневосточное наместничество и Комитет по делам Дальнего Востока, Николай II и его «вневедомственное» окружение (Абаза, Безобразов, Матюнин) попытались одним простым действием решить все злободневные вопросы. Однако механическое, не имевшее серьезной подготовительной работы, учреждение еще одной административно-территориальной единицы не стало частью положительного опыта и удачным вариантом решения глобальной цивилизационной задачи – освоения окраинных территорий и закрепление России на Дальнем Востоке.

ГЛАВА 2

Влияние административных преобразований на развитие областей Дальнего Востока России

2.1. Организационная и правовая основы управления Дальневосточным наместничеством

Учреждение Особого наместничества на Дальнем Востоке кардинально изменило систему управления регионом. Особо остро встал вопрос о дальнейшем существовании Приамурского генерал-губернаторства, которое по указу 30 июля (12 августа) 1903 г. вошло в состав новой административной структуры.

5 (18) августа 1903 г. Приамурский генерал-губернатор Д.И. Сувотич получил телеграмму министра внутренних дел В.К. Плеве. В ней излагался текст императорского указа от 30 июля (12 августа) 1903 г. и дополнительные распоряжения. Телеграмма ввела в замешательство администрацию генерал-губернаторства. Вновь образованная структура (Особое наместничество) не имела разработанного и утвержденного Николаем II Положения об управлении областями Дальнего Востока. Не существовало четкого разграничения полномочий между наместником и генерал-губернатором. Полученные по телеграфу инструкции из Петербурга были довольно расплывчаты. До конца не было определено, какие вопросы решать на местах, какие отправлять в министерства и ведомства, а какие – в канцелярию наместника. В случае сомнений предлагалось обращаться к рескрипту от 30 января 1845 г. об устройстве Кавказского наместничества либо к Указаниям учреждения управления Кавказского и Закавказского края, помещенных во II томе Свода законов издания 1876 г. Но когда чиновники стали искать указанный том Свода законов в канцеляриях и дальневосточных библиотеках, то ни одного экземпляра не обнаружили. Ясно, что до этого случая никто не мог предположить, что на Дальнем Востоке понадобятся законодательные акты, касавшиеся Кавказского наместничества. Пришлось делать запросы в Петербург, чтобы получить теперь столь необходимый второй том¹. Проблема была решена только в ноябре 1903 г., когда необходимые документы, наконец-то, прибыли в Хабаровск. Таким образом, на протяжении трех месяцев чиновники канцелярии Приамурского генерал-губернатора действовали на свой страх и риск, препровождая текущие дела в Порт-Артур или оставляя их в Хабаровске.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 20–22.

Длительное время неизвестной оставалась и судьба самого Приамурского генерал-губернаторства. В Хабаровске ходили упорные слухи, что генерал-губернаторство могут упразднить. Управляющий канцелярии Приамурского генерал-губернатора М.П. Щербина неоднократно отправлял телеграммы некоему Васильеву в Петербург на Невский проспект, дом 68, с просьбой подробнее узнать обстоятельства учреждения наместничества¹. Видимо, Васильев каким-то образом был связан с Дальним Востоком и, кроме того, был хорошо осведомлен о том, что делалось в правительстве.

В дальнейшем стало ясно, что опасения о ликвидации генерал-губернаторства были напрасны, хотя заменивший Д.И. Суботича с 19 августа (1 сентября) 1903 г. генерал-лейтенант Н.П. Линевиц именовался в телеграммах и приказах как временно исполняющий дела генерал-губернатора².

В начале войны с Японией, по приказу наместника генерал-лейтенант Н.П. Линевиц был направлен в распоряжение Маньчжурской армии. Временно исполняющим обязанности Приамурского генерал-губернатора был назначен генерал-лейтенант Попов. По возвращении в Хабаровск генерал-лейтенанта И.П. Надарова исполнение должности генерал-губернатора было передано ему³. Затем эту должность замещал генерал Р.А. Хрещатицкий.

Отсутствие постоянной должности Приамурского генерал-губернатора было связано как с особенностями военного времени, так и, возможно, с тем, что вопрос о существовании генерал-губернаторской власти до конца не был решен. По крайней мере, в проектах структуры Дальневосточного наместничества Приамурское генерал-губернаторство отсутствовало.

Особенно болезненно в Приамурье было воспринято перенесение дальневосточной столицы из Хабаровска в Порт-Артур в связи с учреждением наместничества. Многие считали это решение ошибочным, приводя следующие доводы. Порт-Артур находился на арендованной китайской территории, т.е. он не был русским городом. Его местоположение как столицы было стратегически невыгодно – он располагался далеко на юге и был отрезан от основной российской территории. Однако в силу того, что нужды самого российского Дальнего Востока ставились на второй план, а на первом месте встала задача закрепления России в Маньчжурии, то все разумные доводы были отвергнуты правительством.

16 (29) августа 1903 г. генерал-адъютант Е.И. Алексеев, прибыв в Порт-Артур, вступил в должность наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке. Так как аппарат управления намест-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 27–28, 31–32.

² Там же. Д. 419. Л. 77.

³ Там же. Л. 123.

ничеством еще не был сформирован, то Е.И. Алексеев не мог в полном объеме приступить к своим обязанностям. Вследствие этого он издал приказ, который оговаривал, что только наиболее важные дела направлять наместнику, а остальные решать прежним порядком, пока не выработано Положение об управлении областями Дальнего Востока¹.

Эти положения подтвердил в своей телеграмме товарищ министра внутренних дел П.И. Дурново². Однако недоразумения продолжали иметь место, так как не существовало ясных критериев, с помощью которых можно было определить важность или второстепенность того или иного дела.

Из Порт-Артура шли постоянные запросы о высылке в распоряжение наместника различных дел из канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Они требовались для разработки проекта Положения об управлении областями Дальнего Востока, составления всеподданнейших отчетов, ведения текущей документации. Так, при составлении всеподданнейшего отчета наместника за 1904 г. использовались сведения из канцелярии Приамурского генерал-губернатора о денежных и других пожертвованиях различных обществ и частных лиц на нужды войны; о призыве на действительную военную службу, об отсрочках и поставках лошадей; о помощи семьям; о распоряжениях местной администрации по принятию мер к обеспечению порядка и спокойствия в крае; о мерах, принятых в отношении проживающих в крае японцев; о формировании и деятельности вольных дружин; о количестве засеянных десятин под хлеб, об урожайности; о том, насколько настоящая война отразилась на экономической жизни края, и др.³ Фактически все делопроизводство Приамурского генерал-губернаторства постепенно было передано в канцелярию наместника Дальнего Востока.

Анализ архивных документов показывает, что наместник Е.И. Алексеев стремился вникнуть во все сферы дальневосточной жизни, начиная от разработки Положения по управлению областями и заканчивая вопросом о сооружении памятника Семену Дежневу в Хабаровске⁴.

В конце концов, положение с распределением документации между канцеляриями наместника и генерал-губернатора стало более или менее проясняться. В ведении наместника находились дела: «1) по изданию, в дополнение и развитие существующих законоположений, наказов и инструкций; 2) по разъяснению возникающих вопросов о неполноте или неясности действующих законов; 3) о нерас-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 419. Л. 79.

² Там же. Д. 416. Л. 72.

³ Там же. Д. 460. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 416. Л. 159.

пространении на некоторой местности края или о приостановке мер, предписанных в порядке законодательном или исполнительном; 4) по вопросам пограничным; 5) по переселению и землеустройству; 6) по народному продовольствию; 7) о мерах по предупреждению и борьбы с эпидемиями и эпизоотиями; 8) об утверждении списков рыболовных участков, предназначенных к отдаче в аренду; 9) об открытии новых учебных заведений и преобразовании существующих; 10) по назначению и увольнению лиц, занимающих должности 5-го класса; 11) по утверждению должностных лиц горного управления; 12) о пожертвованиях частных лиц, заслуживающих особого внимания по значительности суммы или по цели самого пожертвования; 13) о сооружении памятников; 14) о случаях чрезвычайных, требующих принятия решительных мер»¹.

Довольно долго входило в оборот деловой переписки наименование должности наместника. В связи с этим канцелярия Приамурского генерал-губернатора неоднократно получала распоряжение о необходимости на всех служебных бумагах, адресовавшихся наместнику, писать полное название его должности – «Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке»².

Сложным оказалось сделать правильный и наиболее точный перевод на китайский язык вновь учрежденной должности наместника на Дальнем Востоке. Драгоманы Российской миссии в Пекине разработали три варианта титулования наместника на китайском языке. Первый проект был составлен в духе официальной китайской переписки, второй представлял собой точнейший перевод титула «Наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке», а третий был составлен в соответствии с тем, как именуется титул вице-короля Индии в официальной переписке между правительствами Великобритании и Китая. Наместник выбрал второй вариант, который на китайском языке звучал следующим образом: ДА (великий) О (русский) ГО (государство) ДА (великий) ХУАН ДИ (император) ЦИНЬ (императорский, высочайший) ЛЮ ШОУ (регент, наместник, заменяющий особу государя, когда последний уезжает куда-нибудь) ЮАНЬ (дальний) ДУН (Восток) ДА (великий) ЧЭНЬ (сановник). В переводе ДА О ГО ДА ХУАН ДИ ЦИНЬ ЛЮ ШОУ ЮАНЬ ДУН ДА ЧЭНЬ означало – Регент, наместник Его Императорского Величества Государя Всероссийского на Дальнем Востоке³.

Большие осложнения возникали во взаимоотношениях между наместничеством Дальнего Востока и министерствами и ведомствами. После указа о создании наместничества во главе с Е.И. Алексеевым борьба между сторонниками умеренного и силового методов в отно-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 114.

² Там же. Д. 419. Л. 88.

³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

шении дальневосточной политики России разгорелась с новой силой. В центре дискуссии оказались принципы административной политики и структура управления. Указ 30 июля (12 августа) 1903 г. ничего не говорил о системе административных органов кроме того, что высшая власть по всем частям гражданского управления изымалась из ведения министерств и передавалась наместнику. Е.И. Алексееву поручалось самостоятельно разработать Положение об управлении областями Дальнего Востока и представить, минуя обсуждения в министерствах и Государственном совете, в Особый комитет Дальнего Востока для утверждения. Впредь, до выработки Положения, права и обязанности наместника в отношении высших и местных учреждений должны были определяться, как уже отмечалось, на основании начал, установленных в Высочайшем рескрипте 30 января 1845 г. по устройству Кавказского наместничества.

До окончания работы над Положением об управлении областями Дальнего Востока никаких учреждений наместнического управления решено было не создавать. При наместнике учреждались две временные канцелярии: общая и дипломатическая¹. Управляющим общей временной канцелярией был назначен правитель канцелярии Приамурского генерал-губернатора М.П. Щербина². Дипломатическую канцелярию возглавил бывший чиновник по дипломатическим делам при Приамурском генерал-губернаторе Г.А. Плансон. При необходимости наместник мог пользоваться административными учреждениями Квантунской области.

По проекту министра внутренних дел В.К. Плеве и статс-секретаря А.М. Безобразова, являвшегося инициатором плана учреждения наместничества, деятельность Е.И. Алексеева контролировалась Особым комитетом Дальнего Востока. На региональном уровне при наместнике должна была действовать личная канцелярия из офицеров по особым поручениям во главе с генералом. Центральный уровень управления в наместничестве, по замыслу авторов проекта, делился на 4 части, возглавлять которые должны были особые помощники, подчиненные наместнику: 1) помощник по гражданской части, при котором учреждаются две канцелярии: дипломатическая и гражданская; 2) помощник по военной части, которому подчиняется штаб наместника; 3) помощник по морской части, с подчинением ему морского штаба; 4) помощник по экономической части³. Какого-либо совещательного органа или совета при наместнике для согласования деятель-

¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 194.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 426. Л. 1 об. 8.

³ Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 404.

ности помощников в проекте А.М. Безобразова и В.К. Плеве первоначально не предусматривалось¹.

Экономической базой новой административной структуры должно было стать Особое Восточно-Китайское промышленное товарищество, действовавшее под руководством Комитета Дальнего Востока. В это товарищество вошли бы разные известные лица, как по происхождению, так и по имущественному цензу. Все они составляли бы Общее собрание под председательством лица, облеченного личным доверием Николая II. Лицо это являлось в то же время членом Особого комитета. Текущие дела товарищества должны были проходить через правление с председателем во главе. В сферу интересов товарищества предполагалось отдать общий контроль и разработку главных направлений деятельности Русско-Китайского банка, управление КВЖД и, как выразился А.М. Безобразов в разговоре с Д.Д. Покотиловым – представителем КВЖД при Управлении наместника, «другие необходимые предприятия». Товарищество это, однако, не имело права деятельно вмешиваться в дела банка или железной дороги, а должно было играть декоративную роль для привлечения иностранного капитала. А.М. Безобразов назвал это товарищество «A great big scandicate»².

Местное управление было представлено в проекте губернаторским управлением областями Дальнего Востока: Забайкальской, Амурской, Приморской, Квантунской. Военные губернаторы этих областей должны были входить с представлениями к наместнику через соответствующего помощника, через штабы и канцелярии, в зависимости от разрешаемого вопроса³. Таким образом, Приамурское генерал-губернаторство должно было прекратить свое существование как лишнее звено в системе управления Дальним Востоком.

Структура, предложенная А.М. Безобразовым, не была чем-то принципиально новым для России. Это была, по сути, приспособленная к дальневосточным условиям модель управления Кавказским наместничеством, что ни В.К. Плеве, ни А.М. Безобразов никогда не отрицали. Однако в Кавказском наместничестве не существовало такого крупного экономического общества, какое было предложено А.М. Безобразовым. В проекте Восточно-Китайскому товариществу отводилось особое место. Вероятнее всего, что посредством его деятельности «безобразовцы» хотели окончательно лишить министра финансов влияния на дальневосточные дела. Особое товарищество, скорее всего, стало заключительным этапом грандиозной авантюры А.М. Безобразова под вывеской Ялуцзяньской концессии. Было несомненным

¹ Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 405.

² Там же. С. 404–405.

³ Там же. С. 405.

влияние личных финансовых интересов многих высокопоставленных участников концессии на события, приведшие к образованию наместничества, повлиявшие на будущее его устройство и управление.

Ялуцзянская концессия представляла собой товарищество на вере, участниками которого были генерал от кавалерии граф А.П. Игнатъев, генерал-адъютант П.П. Гессе, обер-полицмейстер Петербурга граф В.А. Гендриков, контр-адмирал А.М. Абаза, князь Ф.Ф. Юсупов, полковник гвардии в отставке В.М. Вонлярлярский, действительный статский советник Н.Г. Матюнин, кавалергардский полковник М.А. Серебряков. Почти все они в той или иной степени должны были участвовать в деятельности проектируемого А.М. Безобразовым Особого товарищества. Общество создавалась для эксплуатации «всякого рода лесных концессий, рудных, рыбных, звериных, судоходных, торговых и других всякого рода промысловых и торговых предприятий» в Маньчжурии, Корее, Приамурье. В беседах с Д.Д. Покотиловым А.М. Безобразов даже не скрывал (учитывая, что Покотил в служебном отношении был подчинен С.Ю. Витте) намерений оставить в новой организации всех прежних деятелей Ялуцзянской концессии. Он говорил: «Я желал бы вести все эти перемены так, чтобы это был просто переход из одной комнаты в другую»¹.

Заручившись поддержкой министра внутренних дел В.К. Плеве, главного противника С.Ю. Витте, «безобразовцы» сумели одержать верх, легализовавшись в Особом комитете по делам Дальнего Востока. С.Ю. Витте удалось частично отстоять интересы своего ведомства, так как в предложениях по устройству Дальневосточного наместничества и его управлению, которые обсуждались в комиссии по разработке проекта по управлению областями Дальнего Востока, Особое товарищество как отдельная структура, подчиненная Комитету Дальнего Востока, уже выделялась. Особое товарищество приобрело название – «Русское Лесопромышленное товарищество на Дальнем Востоке»².

На основании приказа наместника от 23 августа (5 сентября) 1903 г. № 13 учреждалась комиссия для составления Положения об управлении областями Дальнего Востока. Председателем комиссии стал сам Е.И. Алексеев. Комиссия состояла из двух отделов: военного и гражданского. Председателем военного отдела был помощник командующего войсками Квантунской области генерал-лейтенант Волков, членами военного отдела были командующий войсками Забайкальской области генерал-лейтенант Надаров, начальник штаба Приамурского военного округа генерал-майор Холщевников, начальник штаба командующего морскими силами в Тихом океане контр-адмирал Витгефт, начальник 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады

¹ Цит. по: Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 406.

² Там же.

генерал-майор Кашталинский, член от Военного министерства в Квантунском военно-областном совете действительный статский советник Повалишин, начальник штаба Квантунской области генерал-майор Флуг, помощник военного прокурора полковник Тыртов. Правителем дел был назначен генерал-майор Флуг, а делопроизводителями – подполковник Ашехманов и штабс-капитан Болховитинов.

Гражданский отдел возглавлял генерал-лейтенант Надаров. Этот отдел включал в себя представителей различных ведомств: исполняющего делами комиссара по гражданской части Квантунской области полковника Мейстера, чиновника по дипломатической части Плансона, комиссара по финансовой части Квантунской области Протасьева, его помощника и заместителя Маршанга, управляющего почтово-телеграфной частью Вилля, техника по горной части Пузанова, прокурора Порт-Артурского окружного суда Сколовича, правителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора Щербину, управляющего государственными имуществами Приамурского края Веденского, окружного инспектора училищ Маргаритова, заведующего переселенческим делом в Приамурском крае Архипова. Правителем дел был назначен статский советник Щербина, а делопроизводителями – коллежский советник барон Стюарт и губернский секретарь Серебренников.

Предполагалось, что на заседания комиссии могут быть приглашены председательствовавшие в отделах, а также и другие лица, чье присутствие будет признано полезным. Вследствие этого, на основании приказа наместника от 4 (27) ноября 1903 г. № 151 в состав комиссии вошли: вице-губернатор Приморской области Омелянович-Павленко, вице-губернатор Амурской области Таскин, начальник Управления водными путями Амурского бассейна генерал-майор Березовский, управляющий Амурской контрольной палатой Федосеев, директор Порт-Артурского реального училища Вознесенский, исполняющий делами градоначальника г. Дальнего Сахаров, председатель Порт-Артурского окружного суда Скворцов, главный контролер местного контроля Квантунской области Михайлов, управляющий КВЖД полковник Хорват, военный комиссар Гиринской провинции полковник Соковнин, военный комиссар Мукденской провинции полковник Квещинский, помощник управляющего КВЖД Игнациус, чиновник Министерства иностранных дел Колоколов, чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе Грушецкий, горный инженер при Приамурском генерал-губернаторе Пфаффиус, окружной таможенный инспектор Заамурского района Латкин, чиновник Министерства иностранных дел в Цицикаре Поппе, юрисконсульт Уссурийской железной дороги Константинов, военный комиссар Хэйлунцзянской провинции Богданов, начальник службы движения Уссурийской железной дороги Сяноженский, полицмейстер г. Дальнего

Меньшов, делопроизводитель канцелярии Приамурского генерал-губернатора Михайлов, инспектор по тюремной части при Приамурском генерал-губернаторе Соколов, помощник секретаря управления гражданской частью Квантунской области Голубов¹.

Таким образом, в составе комиссии были представлены практически все ведомства, имевшие свои структуры управления на Дальнем Востоке. По-видимому, это было связано с желанием со всей тщательностью составить проект Положения об управлении в областях Дальнего Востока. В то же время присутствие представителей различных министерств и департаментов, которые часто имели свои ведомственные интересы на Дальнем Востоке, приводило к многочисленным спорам и разногласиям по вопросам устройства управления в регионе. «Эти разногласия и борьба за власть, – вспоминал И.Я. Коростовец, – проходившие среди враждебного населения под ревнивым наблюдением Японии, повели к серьезным ошибкам и отчасти способствовали падению русского господства на Дальнем Востоке»².

10 (23) сентября 1903 г. с большой торжественностью открылись заседания комиссии. Наместник произнес речь, где изложил принципы, которые должны быть приняты за основу при разработке проекта. Он подчеркнул: «1) Управление наместничеством должно быть просто построено на началах широкой децентрализации, для чего рекомендуется расширить компетенцию губернаторов и областных советов, предоставив им разрешение многих вопросов, восходивших к генерал-губернатору. 2) Естественные богатства края должны быть оберегаемы и эксплуатироваться рационально. Хищничество Японии следует пресекать. Для успешного достижения этой цели север Приморской области с Камчаткой выделить в особую область. 3) Особое внимание – на переселенческий вопрос. 4) Следует выработать правильную постановку гражданского управления в полосе отчуждения КВЖД с соблюдением существующих с Китаем договоров. 5) Во избежание вреда двойственные правительственные органы при Маньчжурском правительстве следует объединить в одном лице. Должность эта может быть заменена чинами военного ведомства или Министерства иностранных дел. 6) Реорганизация учебной части с выделением наместничества в отдельный учебный округ. 7) Озаботиться правильной постановкой дела тюремного и горного»³. Это были наиболее насущные вопросы, которые необходимо было решить в первую очередь.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 426. Л. 1–2 об.

² Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. С. 4.

³ Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 406–407.

Дав указания, наместник довел до сведения присутствующих телеграмму от министра внутренних дел, полученную 4 (17) сентября 1903 г. В ней В.К. Плеве дословно изложил мнение Николая II по поводу основ нового управления Дальним Востоком: «Главные основания соответствуют указаниям учредительного указа: самостоятельность наместнического управления в отношении министерств и отдельная смета, широта полномочий Наместника применительно к исключительным правам административной власти по Кавказскому управлению и положению об усиленной охране. Простота управления, предположенная на первое время в виде двух канцелярий (общей и дипломатической) и соответственно сему бережливость расходов, включение железнодорожной полосы в компетенцию Наместника, с сохранением коммерческой самостоятельности»¹.

При создании проекта управления областями Дальнего Востока наместник должен был также учитывать результаты деятельности В.К. Плеве по разработке губернской реформы, которая с конца XIX в. велась в рамках Министерства внутренних дел и предусматривала передачу части властных полномочий из центра на места, т.е. частичную децентрализацию управления.

Комиссией был составлен примерный перечень предметов ведомства канцелярии по общим делам при наместнике на Дальнем Востоке. В ведении общей канцелярии находились дела: а) по финансовой части, земским повинностям и делам, относящимся к промышленности и торговле; б) по инспекторской распорядительной и учебной частям и по заведыванию делопроизводством совета наместника; в) по хозяйственным и городским делам, врачебно-ветеринарной части и по заведыванию делопроизводством технического совета наместника; г) по судебной, полицейской и тюремной частям; д) по переселению, землеустройству, крестьянскому и инородческому управлениям, продовольственному делу и по предметам ведения управления земледелия и государственных имуществ².

О ходе работы комиссии всех заинтересованных министров информировали не только по официальным каналам. Более подробную информацию они получали непосредственно от служащих местных ведомственных учреждений, которые участвовали в работе комиссии. С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин и В.Н. Ламздорф были очень встревожены тем, что многие вопросы, касавшиеся работы их ведомств, обсуждались буквально за их спинами. Комиссар по финансовой части Квантунской области И.Н. Протасьев сообщал своему начальнику С.Ю. Витте не только об официальных итогах работы, но и о возникших разногласиях и о предложениях, высказанных в частном по-

¹ Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 407.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 426. Л. 4–8.

рядке, что для министра финансов было важнее. Такая специфическая деятельность не только И.Н. Протасьева, но и других представителей отраслевых министерств приобрела столь значительные размеры, что наместник попросил членов комиссии воздержаться от донесений своим министрам по поводу вопросов, вынесенных на обсуждение¹.

На заседаниях гражданского отдела комиссии по выработке проекта Положения об управлении областями Дальнего Востока 4 (17) и 6 (19) октября 1903 г. рассматривался значительный круг вопросов. Было определено единоличное право наместника назначать чиновников в должности VI класса и выше. Если наместник счел бы необходимым, то по этим вопросам он мог советоваться с соответствующими министрами. Также обсуждался вопрос о прибавках, пенсиях и преимуществах службы на Дальнем Востоке.

Рассматривался вопрос и об организации финансовой службы. Было предложено упразднить Управление финансовой частью Квантунской области вследствие того, что область небольшая по площади и на её территории нет промышленных предприятий, продукция которых облагалась бы акцизом. Помощник комиссара по финансовой части Маршанг выступил против этого предложения, так как данное управление существовало в соответствии с Временным положением об управлении Квантунской областью, разработанного в Петербурге в 1899 г. В результате голосования было принято решение упразднить должность комиссара по финансовой части, податную инспекцию и акцизный надзор с подчинением их Казенной палате и Управляющему акцизными сборами, по принадлежности, и с выделением агентства по собиранию сведений торгово-промышленного и экономического характера Квантунской области и Маньчжурии в заведывание финансовому отделу канцелярии наместника.

По вопросу о создании в Порт-Артуре казначейства решили сохранить прежнее положение, когда казначейскими операциями заведовал агент департамента казначейства при Порт-Артурском отделении Русско-Китайского банка. В отношении контрольных учреждений постановили, что они должны действовать в соответствии с существующими законоположениями. Отредактировали также положения об учебной и горной частях, об устройстве судебной части.

При рассмотрении проекта Положения об управлении г. Дальнего определили следующее. Градоначальнику в отношении управления городом руководствоваться правилами, изложенными в ст. 996–1000 Общих учреждений губерний, и сверх того пользоваться всеми правами, предоставленными начальниками областей и Общим присутствием областных управлений наместничества на Дальнем Востоке.

¹ Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. С. 408.

ке. Управление градоначальника и подчиненной ему полиции должно было определяться особым штатом, причем полицейские чины в отношении своих прав и обязанностей должны были руководствоваться Положением о Квантунской области. Заведывание хозяйством и благоустройством г. Дальнего принадлежало особому городскому управлению, порядок и круг действий которого определялся правилами, утвержденными наместником по соглашению с министром финансов. Городское управление г. Дальнего составляли городской совет, председатель городского совета и состоящие при нем исполнительные органы.

Рассматривались и утверждались в окончательной редакции проекты положений об устройстве таможенной части и управлению земледелием и государственных имуществ. На заседании 4 (17) октября 1903 г. обсуждались положения об учреждениях тюремной части и переселенческом управлении.

Был пересмотрен проект Положения об управлении Квантунской областью со следующими замечаниями. Для согласования с положениями остальных областей областной совет должен был именоваться Общим присутствием областных управлений. Было принято решение отказаться от учреждения должности помощника начальника области. Также постановили, что до назначения наместником исправляющим должность начальника Квантунской области будет управляющий финансовой частью. Начальнику Квантунской области принадлежали права начальника управления земледелия и государственных имуществ. В Общем присутствии должен был заседать представитель местного контроля¹.

13 (26) сентября 1903 г. Е.И. Алексеев обратился к управляющему Министерства иностранных дел князю Оболенскому со следующими замечаниями: «Высочайшим Указом 30 июля на меня, между прочим, возложено верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоящих в пользовании КВЖД. Во исполнение Указа является необходимость обеспечить в означенной местности: 1) прочный гражданский порядок; 2) охрану прав русских и иностранных подданных; 3) безопасность линии в смысле политическом и санитарном; 4) действительный надзор за готовностью дороги для военной надобности. Задачи эти не могут быть с успехом выполнены, если на полосу отчуждения подобно Квантуну не будет в полном объеме распространяться юрисдикция судебная и административная, с подчинением ей как русских, так и иностранных подданных»². Однако Оболенский ответил, что это сделать невозможно, пока не решен вопрос

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 420. Л. 79–88.

² АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 167.

о Маньчжурии¹. Таким образом, Министерство иностранных дел вновь имела свое мнение, отличное от мнения наместника.

Между тем делались попытки решить вопрос об управлении линией КВЖД. Приказом Е.И. Алексеева 13 (26) декабря 1903 г. на управляющего дорогой были возложены, впредь до утверждения Положения об управлении областями Дальнего Востока, под общим руководством наместника, обязанности по сохранению общественного спокойствия, порядка и благочиния и обеспечению личной безопасности на территории дороги, на правах губернатора. Вопрос о гражданском управлении на данной территории был подвергнут рассмотрению в образованной Е.И. Алексеевым комиссии по выработке проекта Положения. Комиссия признала невозможным, оставаясь на почве концессии на постройку дороги, ввести в полосе отчуждения гражданское управление на тех основаниях, на которых это было сделано в Квантунской области, и полагала необходимым возложить организацию названного управления на Общество КВЖД.

Тем не менее, комиссией было принято решение поставить это управление под высший надзор наместника. В составленном комиссией проекте Временного положения об управлении областями Дальнего Востока было предусмотрено: 1) гражданское управление на территории дороги учреждается Обществом и состоит под общим руководством наместника, действующего в подлежащих случаях по соглашению с министром финансов; 2) управление по частям административным и полицейским возлагается на управляющего дорогой, его помощника по гражданской части и земельному устройству и других чинов управления и подчиняется наместнику на одинаковых основаниях с прочими областями Дальнего Востока; 3) управляющий дорогой и его помощники избираются правлением Общества и утверждаются наместником по соглашению с министром финансов².

Таким образом, этим проектом предусматривалось полное подчинение гражданского управления на территории КВЖД высшей местной власти – наместнику Дальнего Востока. Русско-японская война и последовавшее упразднение Дальневосточного наместничества помешали этому проекту получить законодательную санкцию, и вопрос об организации гражданского управления на территории КВЖД остался открытым.

В сентябре 1903 г. вопрос об устройстве в Дальневосточном наместничестве таможенной части, которая находилась в ведении министерства финансов, обсуждался в Порт-Артуре. Главной причиной, вызвавшей трения между департаментом таможенных сборов и аппаратом наместника, было желание последнего сосредоточить в своих

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 168.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 384. Л. 11–13.

руках среди других разделов гражданского управления и управление таможенным делом. Особые возражения таможенного ведомства вызывал предложенный способ решения кадровых проблем, главную роль в котором, по сложившемуся порядку, играл министр финансов и директор департамента таможенных сборов.

Интересы таможенного ведомства представлял в комиссии окружной таможенный инспектор С.Н. Латкин. Его позиция заключалась в отстаивании существовавшей системы разрешения таможенных дел. Предложения С.Н. Латкина были изложены в пространном рапорте, заранее направленном в канцелярию наместника. Обращаясь к наместнику, окружной таможенный инспектор напоминал, что таможенные учреждения в крае существуют с 1901 г. и созданы «не вдруг», а после «долгих и обстоятельных исследований», и, несмотря на враждебное отношение к ним публики, «привыкшей руководствоваться в своих действиях одним только произволом», смогли оправдать «расчеты правительства и надежды частных предпринимателей». Главной заслугой таможни инспектор считал «ограждение» легальной торговли от контрабанды, создание благоприятных условий для развития русского предпринимательства в Маньчжурии.

Формулируя конкретные предложения об управлении таможенной частью, С.Н. Латкин исходил прежде всего из специфики самого таможенного дела. Они касались преимущественно технической стороны и являлись настолько «специальными», что подведение их под статьи Положения, имеющего общий характер, представлялось инспектору невозможным. С.Н. Латкин предлагал сформулировать общую норму по аналогии с Положением о Кавказском наместничестве – «Права и обязанности учреждений и лиц, а равно и течение дел в сих учреждениях определяются Уставом Таможенным»¹.

Окружной таможенный инспектор выступил также в защиту существовавшего порядка назначения чиновников на должности в таможенном ведомстве. Он подчеркивал, что «таможенная служба как специальная требует особых технических познаний, в особенности по товароведению и тарифу, поэтому назначение на должности членов, экспертов, исполнительных чиновников по досмотровой части производится из лиц, обладающих техническим или хотя бы общим образованием, но специально подготовленных путем изучения практически техники таможенного дела на правах, причисленных к департаменту таможенных сборов»². Это позволяло министерству финансов иметь в своем распоряжении «надлежащий контингент для таможенной

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможне: очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003. С. 173.

² Цит. по: Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2009. С. 64.

службы» и соответствовавший квалификационным требованиям кадровый резерв для занятия более высоких должностей.

Такая система, по мнению таможенного инспектора, давала возможность оперативно реагировать на любые перемены в дислокации таможенных учреждений, их штатной численности. Наместник же мог осуществлять кадровую политику лишь в пределах вверенного ему края и не имел возможности обеспечить профессиональный принцип замещения должностей в таможенном ведомстве. В силу малого количества таможенных учреждений на Дальнем Востоке и недостаточности их состава местные власти были бы вынуждены назначать на должности людей, «не удовлетворяющих требованиям таможенной службы».

Для организации управления таможенной частью в наместничестве С.Н. Латкин предлагал открыть новые таможенные и карантинные учреждения на границе по образцу действовавших на Кавказе и организовать на территории наместничества два карантинно-таможенных округа с небольшим штатом (начальник, ревизор, секретарь), а при самом наместнике учредить должность управляющего таможенной частью с ревизором, секретарем и двумя помощниками секретаря¹.

Предложения таможенного инспектора не нашли поддержки среди членов Порт-Артурской комиссии. Негативное настроение, «установившееся в публике и печати» против учреждения на Дальнем Востоке таможенного надзора, который «стал предметом общих обсуждений, клонящихся к восстановлению порто-франко», соответствовало настрою самого наместника. Он, «не будучи осведомлен о положении на Дальнем Востоке таможенного дела», под впечатлением постоянных жалоб в печати на упадок в крае, преимущественно в Приморской области, торговли благодаря учреждению таможни, до некоторой степени разделял общее мнение о «нецелесообразности существования в крае сего надзора».

Большинством голосов комиссия, ссылаясь на императорский указ от 30 июля (12 августа) 1903 г., приняла решение о сосредоточении в управлении наместника всех вопросов и дел, «представляемых ныне таможенными учреждениями на разрешение Министерства финансов в порядке действующих постановлений Устава таможенного и Правил 15 мая 1901 г.». За Министерством финансов оставались вопросы ведения дел о контрабанде, разрешения «сверх предусмотренных законом случаев» беспошлинного пропуска из-за границы предметов дипломатического корпуса, снабжения таможенников обмундированием, вооружением, всем необходимым инвентарем. К наместнику переходило ранее находившееся в компетенции директора депар-

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможне: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 174.

таменты замещение должностей VI класса и выше. Чиновники VII и ниже классов назначались «начальниками подлежащих частей».

Проблемы, возникшие с началом организации гражданского управления в наместничестве в той его части, в какой они затрагивали проблемы «устройства таможенной части», позволяют сделать вывод о существовании практически одновременно двух подходов к организации таможенной службы в Приамурском крае.

Первый, назовем его профессиональный, вырабатывался комиссией товарища министра финансов Романова параллельно с разработкой основных направлений российской торговой и таможенной политики на Дальнем Востоке. Именно такой широкий контекст позволял предложить определенную систему мер, направленных на совершенствование таможенного надзора: развитие самих таможенных учреждений (дислокация, штаты, материальная база), обеспечение торговых интересов Владивостока («вольная гавань») и др.¹

Второй, административно-бюрократический, подход к проектированию развития таможенной службы нес на себе отпечаток той расстановки сил, которая к этому времени сложилась в правящих верхах. Некомпетентное вмешательство чиновников аппарата только созданного наместничества на Дальнем Востоке в деятельность постепенно и осторожно выстраиваемой таможенной службы было чревато фактически её уничтожением.

По сути, сторонники предложенных вариантов исходили из необходимости защиты особых интересов России в Маньчжурии. В уже упоминавшемся рапорте наместнику С.Н. Латкин писал о том, что защита русских интересов в Маньчжурии есть дело государственное и, следовательно, настаивать на предложениях канцелярии наместника – значит разрушить сложившуюся в государстве систему отраслевого управления в угоду сиюминутным настроениям и неясным пока целям. Для инспектора главная цель русской таможенной службы в Маньчжурии состояла именно в покровительстве отечественной торговле и промышленности путем «подчинения Маньчжурии в экономическом и финансовом отношении в качестве рынка для сбыта исключительно продуктов нашей обрабатывающей промышленности».

Несмотря на наличие дискуссий по многим вопросам, комиссия в Порт-Артуре смогла выработать проект Временного положения об управлении областями Дальнего Востока. Результаты работы комиссии в ноябре 1903 г. были направлены в Комитет Дальнего Востока.

Комитет Дальнего Востока и образованная в декабре 1903 г. под председательством В.К. Плеве правительственная комиссия должны

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможене: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 175.

были собрать отзывы министерств и департаментов на проект, созданный в Порт-Артуре, и выработать окончательный вариант Положения. Однако противоречия, возникшие в период работы Порт-Артурской комиссии, еще более проявились в ходе обсуждения в министерствах и ведомствах. С острой критикой проекта Положения выступили министерства финансов и иностранных дел. Данные ведомства не устраивало то, что значительный круг полномочий, ранее им принадлежащих, передавался в распоряжение наместника и его аппарата.

Начавшаяся русско-японская война не уменьшила накала административной борьбы, но выдвинула на первый план иные проблемы. Дальнейшее обострение взаимоотношений Министерства финансов с канцелярией наместника по вопросам управления таможенной частью относится к началу 1905 г. и связано с обсуждением в заинтересованных ведомствах проекта Временного положения об управлении областями Дальнего Востока. Статья 25 этого проекта относила управление таможенной частью к компетенции Главного управления наместничества. В статье 94 разъяснялось, что управление таможенной частью отнесено к ведению управления финансовой частью¹.

Департамент таможенных сборов не вел переписки с канцелярией наместника относительно распределения обязанностей по управлению таможенным делом на Дальнем Востоке, вся работа была сосредоточена в канцелярии министра финансов. При подготовке предложений к заключению на проект департамент таможенных сборов высказал мнение о преждевременности рассмотрения этого вопроса из-за полной неясности, будет ли вообще возобновлено таможенное обложение в Восточной Сибири. По принципиальным же вопросам таможенное ведомство оставалось на позициях, незыблемости порядка, существовавшего до учреждения наместничества.

В связи с проектируемым подчинением наместнику всего гражданского управления директор департамента таможенных сборов напомнил, что такой подход уже был однажды признан неразумным, в результате этого в 1880 г. управление таможенной частью на Кавказе и в Закавказье было передано в ведение Министерства финансов.

Департамент таможенных сборов придерживался твердой линии – отношения наместника на Дальнем Востоке и таможенных учреждений необходимо выстраивать по аналогии с таковыми на Кавказе, а именно: 1) окружной таможенный инспектор Заамурского района, таможенные ревизоры и управляющие таможнями I и II классов определяются по взаимному соглашению министра финансов и наместника; 2) при увольнении чиновника, виновного в упущениях по

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможне: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 176.

службе, окружной таможенный инспектор Заамурского района должен информировать об этом наместника; 3) окружной таможенный инспектор должен «сноситься» с наместником в случае медлительности различных органов или несоблюдения таможенных узаконений; 4) Министерству финансов разрешено, по желанию китайского и корейского правительств, «для оживления порубежных сношений», по соглашению с наместником учреждать на самой границе «рыночные места для распродажи определенных предметов с возвращением пошлин с товаров, не проданных с сих рынков и возвращаемых за границу»; 5) предписания наместника по таможенной части в пределах его компетенции должны выполняться неукоснительно¹.

Особые возражения директора департамента по-прежнему вызвал предполагаемый порядок назначения чиновников по таможенному ведомству, полностью противоречивший сложившейся практике и существовавшему законодательству, отвергавший представление о таможенной службе как «особливом роде службы», которая требует особой подготовки и опыта. Согласно существовавшему порядку, замещение вакансий, особенно в отдаленных таможенных учреждениях, осуществлялось переводом туда опытных чиновников. Тем более что, согласно ст. 22 и 23 Устава таможенного, ни на какие высшие должности (начальник таможенного округа, управляющий таможней и член таможни) не могли быть «определены» лица, «не служившие по таможенному ведомству». Поскольку на Дальнем Востоке кадровая проблема стояла особенно остро, решить её исключительно властью наместника, без участия Министерства финансов, по-прежнему представлялось невозможным.

Только распределением полномочий относительно применения отдельных положений Таможенного устава и Правил от 15 (28) мая 1901 г. можно было достигнуть компромисса. Тем более что по Закону от 16 (29) декабря 1902 г., распространявшемуся на Сибирь, министру финансов предоставлялось право допускать «некоторое облегчение» для края в применении «таможенных обрядностей». И только он, на основе полной информации и при наличии высококвалифицированного аппарата таможенного департамента, мог правильно решить вопрос о том, насколько допустимы предполагаемые местной властью для таможен Дальнего Востока отступления от общих норм. Эти вопросы министр мог, при необходимости, согласовывать с наместником, равно как и дела об образовании новых таможенных учреждений, но решать их мог только министр финансов².

В конечном итоге, таможенное ведомство отнесло к ведению наместника без участия центральных органов Министерства финансов

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможне: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 177.

² Там же. С. 178.

ограниченный круг вопросов: применение в отдельных случаях льгот к частным лицам; наложение и снятие взысканий за неправильное декларирование количества и качества товаров; применение правил о контрабанде в пределах наместничества.

Несмотря на это, таможенная реформа в Приамурье так и не была проведена. Вскоре после окончания русско-японской войны правительство вернулось к традиционной системе управления. С утратой Россией арендованных у Китая территорий и передачей их по условиям Портсмутского мирного договора Японии была снята проблема участия России в контроле над таможенными доходами Маньчжурии. Единственными русскими таможенными учреждениями вне российской территории остались таможни на конечных станциях КВЖД¹.

Наибольшая напряженность наблюдалась при обсуждении распределения полномочий между Министерством иностранных дел и Дальневосточным наместничеством. Такая ситуация объяснялась серьезностью сложившейся международной обстановки на Дальнем Востоке, в условиях которой Министерство иностранных дел не желало заниматься какими-либо изменениями в области внешнеполитических функций государства.

В ходе обсуждения Временного положения об управлении областями Дальнего Востока в защиту интересов Министерства иностранных дел выступило даже руководство Главного управления торгового мореплавания и портов. 21 января (3 февраля) 1905 г. на имя управляющего делами Особого комитета Дальнего Востока был направлен отзыв Главного управления торгового мореплавания и портов: «Согласно ст. 34 проекта, предполагается в дипломатической канцелярии наместника сосредоточить переписку его не только с Министерством иностранных дел, но и с российскими представителями в Китае, Японии и Корее и туземными высшими властями, а равно делопроизводство по всем предметам, составляющих круг ведения Министерства иностранных дел и перечисленных в ст. 786, 804–806 и 808–811 учреждения министерств, поскольку они касаются Дальнего Востока. Тем самым на наместника возлагаются, по делам сего рода все обязанности министра иностранных дел, в том числе политические сношения с иностранными правительствами /пн.1 ст.786, пн.1 и 2 ст.804/ и составление формальных грамот и кабинетных писем, посылаемым к иностранным владельческим особам и правительствам /пн.1 ст.808/. Нельзя не заметить, что целесообразность сего предложения вызывает самые серьезные сомнения»².

Как считали в Главном управлении торгового мореплавания и портов, сосредоточение в дипломатической канцелярии наместника

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможне: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 179.

² АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 6–7.

всех сношений с правительствами Китая, Кореи и Японии даст названным правительствам законный повод принять эту меру за отказ от ведения непосредственного сношения с ними со стороны Министерства иностранных дел, чем умалит их достоинство по сравнению с другими державами. Тем самым создавались поводы для политических осложнений и недоразумений, устранение которых, ввиду затруднительного положения России на этой отдаленной окраине, безусловно, необходимо.

Далее указывалось, что «передача наместнику обязанностей министра иностранных дел по перечисленным делам была бы возможна лишь в том случае, если бы Россия могла вести по отношению к именным восточным государствам совершенно особую политику. Тогда, действительно, возможно было бы выделение дел внешней политики, касающихся названных держав, в заведывание особого высшего установления, находящегося на самой окраине, поручив Министерству иностранных дел ведать политическими сношениями только с прочими государствами. Однако установление такой меры, возможно, было лишь в давно минувшее время самобытного, замкнутого существования государств Дальнего Востока. В настоящее же время положение дел на Востоке резко изменилось. С одной стороны, европейские державы и Североамериканские Соединенные Штаты вступили в соревнование за обладание берегами Тихого океана, причем промышленники, торговцы и арматоры этих стран успели приобрести на Востоке крупные коммерческие интересы, с другой стороны, сами восточные государства, с Японией во главе, быстро идут вперед, перенимая европейскую технику и завязывают финансовые и коммерческие сношения с прочими государствами»¹.

При таких условиях руководству Главного управления торгового мореплавания и портов виделось, что для успехов русской политики на Дальнем Востоке «необходимо подробное и обстоятельное знание соотношения политических сил всего мира, что, очевидно, доступно только такому государственному органу, в котором объединено заведывание важными политическими делами всей Империи. Кроме того, в сношении с восточными державами более чем с кем-либо необходимо иметь наготове для поддержания своих требований вполне достаточные вооруженные силы. При этом опыт настоящей войны показал, что для борьбы с силами одной только Японией требовалось полное напряжение военных сил империи, а не только частей войск, расположенных в областях Дальнего Востока, а равно всего флота. Отнестись же сознательно к вопросу о том, каким количеством вооруженных сил на окраине в состоянии располагать Россия, не подвергая в данный момент риску других наших интересов, по ко-

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 6–7.

торым у нас могут быть осложнения с прочими державами, иметь возможность лишь то ведомство, в котором сосредоточено заведывание всеми без исключения дипломатическими делами, касающихся всех вообще держав»¹.

В заключение отзыва указывалось, что «передача дипломатической канцелярии наместника в полном объеме обязанностей Министерства иностранных дел по перечисленным выше делам, грозит весьма невыгодными последствиями для политических интересов империи. Что же касается прочих дел .., как то: покровительство в чужих краях русской торговле, и вообще русским интересам, ходатайств о законной защите русских подданных по делам из-за границы, содействию к удовлетворению законных требований иностранцев по делам их в России, переводы актов и документов, писанных на восточных языках, удостоверение документов, признание иностранных консульских представительств и т.п., то ввиду самостоятельного характера каждого отдельного дела этого рода и в целях скорейшего их разрешения представляется желательной возможность ведение их на дипломатической канцелярии наместника. Соответственно сим суждениям надлежит изменить и ту штатную постановку канцелярии, какая намечена в проекте»².

Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф также в целом был против передачи функций МИД дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке. Свои соображения он указал в записке на имя управляющего делами Комитета Дальнего Востока: «Сосредоточение дипломатических сношений с соседними государствами, по смыслу «Представления в Комитет Дальнего Востока», должно служить лучшим залогом успешности таковых сношений, возвышая в глазах этих государств престиж ближайшей Русской власти. По поводу этого следует заметить, что во всех государствах иностранная политика и ведение дипломатических сношений ведаются исключительно одним учреждением – Министерством иностранных дел. Раздвоение этих функций и передача дел Дальнего Востока в руки отдельного лица не может отвечать русским интересам. В Министерстве иностранных дел сосредотачиваются все получаемые от русских агентов за границей сведения о деятельности иностранных правительств. Сведения эти проверяются, сопоставляются и дают затем материал для общих суждений и выводов, коими руководствуется наша иностранная политика. Имея в руках большое число полученных данных, Министерство может, благодаря им, составить себе верное понятие об общем положении, в зависимости от которого может быть намечена та или иная программа действий»³.

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 6–7.

² Там же.

³ Там же.

Далее В.Н. Ламздорф подчеркивал, что «интересы всех государств ныне настолько тесно сплетены, что совершающиеся в одном конце мира события являются часто результатом или отголоском политических факторов, действующих в совершенно противоположном конце. Было бы ошибкой думать, что нити, двигающие события на Дальнем Востоке, находятся только на берегах Тихого океана. Недавние факты показали, например, какое живое участие в развитии этих событий приняли Кабинеты Лондона, Парижа и Вашингтона. Нельзя потому согласиться с высказываемым в «Представлении» мнением, что «близость наместника к событиям на Востоке дает ему возможность быть о них в каждую минуту осведомленным и делать распоряжения с полной решимостью»¹.

По мнению В.Н. Ламздорфа, «такая близость будет иметь чисто внешний, кажущийся характер. Наместнику будут известны факты, но не их внутреннее значение или связь с совершающимися в других местах событиями. Какие бы меры ни принимались Министерством иностранных дел и его органами, чтобы своевременно сообщать наместнику всё имеющее для него значение и интерес, осведомленность его на практике окажется неполною, и он не будет иметь всех разнообразных данных, какими располагает названное ведомство. Данные эти заключаются не только в сведениях, добытых заграничными агентами, но получают, кроме того, путем непрерывных личных сношений главы Министерства с иностранными представителями при Высочайшем дворе. Едва ли без всей совокупности таких данных, подверженных подлежащей критичной оценке, наместник явится всесторонне осведомленным и готовым распоряжаться с полной решимостью. Все официальные заявления, запросы, протесты и сообщения доверительного характера от имени иностранных монархов и правительств поступают через посредство аккредитованных в Петербурге их представителей в распоряжение министра иностранных дел, который призван дать им соответствующее направление. Сосредоточение дипломатических сношений с государствами Дальнего Востока в руках наместника – логически должно было бы вызвать назначение особых иностранных агентов в месте пребывания наместника, на что, разумеется, никогда не согласилось бы ни одно иностранное правительство»².

По мнению В.Н. Ламздорфа, Дальний Восток не составлял чего-либо обособленного и самодовлеющего; политически и экономически он неразрывно связан с остальным миром, «поэтому и политика наша на Дальнем Востоке не может рассматриваться как нечто самостоятельное, а должна по необходимости сообразиться со всем тем, что происходит в других частях света. Справедливость такого взгляда

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 12–13.

² Там же.

признается также до некоторой степени и в «Представлении», где сказано: «Так как сношение с государствами Дальнего Востока составляют лишь одну из отраслей общей политики императорского правительства, с которою эта отрасль должна строго соотноситься, то и связь наместничества с Министерством иностранных дел не может быть совершенно порвана»¹.

В «Представлении», к сожалению, не указано до каких, собственно, пределов она могла быть порвана. По мнению министра иностранных дел, напротив, «в целях единства действий, связь между ведомством, коему вверена внешняя политика и наместничеством, являющимся высшим административным органом на окраине России, должна существовать, причем степень и характер её в достаточной мере определяется теми сношениями, которые некогда существовали между Министерством иностранных дел и наместничествами в Варшаве и на Кавказе, какие не так давно существовали с Приамурским генерал-губернаторством и какие поддерживаются между Министерством и Туркестанским генерал-губернаторством. Ни одно из упомянутых высших административных учреждений, во главе которых нередко стояли Августейшие Великие Князья, не руководило деятельностью российских дипломатических представителей. Ввиду вышеизложенных соображений нет оснований изменять этот порядок в пользу наместничества на Дальнем Востоке.

Получая однообразные инструкции от Министерства иностранных дел, которые, со своей стороны, во всех необходимых случаях запрашивает заключения наместника, – русские представители будут достаточно осведомлены о желаниях и намерениях последнего, подчинение же их наместнику создало бы крайне опасную двойственность и неопределенность, как в отношении их служебного положения, так и их деятельности. Что касается, наконец, указания на то, будто сосредоточение дипломатических обязанностей в руках наместника должно «возвысить престиж русской власти в глазах восточных государств», то можно заметить следующее. Поручая, хотя бы неофициально, ведение переговоров и вообще сношение с китайским правительством – не представителю, аккредитованному при Пекинском дворе, а наместнику, то есть лицу, занимающему пост, хотя и высокий, внутри государства, Россия по восточному понятию, показала бы тем пренебрежение к Китаю, как бы приравнивая его к полувассальным государствам. По имеющимся данным, китайское правительство отрицательно отнеслось к факту передачи наместнику дипломатических функций, причем наместник в глазах этого правительства остался по-прежнему лицом, неприкосновенным к политическим сношениям России и Китая. Японское правительство и, в особенности, япон-

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 14–15.

ская пресса усмотрела в передаче дипломатических обязанностей наместнику прямо агрессивные действия и истолковали это в унижительном для их национального самолюбия смысле. Не подлежит сомнению, что предоставление наместнику дипломатических функций неблагоприятно отразилось бы на значении и обаянии наших официальных представителей на Дальнем Востоке. Зная, что за спиной этих представителей находится наместник с решающим голосом, и Китай, и Япония стали бы смотреть на русских представителей как агентов наместника, играющих роль передаточной инстанции. Ведение переговоров и достижение каких-либо результатов, основанных часто на личных связях и характере представителей, сделается при таких условиях крайне затруднительным. С другой стороны, и наместник, действуя через вторые руки и не располагая, как сказано выше, всеми необходимыми элементами, едва ли окажется в благоприятных условиях для ведения дипломатических сношений. Следует, наконец, иметь в виду неизбежные при посредничестве потерю времени и огласку, создаваемую привлечением к делам доверительного характера большого числа лиц»¹.

На основании всего вышеизложенного, В.Н. Ламздорф делал вывод, что нельзя не прийти к заключению, «что предоставление дипломатических функций наместнику на Дальнем Востоке с подчинением ему российских миссий в Пекине, Токио и Сеуле создало бы крайне опасную двойственность во внешней политике и таким образом поставило бы министра иностранных дел в невозможность поддерживать правильно согласные с интересами России сношения с правительствами иностранных государств»².

14 (27) февраля 1905 г. наместник составил ответ управляющему делами Комитета Дальнего Востока на отзыв министра иностранных дел: «Я согласен с изложенным в отзыве мнением, что иностранная политика и общее руководство дипломатическими сношениями с иностранными правительствами должны быть сосредоточены в руках министра иностранных дел, так как, получая донесения из различных государств, он несомненно располагает большим количеством данных для суждений об общем политическом положении и, сверх того, получает непосредственно личные указания от Его Императорского Величества. Не могу не согласиться с мнением, что политические явления, наблюдаемые на Дальнем Востоке, находятся в тесной связи с событиями, происходящими в других местах, почему мною и было высказано в рассматриваемом проекте, что "сношение с государствами Дальнего Востока составляет лишь одну из отраслей общей политики императорского правительства, с которою эта отрасль тесно связана".

¹ Цит. по: Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.). С. 72–73.

² АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 11–13.

Соображения эти, однако, не изменяют положение наместника относительно государств Дальнего Востока и сущности тех обязанностей, которые возложены на него пунктом 3-м Высочайшего указа 30 июля 1903 г. Такое взаимодействие между министром иностранных дел и наместником может быть лишь способствовать наиболее полному осуществлению взглядов правительства. Наместник при таком порядке отнюдь не будет руководить политикой, но будет иметь возможность по каждому вопросу государственной важности, имеющему отношение к интересам вверенного ему края, высказывать свое мнение, которое с пользой для дела может быть принимаемо в соображение министром. Сверх того, в интересах дела необходимо, чтобы наместник имел право непосредственно обращаться к посланникам и консулам за разъяснением отдельных случаев и частных вопросов или сообщения каких-либо сведений»¹.

Ввиду всего вышеизложенного Е.И. Алексеев находил возможным изменить ч. 2 ст. 6 проекта Положения следующим образом: «По делам российским представителям в соседних государствах сообщать наместнику копии своих письменных и телеграфных донесений и отвечать на полученные непосредственно от него запросы. Также и министру иностранных дел сообщать наместнику копии тех из своих указаний заграничным представителям, которые имеют отношение к интересам России на Дальнем Востоке»².

Наместник полагал, что в такой редакции статья проекта Положения, «оставаясь в существе своем верною выразительницей смысла пункта 3-го Высочайшего Указа 30 июля, вместе с тем не встретит более возражений со стороны министра иностранных дел»³.

Неудачное для России начало русско-японской войны и гибель В.К. Плеве 15 июля 1904 г. поставили группу А.М. Безобразова в трудное положение. Комиссия по рассмотрению предложений наместника Дальнего Востока после смерти В.К. Плеве ни разу не собиралась, и проекты проходили только общеустановленный порядок обсуждения по ведомствам. Вследствие этого управляющий делами Комитета Дальнего Востока выступил с инициативой создания новой комиссии по рассмотрению проектов Положения об управлении в Дальневосточном наместничестве: «Высочайше соизволено, чтобы проекты временного положения о морском и военном управлении в наместничестве Дальнего Востока ... были рассмотрены общеустановленным законодательным порядком: по морскому ведомству – в Адмиралтейств-совете, по военному – в Военном совете. ...было бы желательно, однако, для общего согласия, рассмотреть проекты ...

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 14–15.

² Там же.

³ Там же.

в подготовительной комиссии совместно с предположением об устройстве административно-гражданского управления. ...на рассмотрение подготовительной комиссии поступали бы представления наместника, отзывы по ним ведомств, в связи с мнением Военного и Адмиралтейств советов, и соображениям по сим отзывам генерал-адъютанта Алексеева... Председателем в подготовительную комиссию назначается член Государственного Совета Череванский, а председателем соединенного присутствия назначить статс-секретаря Фриша, причем обоим быть членами Комитета Дальнего Востока. 21 ноября 1904 г. Контр-адмирал Абаза». Резолюция императора: «Согласен»¹.

Е.И. Алексеев считал необходимым участие в деятельности комиссии под председательством действительного тайного советника Череванского и представителей от наместничества. Так, для обсуждения вопросов, касавшихся дипломатической части, в состав комиссии направлялся начальник дипломатической канцелярии в звании камергера Г.А. Плансон².

Комиссия собрала отзывы министерств на проект Е.И. Алексева, но это было все, что удалось сделать. Далее министерства буквально блокировали работу комиссии. Соглашаясь в целом на расширение прав местной администрации, министры отрицательно отнеслись к намерениям А.М. Абазы, Е.И. Алексева и А.М. Безобразова полностью отстранить центральные ведомства от управления Дальним Востоком. Под предлогом военных действий обсуждение предложений и разработка проектов были приостановлены.

Проект Временного положения об управлении областями Дальнего Востока предполагал довольно многочисленный штат чиновников аппарата наместничества. На основании справки о подсчете суммы, необходимой на путевые пособия вновь назначенным чинам Главного управления наместника на Дальнем Востоке, мы можем представить примерный штат. При наместнике должны были состоять три члена совета, инспектор по медицинской части, инспектор по тюремной части, инспектор по почтово-телеграфной части, инженер-архитектор, инспектор по ветеринарной части, инженер по водяным сообщениям и портам, телеграфный инженер, 7 чиновников для особых поручений и столько же сверхштатных. Все делопроизводство сосредоточивалось в канцелярии по общим делам и в дипломатической канцелярии. Общая канцелярия состояла из директора, двух вице-директоров, 4 начальников отделений, техника, старшего делопроизводителя, старшего бухгалтера, 12 делопроизводителей, бухгалтера, 16 помощников делопроизводителей, заведующего архивом и помощ-

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 8.

² Письмо Череванскому от 29 января (11 февраля) 1905 г. № 98 // АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 18. Л. 3.

ника журналиста. Всего 41 человек. Дипломатическая канцелярия была не столь многочисленной по составу. В нее входили: директор, вице-директор, старший секретарь, два младших секретаря, драгоман, два студента и три переводчика. Всего 11 человек. В общей сложности Главное управление наместничества насчитывало 62 человека. Не так много, если учитывать обширность территории и сложность поставленных перед наместником задач.

Проезд от Петербурга до Порт-Артура – 8 615 верст рассчитывался по 2,5 коп. за 1 лошадь и версту. Все затраты на прогоны и подъемные оценивались в 260 006 руб. 50 коп.¹ Для первоначального обзаведения помещениями для Главного управления наместника на Дальнем Востоке предполагалось потратить 17 тыс. руб.²

Такой же расчет делался и для вновь назначенных чинов управления Квантунской области. Во главе области находился начальник и при нем чиновник особых поручений. Областное управление имело следующую структуру:

1) канцелярия начальника области (старший делопроизводитель, два младших делопроизводителя, бухгалтер, архивариус, два письменных переводчика китайского языка, письменный переводчик японского языка);

2) врачебное отделение (областной врачебный инспектор, делопроизводитель, фармацевт, врач для поручений, городской врач Порт-Артура, 4 участковых врача, городская фельдшер-акушерка, областная акушерка-фельдшер, ветеринарный врач);

3) межевое отделение (областной землемер); строительно-дорожное отделение (областной инженер-архитектор и два техника); отделение по лесной и садовой части (техник и два лесных кондуктора);

4) четыре участковых управления (начальник участков и писмоводитель);

5) полицейское управление в г. Порт-Артуре (полицмейстер, делопроизводитель, письменный переводчик с китайского языка, два полицейских надзирателя).

Всего сорок человек. На областное управление требовалось 104 315 руб. 25 коп.³

Таким образом, общая сумма, необходимая для содержания Главного управления наместничества и управления Квантунской области, составляла свыше 380 тыс. руб. Сумма значительна, но необходимо учитывать, что немалой её частью были затраты на проезд чиновников из Европейской России на Дальний Восток. Кроме того, эта сумма ненамного превышала смету расходов Приамурского генерал-губернаторства, на базе которого и было учреждено наместничество.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 426. Л. 20–21.

² Там же. Л. 24–26.

³ Там же. Л. 22–23.

Однако все вышеперечисленные расходы так и остались на бумаге – не было утверждено Положение об управлении областями Дальнего Востока и начались военные действия в Маньчжурии. В связи с этим аппарат управления наместничества пополнялся в основном за счет чиновников Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области. По указанию Е.И. Алексеева они откомандировывались в Порт-Артур. Причин такого решения кадрового вопроса было несколько. Во-первых, существовал принцип назначения на должности людей, знавших специфику Дальнего Востока. Во-вторых, наместничество создано столь скоропалительно, что просто невозможно было в короткие сроки направить в Порт-Артур чиновников из центра. В-третьих, не были точно определены структура наместничества и штат аппарата. Временный штат был немногочисленным, и для его наполнения был задействован местный административно-чиновничий резерв.

Вновь созданная структура оказалась достаточно привлекательной для лиц, желавших послужить на благо Отечества. Подтверждением этому является наличие сохранившихся в фондах РГИА ДВ большого количества ходатайств, адресованных в канцелярию наместника. Их присылали лица разных сословий и чинов, находившиеся на службе или в отставке. Большая часть прошений отклонялась ввиду отсутствия вакансий. Получили место в аппарате наместника лишь несколько чиновников, которые соответствовали требованиям – имели опыт службы на Дальнем Востоке, а также знали корейский и китайский языки. Это были люди, которые действительно могли принести реальную пользу государству.

2 (15) сентября 1903 г. создается временная канцелярия при наместнике Дальнего Востока. Её руководителем был назначен бывший управляющий канцелярией Приамурского генерал-губернатора Матвей Петрович Щербина, прекрасно зарекомендовавший себя на предыдущем месте службы и в новой должности также проявивший свои лучшие качества.

На основании Указа 30 июля (12 августа) 1903 г. наместник являлся главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. В соответствии с этим Морским уставом вводился флаг Наместника Его императорского Величества на Дальнем Востоке. Он представлял собой белый флаг с синим Андреевским крестом, имеющий посередине гюйс с белым четырехугольником в центре, в котором изображался двуглавый орел без карт. Флаг поднимался на грот-мачте, а на шлюпках – на носовом флагштоке¹.

¹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

Приказом наместника от 7 (20) февраля 1904 г. № 120 правитель канцелярии Приамурского генерал-губернатора статский советник М.П. Щербина был назначен начальником походной канцелярии по гражданской части, а делопроизводитель канцелярии Приамурского генерал-губернатора надворный советник А.В. Михайлов – старшим делопроизводителем. Вместо них надворный советник В.В. Перфильев стал правителем канцелярии временно исполняющего делами Приамурского генерал-губернатора, а старший помощник делопроизводителя коллежский асессор Белоусов – делопроизводителем канцелярии¹.

3 (16) февраля 1904 г. министр иностранных дел предложил ввиду увеличения работы в дипломатической канцелярии командировать в помощь двух чиновников МИД: бывшего консула в Хакодате Гейденштрома и чиновника первого департамента Дмитрова². Е.И. Алексеев ответил, что при его полевом штабе уже сформирована дипломатическая канцелярия в составе 4 чинов. Такой состав он признавал пока достаточным и предлагал повременить с командированием предполагаемых чиновников Министерства иностранных дел³. Штат походной дипломатической канцелярии действительно был немногочисленным – управляющий канцелярией, два секретаря, помощник секретаря и переводчик. На содержание канцелярии предполагалось затратить в год 26 900 руб.⁴ Тем не менее, вскоре штат канцелярии несколько расширился. В марте – апреле 1904 г. в её состав были включены переводчики с китайского и японского языков.

Первоначальный список чиновников походной дипломатической канцелярии был следующим: исполняющий делами начальника канцелярии коллежский советник Плансон, секретари – титулярные советники Вульф и Эльтеков, помощник секретаря – коллежский секретарь Мулюкин (студент Русской миссии в Пекине), драгоман – нижний чин Щербаков, вольнонаемный китайский переводчик Юй⁵. Щербаков окончил курс Восточного института и был назначен сверх нижних чинов в дипломатическую канцелярию по рекомендации директора Пекинского отделения Русско-Китайского банка⁶. Для переписки китайских бумаг директор указал на китайского письменного переводчика Юй. По просьбе Г.А. Плансона был увеличен штат на одного китайского переводчика с жалованием 100 руб. в месяц⁷. В апреле 1904 г. в состав дипломатической канцелярии драгоманом был

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 419. Л. 127.

² АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 18. Л. 6.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 21.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 19.

назначен прапорщик Васкевич, окончивший японское отделение Восточного института во Владивостоке¹.

В связи с тем, что 11 (24) октября 1904 г. Е.И. Алексеев был уволен с должности главнокомандующего, но оставлен на посту наместника, в аппарате управления были произведены некоторые изменения. 14 (27) октября 1904 г., на основании доклада А.М. Абазы, Николай II дал распоряжение о выделении из состава полевого штаба наместника гражданской и дипломатической канцелярий с подчинением их Е.И. Алексееву. Это распоряжение было подтверждено приказом по военному ведомству № 789 от 15 (28) декабря 1904 г. Временный штат указанных канцелярий был утвержден Николаем II. За чиновниками сохранялись прежние оклады, все права и преимущества. Расходы на содержание канцелярий по-прежнему проходили по смете военного ведомства².

При наместнике были оставлены штаб-офицер Генерального штаба и один старший адъютант. Далее выяснилась необходимость для делопроизводства по вопросам морской части иметь при наместнике одного штаб-офицера и одного чиновника морского ведомства.

В декабре 1904 г. Е.И. Алексеев предложил управляющему делами Комитета Дальнего Востока, в связи с сокращением делопроизводства в канцелярии по дипломатической части, упразднить должности одного секретаря и трех драгоманов и сохранить за оставшимися при нем чиновниками все ранее существовавшие льготы, принимая во внимание, что все они находятся во временных командировках. Чиновников, не получивших новых назначений, предлагалось оставить за штатом на общих основаниях. Затраты на содержание управленческого аппарата предполагалось отнести на военный фонд, так как все расходы были вызваны военными обстоятельствами³.

К этому документу прилагалась объяснительная записка к проекту временного штата походного штаба наместника на Дальнем Востоке. В ней определялись оклады денежного содержания чиновников указанного штаба. Следует подчеркнуть, что оклад самого наместника определялся по прежней должности главного начальника Квантунской области. Содержание военных и гражданских чиновников аппарата наместника в целом соответствовало денежному содержанию чинов военного и морского ведомств и служащих Квантунской области того же ранга. Чиновникам бывшего полевого штаба наместника, назначенным в этот штат из состава управления Квантунской области, была установлена 25 %-ная надбавка к окладу и столовым. Сделано это было в соответствии с приказом Е.И. Алексеева от 30 января

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 18. Л. 24.

² Там же. Л. 36.

³ Там же. Д. 13. Л. 3.

(12 февраля) 1904 г.¹ По предложенному наместником новому штату канцелярия по дипломатической части состояла из начальника канцелярии, секретаря и помощника секретаря (общая сумма окладов и столовых – 16 800 руб. в год). Во всех канцеляриях: писарей высшего оклада – 4 (по 126 руб. в месяц каждому), среднего – 3 (по 90 руб. в месяц каждому) и сторож (9 руб. в месяц). На экстраординарные расходы, наём помещений для наместника и канцелярий, отопление, освещение, отправку служебных телеграмм, на повышение жалования писарям, канцелярские и другие непредвиденные расходы предполагалось по смете 5 тыс. руб. в месяц². Чиновники дипломатической канцелярии числились по ведомству Министерства иностранных дел, а чиновники гражданской канцелярии – по ведомству Министерства внутренних дел.

В дальнейшем штат дипломатической канцелярии наместника был сокращен еще раз. 12 (25) апреля 1905 г. Е.И. Алексеев обосновывал сокращение штатов в письме министру В.Н. Ламздофу: «Ввиду уменьшения текущей работы в моей дипломатической канцелярии я нахожу своевременным ныне сократить личный состав её, а именно оставить при мне только коллежского советника Плансона и титулярного советника Эльтекова, которые первоначально были назначены ко мне для ведения дипломатической переписки. Что касается титулярных советников Вульфа и Мулюкина, командированных в мое распоряжение значительно позже, летом 1903 г., когда сильно увеличилось количество работы канцелярии, то полагал бы с 1 наступающего мая откомандировать их обратно в распоряжение Министерства иностранных дел, если к тому не встретится с Вашей стороны каких-либо препятствий. Считаю приятным долгом засвидетельствовать при этом перед Вашим Сиятельством о примерно усердной службе названных чиновников в течение времени нахождения их при мне ревностно исполненных ими обязанностей как в период, предшествующий войне, когда на дипломатическую канцелярию выпало весьма значительное количество работы, так в особенности при еще более тяжелых условиях походной жизни...»³. Министр иностранных дел согласился с мнением Е.И. Алексеева.

Несмотря на непростую обстановку, сложившуюся на Дальнем Востоке в этот период, немногочисленный аппарат управления наместничеством проделал серьезную работу по подготовке ряда проектов по административным, экономическим и социальным преобразованиям в регионе.

Так, в Комитет Дальнего Востока в ноябре 1903 г. поступил проект о выделении северных округов (уездов) Приморской области

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 4.

² Там же. Д. 18. Л. 5.

³ Там же. Д. 15. Л. 136.

в отдельную Камчатскую область. Суть проекта заключалась в том, чтобы для укрепления положения России на севере Дальнего Востока необходимо провести реорганизацию административного деления. Еще в 1886 г. приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф предлагал образовать Камчатскую область во главе с губернатором. Но Государственный совет ограничился лишь созданием Анадырского и Командорских островов округов. В 1897 г. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской также высказывал свои предположения об улучшении управления северными округами. Он предлагал выделить их в будущем в отдельные единицы, а первоначально лишь расширить штаты и полномочия местных властей и увеличить количество паромных рейсов в северные районы генерал-губернаторства. Однако министр финансов С.Ю. Витте был против увеличения затрат на управление северными территориями. Длительное время вопрос оставался открытым, так как от преемников генерал-губернатора С.М. Духовского в Министерство внутренних дел не поступало отзывов.

Вновь к этому вопросу вернулись при наместнике Е.И. Алексееве, который предложил его на обсуждение комиссии, образованной для выработки Положения об управлении областями Дальнего Востока. Комиссия пришла к выводу о целесообразности выделения северных уездов Приморской области – Охотского, Гижигинского, Анадырского, Петропавловского и Командорского – в Камчатскую область. Обоснованиями реорганизации стали отдаленность северных уездов от центра Приморской области – Владивостока, значительность их территории, недостаточное количество чиновников, необходимость в «оживлении Севера», «развитии гражданственности и культуры», установлении надлежащего контроля эксплуатации естественных богатств и дальнейшем развитии промыслов.

Для выполнения этих задач требовались сильная компетентная власть в лице губернатора, различные специалисты и значительные финансовые затраты. В то же время появлялась возможность не только извлекать природные богатства Севера, но и улучшить быт и благосостояние местного населения, оградив их от произвола иностранцев, грабивших естественные богатства и нарушавших права и интересы аборигенов. В связи с малонаселенностью (33 535 чел. по переписи 1897 г.) можно было упростить управление по сравнению с другими областями. Губернатор должен был обладать широкими полномочиями на основе инструкции, данной наместником. В конечном итоге наместник предлагал следующее:

- 1) уезды Приморской области Петропавловский, Командорский, Анадырский, Гижигинский и Охотский выделить в особую область, которой присвоить наименование Камчатской;

- 2) утвердить проекты Временного положения об управлении Камчатской областью, штаты областного и уездных управлений;

3) дополнительно учредить по одной должности при Амурской контрольной палате – старшего ревизора и при Владивостокском окружном суде – участкового мирового судьи для командирования их на Камчатку;

4) отпустить единовременно на удовлетворение вновь назначенным чинам путевых пособий 55 тыс. руб. и на первоначальное обзаведение областного управления 2,5 тыс. руб. По временному штату содержание управления Камчатской области составляло 54 770 руб., уездных управлений – 18 700 руб., на путевые пособия – 84 912 руб. в год¹.

24 ноября (7 декабря) 1903 г. наместник Дальнего Востока представил проект в Комитет Дальнего Востока об учреждении учебного округа Дальнего Востока и инспекции народных училищ в Квантунской области, градоначальстве г. Дальнего и на территории КВЖД. Попечитель округа должен был находиться в подчинении наместника. К проекту прилагались положение, штат и смета расходов².

18 (31) августа 1904 г., находясь во Владивостоке, Е.И. Алексеев в телеграмме Приамурскому генерал-губернатору предложил поручить военному губернатору Сахалина приступить к разработке вопроса о свободной колонизации острова. В январе 1905 г. в ответе на запрос М.П. Щербины, насколько продвинулась разработка вопроса об упразднении каторги на Сахалине, было сказано, что проблема не решена из-за войны³.

Таким образом, по ряду объективных и субъективных причин многие административные преобразования, запланированные в наместничестве, так и остались на стадии проектов. Большая их часть была реализована только после завершения русско-японской войны 1904–1905 гг. Так, в 1909 г. были, наконец, решены вопросы об административном статусе острова Сахалин и Камчатского края, а также введено гражданское управление в полосе отчуждения КВЖД.

2.2. Структура и деятельность полиции Дальнего Востока в начале XX века

Особенности Дальневосточного региона отразились и на состоянии полицейских органов. Дальневосточная полиция, ее положение, структура, материально-техническое снабжение и кадровое обеспечение были несколько иными по сравнению с полицией Европейской части России и даже Сибири. Различия объяснялись значительной отдаленностью от центра, слабой заселенностью региона, специфиче-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 454. Л. 1–13.

² Там же. Д. 2366. Л. 1–6.

³ Там же. Оп. 5. Д. 634.

ским контингентом населения, огромной протяженностью сухопутных и водных границ и т.п.

Организация полиции на местах во второй половине XIX – начале XX в. напрямую была связана с административно-территориальным делением Российской империи. Административно государство в то время делилось на наместничества, генерал-губернаторства, губернаторства, губернии, области и градоначальства. В основе управления такими территориальными единицами лежали различные нормативные акты.

Полиция России начала XX столетия делилась на общую и политическую. Общая полиция занималась борьбой с уголовной преступностью и обеспечением охраны общественного порядка. Ею на Дальнем Востоке руководил генерал-губернатор Восточной Сибири (с 1884 г. – Приамурский генерал-губернатор). У генерал-губернатора в прямом подчинении находились военные губернаторы областей (Амурской, Приморской, Забайкальской), Владивостокского военного губернаторства¹.

Полицейские функции также были возложены на городскую и окружную (уездную) полицию. Первым на Дальнем Востоке в 1856 г. было создано городское полицейское управление в г. Николаевске, в 1858 г. – в г. Благовещенске. Первоначально в штат управления полиции входили: глава городской полиции (полицмейстер) и письмоводитель. Кроме того, по штатному расписанию выделялось по 300 руб. в год на наем писцов и канцелярские расходы.

В 1880 г. городские полицейские управления появились в городах Хабаровске и Владивостоке. Полицией заведовало городское полицейское управление, состоящее из полицмейстера, его помощников, полицейских надзирателей и других чинов по штату. Для осуществления розыска по делам общеуголовного характера было создано сыскное отделение четвертого разряда. Подчинялось управление департаменту полиции Министерства внутренних дел.

Городская полиция боролась с уголовными и политическими преступлениями, вела розыск лиц, бежавших из тюрем и ссылок, принимала участие в судебных делах. Городское полицейское управление являлось органом политического розыска, принимало участие в административно-хозяйственном управлении города².

По штатному расписанию 1881 г. полицейскому управлению г. Хабаровска выделялись средства для найма 10 вольнонаемных нижних чинов полиции. Во Владивостоке, в отличие от Хабаровска, было

¹ Шелудько В.О. Из истории полиции... // Россия и АТР. 2001. № 2. С. 108–109.

² Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922): препринт / Н.А. Беляева [и др.]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. С. 21.

учреждено две должности полицейских надзирателей, а переводчика с китайского и маньчжурского языков первоначально не было¹.

Рост населения городов и расширение их территории, усложнение социальной структуры общества, социально-экономических отношений и увеличение числа преступлений неизбежно требовали развития полицейского управления – усложнения его структуры, появления новых подразделений и должностей, увеличения количества и качественного роста личного состава, улучшение материально-технического снабжения.

В полицейском отношении город разбивался на части и участки, которыми руководили приставы. Части и участки, в свою очередь, делились на околотки во главе с околоточными надзирателями. Нижние чины (городовые и стражники) несли патрульно-постовую службу, составляя полицейские команды.

Ввиду недостаточной штатной численности состава полиции в городах помощь ей оказывали органы городского самоуправления – дворники, сторожа, дневные и ночные караульщики, подчинявшиеся полиции по делам ее ведомства. Неоднократно в целях усиления полиции в ее распоряжение прикомандировывались казаки и военно-служащие регулярных частей, расквартированные в регионе.

С ростом населения российского Дальнего Востока росло и количество уголовных преступлений. В этой связи руководство дальневосточных областей регулярно ходатайствовало об увеличении штата полицейских кадров. Но решение этой проблемы, как правило, затягивалось, и к тому времени, когда численность полиции все-таки достигала затребованного уровня, новых штатов уже не хватало. В Хабаровском городском полицейском управлении за 20 лет было увеличено только число нижних чинов до 20 человек². В мае 1903 г. Приамурский генерал-губернатор разрешил полицмейстеру Хабаровска нанять на средства города 7 городовых³. Очередное усиление полиции в административном центре Приамурского генерал-губернаторства последовало через три года, в 1906 г., когда Министерство внутренних дел разрешило расходовать около 7 000 руб. из сумм сборов с китайцев и корейцев на введение трех должностей околоточных надзирателей, двух конных и шести пеших городовых, одного писца и одного фельдшера⁴. Но даже это упрочение сил полиции не позволяло должным образом следить за порядком и эффективно заниматься раскрытием преступлений. Долгое время такая же ситуация наблюдалась и в полицейском управлении Владивостока, изменения произошли лишь

¹ Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5. С. 165.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

в феврале 1903 г., когда был утвержден новый штат Владивостокского городского полицейского управления в составе 136 человек¹. Но буквально через несколько лет из-за значительного роста численности населения Приморской области и, соответственно, роста преступности этого штата уже было недостаточно.

Постепенно росла штатная численность общей полиции и в менее значимых городах. Так, в 1888 г. увеличились штаты в Николаевском и Благовещенском городских полицейских управлениях. С умножением оборотов Николаевского порта и золотодобычи, а соответственно, и населения города уже в начале 1890-х гг. канцелярия Приамурского генерал-губернатора стала ходатайствовать о новом увеличении штата управления, что было сделано только в 1904 г. (уже в период существования наместничества). В 1901 г. городская полиция появилась и в г. Никольск-Уссурийске (современное название – Уссурийск).

Ситуация с комплектованием личного состава в городах, невзирая на нехватку кадров и их низкую квалификацию, была все же более благоприятной, нежели в округах. Окружная (уездная) полиция Дальнего Востока имела чрезвычайно широкий круг полномочий. Окружной (уездной) полицией на Дальнем Востоке командовали окружные (уездные) начальники, тогда как в центральной России – земские исправники, которые, в свою очередь, подчинялись уездным начальникам².

Так, например, в 1888 г. в результате образования Южно-Уссурийского округа было создано Южно-Уссурийское окружное полицейское управление. В его задачи входило наблюдение за исполнением законов, охрана безопасности и общественного порядка на территории округа. Окружная полиция состояла под началом окружных начальников. Округа делились на участки во главе с участковыми приставами. Аппарат полицейского управления состоял из начальника и его помощника, участковых приставов, секретаря, переводчиков. Годовые оклады чинов окружного полицейского управления на 1889 г. составляли: начальник округа – 2 400 руб., четыре пристава – по 2 100 руб., секретарь – 1 000 руб., два столоначальника – 800 руб. каждый³. Управление Южно-Уссурийского окружного полицейского управления располагалось в с. Никольское. Упразднено управление в 1902 г. в связи с ликвидацией Южно-Уссурийского округа.

¹ Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века. С. 165.

² Шелудько В.О. Из истории полиции... С. 109.

³ Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922). С. 22.

Круг обязанностей окружных начальников, их помощников и участковых приставов был намного шире, чем у таких же чинов в центральных областях России: в отдаленных районах часто они были единственными представителями администрации¹. Кроме обычных полицейских задач, груз которых был и так слишком велик (охрана правопорядка и борьба с уголовной и политической преступностью, борьба с пожарами и прочими стихийными бедствиями, пожарный и санитарный надзор, заведование тюремной частью, надзор за многочисленными ссыльными, иностранцами и иноверцами, надзор за местным самоуправлением и многие другие административные обязанности), полиция вынуждена была заниматься и специфическими дальневосточными проблемами. Полицейские служащие боролись с контрабандой, наркобизнесом (опиокурением), хунхузничеством, незаконной добычей золота, браконьерством и т.д. Полиции приходилось исполнять функции чинов крестьянских учреждений из-за их слабости или отсутствия, отчасти мировых судей (из-за их нехватки), таможенной стражи (таможенная охрана государственной границы начала организовываться только с 1902 г.), заниматься заведованием и охраной лесов и разных промыслов (опять-таки из-за отсутствия или нехватки лесной и прочей стражи).

Следственная часть, вопреки действовавшим законам, также велась преимущественно чинами полиции, т.к. число судебных следователей было явно недостаточным на обширных пространствах региона. Кроме того, полицейские чины вынуждены были выступать также в роли специалистов по сооружению и ремонту дорог, мостов и прочих крупных дорожных объектов, в которых крайне нуждался регион. Все эти обязанности (в пределах должностных полномочий и за их пределами) ложились на плечи полицейских, т.к. именно они часто являлись единственными представителями государственного управления, особенно в отдаленных районах. Например, полицейские функции в Амурской области осуществляло Амурское окружное полицейское управление, образованное в 1888 г., в составе участкового начальника, трех приставов и трех толмачей. При этом население округа составляло 14 тыс. человек при территории почти в 500 000 кв. км. Через 5 лет население области удвоилось, а штат полицейских остался прежним. При всем старании полицейские служащие просто физически не могли своевременно реагировать на нарушения закона. Лишь в 1897 г. в штат управления были добавлены должности помощника окружного начальника, еще одного участкового пристава, столоначальника и толмача. Эти штаты существовали до 1911 г.²

¹ Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века. С. 166.

² Там же. С. 167.

Помимо постоянной нехватки кадров существовала еще и проблема их подбора. Как правило, комплектование низших полицейских чинов происходило из числа нижних чинов войсковых подразделений, которых на Дальнем Востоке было достаточно. Незнакомые с полицейской наукой, не знающие законодательных актов, нередко превышающие служебные полномочия, бывшие военные еще более усложняли и без того сложную криминогенную обстановку на Дальнем Востоке.

Министерство внутренних дел получало сведения, в том числе и областей Дальнего Востока, об имеющихся недостатках в деятельности полиции. Ответом на них были, как правило, циркуляры, направляемые губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам о принятии решительных мер по устранению нежелательных явлений, таких, например, как получение вознаграждений чинами полиции за успешный розыск, т.е. за исполнение ими своих прямых служебных обязанностей¹.

Только в начале XX в. были созданы школы околоточных надзирателей и городских в Хабаровске и Владивостоке². В округах вольнонаемных полицейских служащих вообще не существовало. Их функции исполняли низшие чины казачьих команд или военного ведомства. Из-за огромной дороговизны товаров на дальневосточной окраине денежного довольствия, установленного полицейским чинам, явно было недостаточно. Любой чернорабочий получал гораздо больше, чем низшие полицейские чины. Такие обстоятельства приводили к значительной текучести кадров полиции.

Помимо городской и уездной на Дальнем Востоке получили распространение различные типы ведомственной полиции. Наиболее распространенной из-за интенсивной разработки залежей полезных ископаемых и добычи золота была горная полиция. Во главе ее стояли горные исправники, подчинявшиеся напрямую губернаторам областей и генерал-губернатору, а в их подчинении находились команды из местных казаков. Так как в основном промыслы были частные, то и содержалась горная полиция на частные средства. Другой вид ведомственной полиции – портовая полиция. Длительное время она не выделялась в самостоятельное подразделение, и только в 1894 г. была учреждена во Владивостокском порту³.

¹ Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи: исторический обзор / С.А. Невский, Б.Ю. Дерешко. М.: ВНИИ МВД России, 2018. С. 76.

² Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века. С. 167.

³ ПСЗРИ. 1856–1890. Ч. 3. Т. 13. № 787.

С учетом наличия на Дальнем Востоке большого количества политических каторжан и ссыльных поселенцев значительную роль в регионе играла полиция политическая. В ее задачи входило пресечение и предупреждение государственных преступлений и производство дознания по делам о политических преступлениях¹.

В начале XX в. по всей Российской империи государственными преступлениями и розыском занимались губернские жандармские управления, в ряде городов – охранка. В Сибири и на Дальнем Востоке сохранилась окружная система исполнительных органов корпуса жандармов. До 1902 г. политический розыск здесь осуществлял Сибирский жандармский округ с подчиненными ему железнодорожными жандармско-полицейскими управлениями. С 1902 г. Сибирский жандармский округ был упразднен, а вместо него создано Иркутское губернское жандармское управление.

Еще в 1893 г. специальным постановлением правительства было создано жандармско-полицейское управление Уссурийской железной дороги. В его штат входил начальник (в чине полковника), он же начальник одного из отделений, адъютант начальника отделения, один начальник отделения в чине ротмистра, два вахмистра, 31 унтер-офицер и два писаря².

Другой вид политической полиции – охранка появился на Дальнем Востоке уже после первой революции. В 1907 г. учреждено Владивостокское охранное отделение, деятельность которого распространялась на Приморскую и Амурскую области. В городах – Хабаровске, Благовещенске и Никольск-Уссурийске в 1909 г. были учреждены розыскные пункты. Штаты политической полиции на протяжении всего периода их существования также были крайне малочисленны.

Следует отметить, что практически все меры по улучшению организации полицейских органов сводились к периодическому увеличению штатов, денежного довольствия, а также повышению профессионализма служащих. Но, несмотря на предпринимаемые усилия по комплектованию полиции профессиональными кадрами, количество совершаемых правонарушений не только не снижалось, а, наоборот, росло, что в первую очередь объясняется активизацией экономической жизни в регионе и значительным притоком переселенцев из Центральной России. В связи с этим принимавшиеся исполнительной властью меры были недостаточны и требовали качественно иного подхода к решению проблемы.

¹ Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск: Кн. изд-во, 1974. С. 77.

² Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века. С. 167.

2.3. Экономическое развитие областей Дальнего Востока России

Приоритетность задачи экономического закрепления России в Маньчжурии и Корее привела к тому, что основное внимание региональная администрация уделяла развитию русской промышленности и торговли именно на этих территориях. Такой подход не всегда был полезен для экономического развития российского Дальнего Востока.

Основной отраслью в этот период продолжала оставаться добывающая промышленность. В Приамурском крае и Квантунской области занимались добычей золота, каменного угля, железа, соли и лесозаготовительными работами. Значительные доходы были связаны с рыболовством и морским промыслом. Но наибольшую и быструю выгоду приносили торговые операции, которые велись как на внутреннем, так на внешнем рынке.

Изучение документов позволяет проследить развитие различных отраслей хозяйственной жизни края. Так, в июне 1903 г. Восточно-Сибирская горная область была разделена на 10 горных округов. Штат окружных управлений был дополнен 4 окружными инженерами, 2 помощниками и 4 письмоводителями. Повышены были также классы и должности в горной полиции¹. Это несколько улучшило положение дел в горной промышленности.

В Квантунской области золотопромышленность существовала сначала за казенный счет, а с 1901 г. была передана в частные руки. Это было сделано вследствие того, что, по мнению местных чиновников, промышленных запасов в области не было и соответственно не было перспективы дальнейшего содержания этих предприятий за счет государства².

С 1 января 1901 г. по 1 августа 1903 г. было выдано 111 свидетельств на право золотопромышленной деятельности, из них 76 золотопромышленников подали заявки на отведение площадей и только 9 приступили к работе³. Данный факт свидетельствует о том, что наблюдалась определенная заинтересованность предпринимателей в открытии золотопромышленных предприятий, но этот интерес не всегда подкреплялся финансами.

На рудниках Николаевского золотопромышленного общества были построены две фабрики с паровыми двигателями⁴. Однако это – исключение, добыча золота проводилась в основном открытым способом и была слабо механизирована. В старательских артелях боль-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 165. Л. 19.

² Там же. Л. 128.

³ Там же. Л. 129.

⁴ Там же. Л. 126.

шей частью работали китайцы и корейцы¹. Всего за 4 года было создано в золотопромышленности 43 товарищества, 3 компании и 1 акционерное общество².

Что касается развития каменноугольной промышленности в Приамурском крае, то данные статистики говорят о такой динамике. В 1899 г. действовало 7 рудников, которые добыли 3 791 878 пудов угля. В 1902 г. действовало уже 20 рудников, добыча составила 7 004 792 пуда угля, а в 1903 г. – 8 128 516 пудов³.

В 1900 г. было создано Приамурское горное товарищество для разработки каменного угля. В 1901 г. появилось Уссурийское горно-промышленное общество. С 1902 г. начинают разрабатываться Сучанские копи. На Ляодунском полуострове добыча каменного угля была развита слабо из-за малочисленности угольных месторождений и неудовлетворительного качества угля. Основными потребителями этого угля были сахалинские морские суда и Уссурийская железная дорога⁴.

Добыча железа велась в очень незначительных размерах в Западно-Забайкальском и Приморском горных округах. Так, в Приморской области было лишь 3 рудника⁵.

Соляной промысел в Квантунской области являлся важнейшим. По берегам полуострова располагалось множество солеварен. До прибытия русских соль здесь добывали примитивным способом. С начала XX в. добыча соли начинает совершенствоваться, одновременно улучшается и качество соли. К 1903 г. добывается до 90 тыс. пудов соли, а в 1904 г. предполагали добыть 200 тыс. пудов, но эти показатели не были достигнуты из-за начавшейся войны⁶.

Общие условия, в которых приходилось работать русским горным предприятиям в Маньчжурии, были крайне тяжелы. «Не говоря о трудностях, обусловленных географическим положением и необходимостью охраны, мы обязаны платить китайской казне по 15 % со всего добываемого золота и по 5 % – с угля; к этому присоединяются разные налоги вроде «ли цзиня» и, наконец, необходимо уделять нашим компаньонам прибыль за их, нередко совершенно фиктивное, участие. При таких условиях можно ожидать хотя бы некоторой прибыли только от таких исключительно богатых месторождений, какими, по-видимому, являются Фушунь, Цзяшань и Дьянигоу», – сообщал в своем письме уполномоченный Маньчжурского горнопро-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 165. Л. 122.

² Там же. Л. 130.

³ Там же. Л. 131–132.

⁴ Там же. Л. 133.

⁵ Там же. Л. 134.

⁶ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 6. Л. 39.

мышленного товарищества чиновник особых поручений Министерства финансов Дмитриев-Мамонов¹.

Особое внимание местная администрация уделяла стратегической промышленности – золотопромышленности. Для обсуждения вопроса о возможных мерах по упорядочению русской золотопромышленности в Северной Маньчжурии была образована комиссия. В нее приглашены управляющий дипломатической канцелярией при наместнике Плансон, чиновник Министерства иностранных дел надворный советник Грушецкий, надворный советник Колоколов, коллежский асессор Поппе, горный инженер статский советник Пузанов и коллежский советник Пфафиус. Члены комиссии представили наместнику свои записки и доклады о положении дел в золотопромышленности в Маньчжурии. Из текста этих докладных записок следовало, что с 1901 г., когда военные действия в Маньчжурии прекратились, туда стали стекаться всякого рода предприниматели, в особенности русские золотопромышленники, которые обращались к местной китайской власти с ходатайствами о выдачи им концессий на разработку горных богатств. Чиновники Министерства иностранных дел, по обязанности, оказывали таким подданным законное содействие, причем, согласно указаниям Министерства иностранных дел, наиболее желательными концессионерами были лица, рекомендованные Министерством финансов и представившие гарантии того, что данные концессии будут действительно разработаны и что в Северной Маньчжурии будут отстаиваться российские интересы.

Первыми соискателями, желавшими получить концессии в северной половине Цицикарской провинции, прилегающей к Амуру и Сунгари, были пять русских золотопромышленных компаний, рекомендованных Министерством финансов. Во избежание спора между ними означенная полоса была разделена на пять частей. Цзянь-цзюнь (губернатор) Цицикарской провинции позволил каждой из этих компаний в отведенном ей районе искать новые месторождения золота с тем, что по нахождении таковых им будут выданы разрешения на разработку. По этому предмету были составлены предварительные соглашения, которые подлежали утверждению китайским правительством.

По истечении двух лет дело приняло иной оборот, чем ожидалось сначала. С одной стороны, к концу 1903 г. соглашение о концессиях на золоторудные месторождения правительством Китая так и не было утверждено. Золотопромышленники оставались в самом неопределенном положении. С другой стороны, они сами совершенно не оправдали возложенных на них российским правительством надежд как на проводников русских интересов и русского влияния в крае.

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 6. Л. 40–41.

Вместо того, чтобы деятельно приняться за разведку новых месторождений, они отчасти оставили свои обширные районы без всякого исследования, отчасти передавали их в другие руки, отчасти, как, например, наследники промышленника Н.В. Асташева, приступили к разработке старых приисков, принадлежащих китайцам и временно ими покинутых, а для использования остальных частей отведенного им района приглашали иностранцев.

Российское правительство не могло допустить такого порядка вещей. По мнению чиновников наместничества, необходимо было прежде всего выработать правила, по соглашению с послом в Пекине, которые бы обеспечили интересы золотопромышленников, интересы государственной казны и политическую сторону дела. Проект таких правил был предложен наместнику¹.

По этому вопросу Е.И. Алексеев вел переписку с послом в Китае П.Н. Лессаром: «...Я вполне разделяю высказанные Вами взгляды на неправильность образа действий золотопромышленников, которые, получив право лишь на разведку новых месторождений, занимаются разработкой старых приисков, принадлежащих китайцам, а также недопустимость способа эксплуатации, применяемые доверенным Асташевых г. Шамье... Я полагал бы необходимым... обусловить право концессионеров на дальнейшее поддержание русских прав обязательством сохранить на предприятиях чисто русский характер, а для сего дать подписку, что передача ими участков для разработки не будет производиться иначе как с разрешения Русского правительства и что они будут подчинены всем тем правилам, которые будут установлены золотопромышленности в Северной Маньчжурии...»². В документе хорошо прослеживается позиция наместника. Он был явным противником предоставления каких-либо льгот иностранцам в эксплуатации природных богатств России и их дальнейшего проникновения в Маньчжурию.

Некоторые российские предприниматели, имевшие предприятия на территории Ляодунского полуострова, потеряв их вследствие русско-японской войны, пытались компенсировать свои убытки за счет китайского правительства. Так, один из владельцев каменноугольной концессией прапорщик Львов обратился с всеподданнейшим ходатайством о выдаче ему беспроцентной ссуды в размере 50 тыс. руб. до времени реализации его претензии к китайскому правительству в сумме 1 млн руб.³ По приказанию наместника по этому делу было проведено расследование. В итоге стало известно, что претензии Львова во многом оказались необоснованными. Весь убыток, какой могли понести владельцы угольных копей Живатовский и Львов от

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 6. Л. 205.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 97.

разграбления копей китайцами и занятия их японцами, бывший техник по горной части при главном начальнике Квантунской области статский советник Пузанов определил в 150 тыс. руб.¹

Серьезную проблему составляла необходимость охраны природных богатств региона. С предложением о помощи к наместнику обращались представители иностранных держав, явно не из альтруистических соображений. Например, вопрос об охране котиковых промыслов. Приведем ответ наместника на предложение английского правительства об охране российских дальневосточных территориальных вод военными кораблями британского флота: «Вполне признаю необходимость принятия мер к охране котиковых промыслов, истребляемых японцами. А так как в настоящее время мы лишены возможности посылать военные суда для охраны Командорских островов, то нахожу мысль о предоставлении защиты английским крейсерам заслуживающей серьезного внимания». Это довольно интересный факт, учитывая сложность отношений между Россией и Великобританией в тот период.

Изменение внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке и начавшаяся в январе 1904 г. русско-японская война самым трагическим образом отразились на положении Приамурья, его внешнеэкономических связях, развитии судоходства и торговли. Война оборвала налаженные коммерческие контакты, разрушила сложившиеся пути доставки товаров. По обстоятельствам военного времени практически прекратилась перевозка гражданских грузов по железной дороге. С моря российские дальневосточные порты были блокированы японским военным флотом.

Сложившиеся условия требовали принятия чрезвычайных мер. 1 (14) мая 1904 г. указом Николая II был введен беспошлинный ввоз товаров как через порты, лежащие в устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе с Маньчжурией, за исключением ввоза подакцизных товаров. Одновременно восстанавливался прежний, существовавший до 1 (14) января 1901 г. порядок возврата пошлин за ввезенные в край хлопчатобумажные изделия. 8 (21) сентября 1904 г. действие указа было распространено на сухопутную границу Приамурского генерал-губернаторства с Монголией и Кореей. Восстановление беспошлинного ввоза было попыткой хотя бы частично смягчить сложившуюся в связи с военными действиями ситуацию.

Современники по-разному оценивали как сам факт реставрации порто-франко, так и роль инициатора указа – наместника на Дальнем Востоке вице-адмирала Е.И. Алексеева. Весь спектр мнений по этому вопросу наиболее полно проявился в ходе обсуждения осенью 1908 г. в Государственной Думе законопроекта об отмене порто-франко

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 4. Л.25.

в Приамурском крае. Резко отрицательную оценку этому правительственному мероприятию дал на пленарном заседании Думы выступавший от имени финансовой комиссии депутат Л.К. Шемшинцев. Называя ходатайство наместника поспешным и необоснованным, он высказал мнение, что именно восстановление порто-франко уничтожило все осуществлявшиеся постепенно начинания правительства в области таможенного обложения и организации таможенного дела¹. «За это, как и за многие другие дела, – эмоционально восклицал депутат, – Россия долго будет помнить его, «но без признательности».

Иной точки зрения придерживался убежденный сторонник порто-франко депутат от Томской губернии профессор Н.В. Некрасов. В условиях войны и практически полного паралича торговой жизни он называл восстановление порто-франко в Приамурском крае наиболее эффективной мерой, одной из немногих, которую можно было поставить наместнику в заслугу.

Безусловно, восстановление порто-франко в Приамурье и Забайкалье противоречило протекционистскому правительственному курсу и при других условиях вполне могло рассматриваться как прямое заявление об отказе российской таможенной политики «от строгого проведения таможенно-покровительственного империализма на Дальнем Востоке». Но сама «технология» возврата порто-франко не оставляло надежды на такое толкование событий весны 1904 г.

Восстановление порто-франко было тем более неожиданным, что самые представительные совещания – работавшая в Петербурге комиссия Романова и IV Хабаровский съезд сведущих людей – весной и летом 1903 г. высказались в пользу сохранения таможенного обложения в Приамурском крае. Казалось, итоги дискуссии подведены, аргументы сторон исчерпаны и окончательное решение судьбы порто-франко передано в руки центральной власти. «Я полагаю, что обсуждение основного вопроса о сохранении или упразднении таможен принадлежит исключительно высшему правительству, которое, имея в своем распоряжении все необходимые данные, с полной компетентностью одно может решить, следует ли в этом деле отдать предпочтение местным или государственным интересам», – писал наместник на Дальнем Востоке Приамурскому генерал-губернатору Д.И. Суботичу².

Тем не менее, правительство все ещё продолжало консультации относительно судьбы порто-франко. В июне 1903 г., вскоре после завершения работы комиссии Романова, министры финансов и иностранных дел были приглашены А.М. Абазой для беседы о том, возвращать ли Владивостоку право порто-франко. Оба министра тесно увязывали эту проблему с «маньчжурским вопросом». С.Ю. Витте

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможене: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 116.

² Там же. С. 117.

высказывался не только против восстановления порто-франко во Владивостоке, но и за закрытие портов в Маньчжурии. «Беспошлинный ввоз иностранных товаров как в Приамурье, так и в Маньчжурию», – считал он, – «может убить сбыт русского товара», а потому «лучше допускать иностранные капиталы, чем иностранные товары».

18 февраля (3 марта) 1904 г., когда война с Японией уже началась, Приамурский генерал-губернатор получил послание наместника с рекомендацией созвать местные совещания для обсуждения связанных с таможенным обложением вопросов. Для участия в них следовало привлечь более широкий, чем обычно, круг представителей – крестьянских начальников, податных инспекторов, зажиточных крестьян и непременно – чинов таможенного ведомства. Совещаниям предлагалось сосредоточиться не на бесплодной дискуссии о преимуществах порто-франко или таможенного обложения, а на выработке подходов к решению насущных проблем: обложению пошлиной маньчжурского хлеба и других продовольственных товаров; организации охраны границы; ликвидации беспошлинного ввоза китайских товаров по сухопутной границе, наконец, защите торговых интересов Владивостока. Кроме того, наместник просил вернуться к рассмотрению статей таможенного тарифа и внести свои предложения в сторону его протекционистской направленности. Последнее вытекало из самой сути Закона от 10 июня 1900 г., статья 3 которого содержала прямое указание на целесообразность нового пересмотра ставок таможенных пошлин после завершения строительных работ на Сибирской магистрали и КВЖД.

Необходимость подобного рода совещаний объяснялась стремлением наместника составить собственное мнение о проблеме, прежде чем дать окончательное заключение относительно высказанного комиссией Романова предложения о сохранении в крае таможенного обложения. Все материалы совещаний (протоколы, отзывы должностных лиц, отдельные записки) должны были не позднее 1 июля 1904 г. представлены Приамурскому генерал-губернатору, а затем с его заключением переданы во временную канцелярию наместника.

Таким образом, предложенная в феврале 1904 г. программа работы местных совещаний не оставляла сомнений в том, что правительство не связывает с восстановлением порто-франко дальнейшую судьбу своей таможенной политики на Дальнем Востоке¹.

Однако надежда на восстановление порто-франко, хотя и казавшаяся иллюзорной, все-таки сохранялась. 10 апреля 1904 г. финансовый комиссар И.Н. Протасьев направил окружному таможенному инспектору С.Н. Латкину телеграмму, в которой поддержал высказан-

¹ Беляева Н.А. От порто-франко к таможене: очерк региональной истории российского протекционизма. С. 118.

ную некоторыми коммерсантами готовность доставить морем каменный уголь, керосин, солонину и другие товары при условии «снятия во Владивостоке и Николаевске таможенных пошлин и облегчения таможенных формальностей». Протасьев полагал, что эта «военная контрабанда» доставит Японии дополнительные хлопоты.

Очевидно, главную роль в столь быстром принятии этого решения сыграла не только необходимость снабжения армии и населения Приамурского края, но и личное мнение наместника относительно наилучшего направления торговой и таможенной политики в условиях войны. На существование настроений в пользу порто-франко в его ближайшем окружении неоднократно указывал окружной инспектор С.Н. Латкин. «Наместник предполагает войти министру финансов с предложением о необходимости предоставления Владивостоку на время войны *porto-franko* (временно) ...», – сообщал Плансон в телеграмме Протасьеву. Протасьев по этому вопросу был согласен с мнением наместника¹. К этому времени правительством были введены в действие Временные правила, которыми Россия намерена была руководствоваться на период войны с Японией.

Следует отметить, что реставрация порто-франко была проведена «вдруг» – по телеграфному ходатайству наместника, поддержанному управляющим делами Особого комитета по делам Дальнего Востока контр-адмиралом А.М. Абазой и одобренному Николаем II. Проект указа был подготовлен Главным управлением неокладных сборов и отделом промышленности Министерства финансов без обычной в таких случаях процедуры длительного согласования.

Таким образом, наместник и его административный аппарат приняли самое деятельное участие в разработке и проведении мероприятий по оздоровлению экономической ситуации в Дальневосточном регионе. Введение порто-франко в областях Дальнего Востока способствовало сохранению торговых отношений с иностранными государствами, насыщению продовольственными и промышленными товарами местного рынка, снижению уровня социальной напряженности в крае. Тем не менее, введение этой меры имело и отрицательные последствия, отразившиеся главным образом на положении отечественного производителя.

Серьезная работа проводилась и по упорядочению деятельности различных предприятий, эксплуатирующих природные богатства Дальнего Востока. Однако события русско-японской войны отеснили на второй план вопросы мирного существования. Поэтому большая часть запланированных мероприятий по улучшению хозяйственной жизни российского Дальнего Востока так и осталась только на бумаге.

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д.4. Л. 47.

Подводя итог рассмотрению вопроса об управлении наместничеством, подчеркнем, что проблема распределения полномочий между аппаратами управления наместничества Дальнего Востока и Приамурского генерал-губернаторства возникла в результате того, что предварительно не была создана нормативно-правовая база вновь образованной административной структуры. Разработка Положения об управлении областями Дальнего Востока началась уже после учреждения наместничества. Сам проект Положения в силу ряда обстоятельств – бойкота со стороны министерств и департаментов, ведения войны с Японией, череда поражений в которой ставило под сомнение необходимость сохранения наместнического управления на Дальнем Востоке, – так и остался неутвержденным. Региональное руководство, чтобы наладить эффективную работу, вынуждено было использовать либо законодательство, касавшееся аналогичных административно-территориальных образований, в основном Кавказского наместничества, либо применять собственный опыт в деле управления областями Дальнего Востока.

Затянувшееся обсуждение Положения об управлении областями Дальнего Востока и условия военного времени не позволили применить развернутую схему наместнического правления в регионе. Сами разработчики административных преобразований не имели четких представлений об окончательном варианте структуры Дальневосточного наместничества. Однако, так как учреждение наместничества являлось свершившимся фактом и перед Е.И. Алексеевым были поставлены конкретные задачи, необходимо было создать аппарат управления, способный эти задачи решать. При наместнике сформировались структуры, осуществляющие гражданское и военное управление в крае: дипломатическая и общих дел канцелярии, морской и военный штабы. Деятельность этих структур носила временный характер, поэтому они имели сокращенный штат чиновников. В областях сохранялись должности военных губернаторов. Приамурское генерал-губернаторство также продолжало существовать, но пост генерал-губернатора замещался лицами, временно исполняющими обязанности. В результате в системе управления Дальним Востоком сложилось противоречивое сочетание прежних и вновь сформированных управленческих структур. Неопределенность сферы компетенций, функций и элементов административной системы, их дублирование и урезанный вид не способствовали эффективной реализации управленческих решений в Дальневосточном наместничестве.

ГЛАВА 3

Дальневосточное наместничество в контексте реализации геополитических интересов Российской империи

3.1. Внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны

Российская империя в начале XX в. осуществляла активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. Особый интерес вызывали возможности закрепления российских интересов на территории Цинской империи и в Корее. В силу обстоятельств наместник Дальнего Востока вице-адмирал Евгений Иванович Алексеев оказался одной из ключевых фигур, оказавшей влияние на процесс реализации дальневосточного направления внешней политики Российской империи. Впервые на дипломатическом поприще Е.И. Алексеев проявил себя в период восстания ихэтуаней, в должности Главного начальника и командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана. Уже в качестве наместника областей Дальнего Востока Е.И. Алексеев принимал деятельное участие в проведении переговоров с Китаем и Японией накануне русско-японской войны 1904–1905 гг.

О взглядах Е.И. Алексеева относительно политики России на Дальнем Востоке нам известно из воспоминаний чиновника по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области И.Я. Коростовца. По мнению чиновника, Е.И. Алексеев не сочувствовал широким планам российского правительства в Квантунской области, не верил в просветительскую миссию России и её способность колонизировать Маньчжурию. Планы экономического завоевания Китая посредством промышленности и торговли казались ему утопией ввиду культурной слабости самой России и Сибири. Он считал, что для развития торговли достаточно железной дороги и морского порта при соответствующей тарифной системе. А слишком честолюбивая программа может привести к конфликту как с Китаем, так и с Японией. По мнению Е.И. Алексеева, необходимо было в первую очередь укрепить обороноспособность восточных границ: «Мы должны ... сначала усилить наше военное положение, укрепить Артур и обезопасить сообщение с Россией, иначе мы окажемся в западне и испытаем военный разгром. Россия действовала всегда штыком и благодаря этому имела успех». Занятие Порт-Артура и особенно основание Дальнего были, по его мнению, ошибкой. Россия должна была стремиться к закреплению Корейского побережья и Цусимского пролива,

чтобы обеспечить подступы к Владивостоку и не разбрасываться далеко от своей базы¹.

В ходе подавления национально-освободительного восстания ихэтуаней Россия наряду с другими державами ввела военные силы на территорию Китая. Многие сторонники активной внешнеполитической программы рассматривали данное обстоятельство как хороший повод для силового давления на правительство Китая с целью предоставления преференций русскому капиталу в Маньчжурии или даже полного, или частичного, её присоединения. При обсуждении вопроса об устройстве и оптимальном способе умиротворения этого края, Е.И. Алексеев неоднократно высказывался за сохранение власти китайской администрации. Введение русского управления и тем более присоединение, которое рекомендовали военные, ссылаясь на примеры включения в состав Российской империи Туркестана и Бухары, он находил опасным по политическим причинам. Кроме того, эти планы он считал неосуществимыми из-за отсутствия опытных управленцев, хорошо знающих местную специфику. Неподготовленность русских к управлению китайцами в достаточной степени обнаружилось на опыте Квантунской области, и повторение той же ошибки в большем масштабе он считал рискованным. «Оккупация Манчжурии, – говорил адмирал Алексеев, – вызвана военными действиями и должна иметь временный характер. Политика аннексий невозможна, ибо мы в союзе с Китаем»². В дальнейшем мнение Е.И. Алексеева о целях и результатах российской политики на Дальнем Востоке приобрело диаметрально противоположный характер.

Ещё до учреждения наместничества адмирал Е.И. Алексеев стал получать дополнительные дипломатические полномочия. Уже в июне 1903 г. ему было поручено заняться разработкой проекта условий, предъявляемых Китаю в связи с выводом русских войск из Маньчжурии. В телеграмме министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа указывалось, что «от характера гарантий... будет зависеть окончательное решение принципиального вопроса: покидать ли Маньчжурию либо присоединить часть её или всю область к Российским владениям»³. В последнем случае, по мнению министра, не надо было даже прибегать к поиску благовидного предлога. Отказ китайского правительства предоставить означенные гарантии давал бы полное право воспользоваться предусмотренной оговоркой всех российских официальных сообщений «об образе действий Китая и других держав». Но при этом, конечно, не следовало терять из виду, что такое решение вопроса влекло за собой необходимость быть в полной мере готовыми к защите интересов России вооруженной силой.

¹ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 52.

² Там же. С. 125.

³ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 61.

Таким образом, вопрос о Маньчжурии практически вышел из ведения Министерства иностранных дел, оказавшись в сфере компетенции Е.И. Алексеева. Однако его, видимо, смутила внутренняя противоречивость возложенной на него задачи. С одной стороны, необходимо было неукоснительно выполнять условия русско-китайского договора 26 марта (8 апреля) 1902 г., то есть выводить войска из Маньчжурии, с другой стороны, надо было ограждать интересы России в Северо-Восточном Китае и готовиться к войне с Японией. В результате Е.И. Алексеев предложил через русского посланника в Пекине П.Н. Лессара такие условия китайскому правительству, которые невозможно было выполнить. Например, китайская администрация не должна предоставлять концессии в Маньчжурии иностранцам, кроме российских подданных. Это было явным вмешательством во внутренние дела Китая. Е.И. Алексеев также предлагал ещё один способ решения вопроса: чтобы китайское правительство направило русскому царю чрезвычайного посла для ходатайства об эвакуации русских войск из Маньчжурии без тяжелых для Китая условий¹. Однако этот вариант был отвергнут. Китайское правительство продолжало настаивать на выводе русских войск из Маньчжурии в сроки, указанные в договоре 26 марта (8 апреля) 1902 г., без всяких условий. Е.И. Алексеев, в свою очередь, требовал предоставления гарантий.

О ходе переговоров Е.И. Алексеев извещал Николая II в телеграмме 14 (27) сентября 1903 г.: «Переговоры, ведущиеся ныне в Пекине, с достаточной очевидностью обнаружили намерения китайского правительства отказать нам во всех существенных требованиях и при содействии Японии и других держав заставить уйти из Маньчжурии без всяких гарантий. После двухмесячных усилий Посланнику удалось добиться лишь весьма неопределенного согласия Китая на не отчуждение Маньчжурии, на назначение русского врача в Инкоу и на охрану помещений Русско-Китайского банка китайские властями за счет банка. В особенности обращает на себя внимание образ действий Японии, представители коей, по заявлению Лессара, самым энергичным образом побуждают китайцев к сопротивлению. С другой стороны, имею достоверные сведения, что японские агенты-шпионы, наводняющие Маньчжурию и, несомненно, оплачиваемые правительством, направляют свою деятельность к восстановлению против нас китайских властей и населения, ввиду чего власти эти, в особенности Мукденский цзянь-цзюнь, приняли по отношению к нашим представителям враждебный тон; японский проект соглашения обнаружил явное намерение перенести в Южную Маньчжурию японскую железнодорожную деятельность, что допускает возможность заключения Японией особого соглашения с Китаем касательно Маньчжурии;

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 137. Л. 113.

наконец из донесений Павлова видно, что Япония угрожают намерением высадить войска на Корею и занять устье Ялу... при таких условиях оставить Маньчжурию после трехлетней оккупации представляется невозможным без умаления нашего политического положения на Дальнем Востоке»¹.

Относительно переговоров с Китаем, ввиду их безуспешности Е.И. Алексеев счел своевременным их прекратить. 20 сентября (3 октября) 1903 г. он получил на это разрешение императора². Оккупация Китая была продолжена.

Чтобы хоть как-то повлиять на китайское правительство, было принято решение применить силовые методы. Об этом Е.И. Алексеев известил П.Н. Лессара: «Ввиду неоднократного проявления мукденским цзянь-цзюнем неуступчивости в исполнении наших законных требований, я признал необходимым предупредить цзянь-цзюня, что в случае дальнейшего упорства буду принужден ввести в Мукден войска. Для этой цели предназначен мною пока небольшой отряд из состава Ляодунского гарнизона, который предполагается передвинуть в Мукден. 14 сего октября – последний срок, предоставленный цзянь-цзюню»³. В результате, по указанию Е.И. Алексеева, в октябре 1903 г. в Мукден были введены русские войска.

Со стороны китайского правительства незамедлительно последовал протест официальному Петербургу. В телеграмме министру иностранных дел Е.И. Алексеев дал обоснование своей позиции: «Обращение Китая к императорскому правительству по поводу посылки в Мукден небольшого отряда, не имеющего в сущности военного значения, является весьма удобным случаем, чтобы дать понять министрам Богдыхана всю неправильность усвоенных ими за последнее время образа действий, на который неоднократно указывал и посланник в Пекине. Систематическое сопротивление Центрального правительства всем нашим требованиям, враждебное отношение к нам китайских властей в Маньчжурии и в особенности Мукденского цзянь-цзюня, постоянное усиление войск в северном Китае и обращение за содействием против нас к иностранцам – вот те обстоятельства, которые, по моему мнению, послужили причиной продолжения оккупации, а ныне заставили прибегнуть к упомянутому мероприятию, которое притом было приведено в исполнение лишь после целого ряда предупреждений»⁴.

По мнению наместника, в случае, «если мукденские власти будут продолжать усиление войск и милиции, допускать ввоз оружия, коим вооружается население, и поощрять предводителей шаек хун-

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 2.

² Там же. Л. 7.

³ АВПРИ. Ф.326. Оп.928. Д.13. Л.150.

⁴ Там же. Л.152–153.

хузов, то для обеспечения нашего военного положения потребуется занятие и других стратегических пунктов Маньчжурии. Полагал бы в высшей степени необходимым воспользоваться нынешним обращением китайцев, чтобы вновь указать им, что маньчжурский вопрос должен быть решен исключительно двумя заинтересованными державами, без всякого постороннего участия, и что Китай обязан искать сближения с Россией, вместо того чтобы возлагать надежды на помощь Японии и других держав...»¹.

Документ явно указывает, на какие принципы опирался Е.И. Алексеев в своей внешнеполитической деятельности в отношении Китая. Возможно, здесь свою роль сыграли интриги А.М. Безобразова. Так, А.Н. Куропаткин указывал, что «приостановка в очищении Южной Маньчжурии от наших войск совпала с первой поездкой отставного статс-секретаря Безобразова на Дальний Восток»². Сам А.М. Безобразов всех уверял, что его предложения в отношении методов реализации дальневосточной политики полностью разделяет Николай II. Соответственно, наместник Дальнего Востока вынужден был прислушиваться к просьбам статс-секретаря, имевшего большое влияние в тот период на императора.

Ввиду неоднократных обращений А.М. Безобразова по поводу получения лесной концессии на р. Ялу Е.И. Алексеев предлагал, воспользовавшись пребыванием в Мукдене русского военного отряда, усилить давление на правительство Китая для успешного решения этого вопроса: «Не найдете ли Ваше Превосходительство возможность понудить Китайское правительство к выдаче концессии, которая по существу своему весьма выгодна для него, так как дальнейшее противостояние в этом вопросе при настоящих обстоятельствах может повести к фактическому занятию концессии, чего я всеми силами хотел бы избежать», – говорилось в телеграмме наместника посланнику П.Н. Лессару³.

П.Н. Лессар попытался осуществить это предложение, но не добился успеха, о чем и известил наместника: «При покупке леса русскими не будет чиниться никаких препятствий. Выдать же концессию Лесопромышленному Товариществу китайское правительство затрудняется. Все мои указания на опасные последствия такового упорства оказались напрасными. Китайцы, как и ранее решительно заявляют, что лишь после выполнения нами эвакуации и восстановления прежнего порядка в Маньчжурии они могут обсуждать частные вопросы, касающиеся этой провинции»⁴.

¹ АВПРИ. Ф.326. Оп.928. Д.13. Л.152–153.

² Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905: итоги войны. СПб., 2002. С. 152.

³ АВПРИ. Ф.326. Оп.928. Д.7. Л.53.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 57.

30 июля (12 августа) 1903 г. японское правительство через своего посла в Петербурге предложило правительству России приступить к переговорам по заключению соглашения о разделе сфер влияния в Корее и Китае. Российское правительство согласилось принять участие в переговорах путем обмена предварительными проектами предложений. Разработка условий будущего договора с российской стороны была поручена наместнику Е.И. Алексееву совместно с русским послом в Токио бароном Розеном.

Наместник прекрасно осознавал всю трудность возложенной на него задачи, о чём докладывал императору: «Японский проект высказал совершенно недопустимую притязательность, отнимавшую всякую возможность придти с Японией на этих основаниях к соглашению. Для нас единственным основанием для соглашения могло бы служить только признание Японией Маньчжурии, стоящей всецело вне сферы её интересов. Взамен того мы могли бы сделать известные уступки на корейской почве». Однако приступить к переговорам Е.И. Алексеев считал возможным «только в том случае, если предварительно будет решено продолжить оккупацию Маньчжурии». Это, по его глубокому убеждению, «соответствует настоящему положению нашему на Дальнем Востоке». Непременным условием успеха переговоров с Японией должна была стать возможность «с полной ясностью дать понять японскому правительству, что права и интересы свои в Маньчжурии Россия намерена отстаивать, если потребуется, вооруженной рукой»¹.

Русский посланник в Токио барон Розен в основном поддерживал позицию Е.И. Алексеева. Находясь в Токио, он прекрасно понимал, что Япония практически готова к войне с Россией и настоящее соотношение сил не в пользу последней. В октябре 1903 г. им был предложен компромиссный вариант разграничения интересов: Япония получала значительные уступки в Корее, а Россия должна была полностью сохранить за собой влияние в Маньчжурии².

Однако у наместника в ходе переговоров сложилась иная оценка создавшейся обстановки: «Считаю положение наше далеко не настолько слабым, чтобы согласиться во что бы то ни стало на чрезмерные японские требования, ввиду чего мне кажется, что в предложенном Вами новом проекте из трех статей Японии предоставляются слишком большие права, неоправдываемые обстоятельствами»³. Он считал, что первоначально, в сентябре 1903 г., уступки, сделанные Россией Японии в корейском вопросе, были вызваны ожидаемым протестом со стороны Китая, Японии или других держав в связи с прекращением переговоров в Пекине и продолжением оккупации Мань-

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 3.

² Там же. Л. 28–30.

³ Там же. Л. 34.

чжурии. Но так как «ни протеста, ни осложнений не последовало, можно считать, что наше положение улучшилось, а потому при дальнейших переговорах с Японией нет оснований допускать существенных изменений наших контрпредложений и в особенности отступить от главных условий невмешательства Японии в маньчжурские дела»¹.

Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф был обеспокоен жесткой позицией Е.И. Алексеева в ходе переговоров. Он был против того, чтобы замедлить передачу русского проекта соглашения Японии, даже под предлогом выигрыша во времени для подготовки к предполагавшейся войне. В.Н. Ламздорф считал, что, если вести переговоры «не в виде ультиматума, а с соблюдением общепринятых дипломатических форм, со стороны Токийского кабинета едва ли последует отказ в продолжение начатых переговоров, могущих иметь последствием вооруженное столкновение, к которому генерал-адъютант Алексеев полагает необходимым готовиться, считая невозможным всякие дальнейшие объяснения по предмету соглашения с Японией»². Свое мнение В.Н. Ламздорф неоднократно высказывал Николаю II. Император поддержал точку зрения министра иностранных дел: «Желаю (так в документе – А.М.), чтобы переговоры «с Японией продолжались в дружелюбной форме»³.

Безусловно, после этого наместник вынужден был больше не настаивать на отсрочке передачи русских контрпредложений. Условия соглашения были составлены, получили одобрение в Петербурге и 11 (24) декабря 1904 г. переданы японской стороне. Японское правительство приняло их к сведению и занялось разработкой своих контрпредложений. К тому времени Япония уже была готова к войне с Россией, и дипломатическая игра для неё служила лишь прикрытием. Е.И. Алексеев прекрасно это понимал и имел свое мнение: «Японское правительство, требуя... уступок, не только не обещает удовлетвориться ими, но, напротив, откровенно предупреждает, что поводы к недоразумениям будут продолжать существовать и что для их устранения необходимо сверх того включить в пределы соглашения все те области Дальнего Востока, где интересы обеих империй соприкасаются... Требования эти настолько притязательны, что, по моему глубокому убеждению, не может быть ни малейших колебаний в решении считать их неприемлемыми... Всякая дальнейшая теперь уступка Японии приведет нас еще с большей вероятностью к разрыву»⁴.

Однако российское правительство считало необходимым продолжать переговоры с Японией. В.Н. Ламздорф заявлял Е.И. Алексее-

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 33.

² Там же. Л. 50.

³ Там же. Л. 82–83.

⁴ Там же. Л. 89.

ву, что «переговоры наши с Японией по характеру вовсе не представляют обмен ультиматумами, а посему решительно ничто не препятствует каждой из сторон продолжить обсуждение проекта договора, заключение коего нельзя не признать желательным во многих отношениях»¹.

В.Н. Ламздорфа не удовлетворяло то обстоятельство, что внешнеполитическое ведомство фактически не контролировало ведение переговоров с Японией. Ситуация обострилась после получения В.Н. Ламздорфом уведомления от контр-адмирала А.М. Абазы о повелении Николая II от 19 декабря (1 января) 1903 г.: по всем без исключения делам наместник должен обращаться непосредственно к императору или к управляющему делами Особого комитета Дальнего Востока. В.Н. Ламздорф стал даже задумываться о своей отставке: «При нынешних условиях, Государь, во главе Министерства иностранных дел должно стоять лицо, пользующееся всем доверием Вашего Императорского Величества, или же человек, способный относиться совершенно равнодушно к тому, что всегда было поручено его ведению. Мне остается только вновь ходатайствовать о Всемилостивейшем увольнении меня от занимаемой должности»². Однако Николай II отказался принимать отставку министра.

Сложившуюся ситуацию в своих «Итогах войны» прокомментировал военный министр А.Н. Куропаткин. «Переговоры велись, по существу, не в равных условиях. Но и по форме ведение переговоров, отданных в руки Алексеева, во многом ухудшало наше положение», – писал он. По мнению министра, появление обидной для самолюбия Японии инстанции, неопытность Алексеева в дипломатических делах, его твердая позиция и отсутствие при наместнике соответствующего персонала, затрудняли и обостряли все дело³.

30 декабря (12 января) 1903 г. адмирал А.М. Абаза в депеше Е.И. Алексееву сформулировал «в простом русском изложении, без дипломатических уверток» взгляд Николая II по проблеме российско-японских взаимоотношений. По вопросу о Китае в документе отмечалось: «О Маньчжурии не допускать разговора ни с японцами, ни с кем другим. Это дело касается исключительно Китая и России. При этом, однако, Россия готова признать торговые интересы Японии и всех наций как можно шире и свободнее, но под русскою эгидою и без сепаратизма»⁴.

Тем не менее, разногласия во взглядах на тактику ведения переговоров с Японией между министром иностранных дел и наместником на Дальнем Востоке продолжали иметь место. Новый виток обмена

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 97.

² Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. С. 366.

³ Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 171.

⁴ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 154.

мнениями по вопросам политики на Дальнем Востоке был связан с получением в начале января 1904 г. ответных японских требований. Е.И. Алексеев докладывал Николаю II и В.Н. Ламздорфу о том, что «ответные предложения Японии по существу своему и по тону японского сообщения еще более притязательные и самоуверенные, чем прежние». Наместник считал, что продолжение переговоров в таком духе приведет не к «примирению обоюдных интересов», но, напротив, «к постепенному обострению отношений и к более вероятному разрыву». На его взгляд, «прежде принятия какого-либо решения касательно ответа Японии казалось бы необходимым всесторонне обсудить корейский вопрос в связи с общим политическим положением дел на Дальнем Востоке»¹.

Министр иностранных дел в ответ на предложение Е.И. Алексева высказал в записке императору от 13 (26) января 1904 г. свою неудовлетворенность сложившимся положением. В.Н. Ламздорф находил, что общее политическое положение дел на Дальнем Востоке в течение 1903 г. являлось предметом многочисленных совещаний, на которых была выработана определенная программа действий: «С учреждением... Наместничества делам на Дальнем Востоке было придано совершенно иное направление: прекращены переговоры с китайцами, продолжена на неопределенное время оккупация, вновь заняты эвакуированные местности и преступлено к обмену взглядов с японским правительством о новом соглашении. Наместник полагал, что решительные меры в Маньчжурии заставят Японию быть сдержаннее и умереннее. Ближайший ход событий, однако, показал обратное: неопределенное положение наше в Маньчжурии, с принятием нами одновременно военных мер, побудило Японию также усиливать свою боевую готовность и ввиду подстрекательства Англии и Америки становится все требовательнее в своих предложениях»².

В.Н. Ламздорф осуждал затягивание переговоров наместником, так как эта мера не только не привела к снижению притязательности Японии, но даже произвела обратный эффект. Он предлагал вообще не приступать к обсуждению корейского вопроса, так это могло затянуть переговоры и соответственно привело бы к еще большему обострению отношений между Россией и Японией. Более уместным В.Н. Ламздорфу представлялось получить авторитетное мнение наместника по некоторым существенным вопросам, имеющим отношение к переговорам с Японией.

По-видимому, предложение В.Н. Ламздорфа было одобрено Николаем II, так как в тот же день (13 января) вопросы наместнику были составлены и отправлены телеграфом в Порт-Артур. Е.И. Алексеев

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 168–169.

² Там же. Л. 170–171.

должен был высказать свое мнение по следующим вопросам: «1) Имеют ли обсуждаемые ныне между Россией и Японией разногласия столь важное значение, что ради поддержания без изменений наших требований можно даже рисковать вооруженным столкновением с Японией? 2) В случае утвердительного ответа на первый вопрос, не следует ли нам все-таки продолжить переговоры, дабы исчерпать все средства к мирному разрешению настоящего кризиса? 3) Если это категорически невозможно, то не выгоднее ли для России во всех отношениях, чтобы разрыв последовал со стороны Японии, которая таким образом явится агрессивным нарушителем мира на Дальнем Востоке? 4) Находя, что изменение в желаемом японцами смысле редакции соглашения затрагивает вопрос достоинства, то не пострадает ли оно в большей мере, если мы вопреки мирным заявлениям и нашей воле, поддадимся враждебным нам влияниям соперничающих держав, которые одни получают прямые выгоды от невызываемой жизненными интересами России вооруженной борьбы с Японией? 5) Не представляется ли желательным, во избежание неприятных осложнений с прочими державами, ныне же решить... вопрос о признании прав и преимуществ приобретенными державами в Маньчжурии по ратифицированным последним договорам с Китаем и о включении соответствующей оговорки в изготовленный проект соглашения с Японией?»¹.

Последний пункт был связан с маньчжурским вопросом, который, по мнению В.Н. Ламздорфа, не мог бесконечно оставаться открытым. По нему министр иностранных дел желал выяснить следующее: «Если японцы, прервав переговоры, самовольно займут Корею, то этим существенно изменится занимаемое нами положение в Маньчжурии по отношению как к Японии, так и к самому Китаю. Спрашивается, можем ли мы и после помянутого акта японцев при предстоящем решении маньчжурского вопроса руководствоваться предполагаемыми нами условиями соглашения с Китаем или явится необходимым значительное изменение наших требований и в каком именно смысле?»².

15 (28) января 1904 г. состоялось Особое совещание под председательством великого князя Алексея Александровича по вопросу о продолжении переговоров с Японией. В его работе приняли участие военный министр Куропаткин, министр иностранных дел Ламздорф, управляющий морским министерством Авелан, управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока Абаза. Совещание выразило мнение о продолжении переговоров и решило предложить Николаю II рассмотреть новую редакцию 5 и 6 статей ответных предложений, со-

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 184.

² Там же.

ставленных министром иностранных дел. Только контр-адмирал Абаза остался при особом мнении, предлагая разделить сферы влияния в Корее по хребту (водоразделу)¹. Статья 5 предполагала взаимное обязательство не воздвигать на всем Корейском побережье военных сооружений и гарантировала свободу плавания через проливы. Статья 6 определяла взаимное обязательство считать территорию Кореи, лежащую к северу от 39-й параллели, нейтральной зоной, в пределы которой Япония не может вводить войска без согласия России².

Е.И. Алексеев 16 (29) января 1904 г. отправил ответы на предложенные ему вопросы. По первому вопросу наместник считал, что, решив принять японские предложения о переговорах, российское правительство преследовало главную цель – достичь путем уступок в Корее полной свободы действий в Маньчжурии. Однако ход переговоров показал, что Япония, предъявляя с настойчивостью свои требования о признании России полного протектората Японии над Кореей, вместе с тем несколько не отказывается от участия в решении маньчжурского вопроса.

Далее, принимая во внимание то, что Япония усилила свою боевую готовность и приступила даже к устройству базы в Корее, наместник полагал, что в переговорах вполне определенно выразились существенные разногласия между Россией и Японией, и при всем значении мирного улаживания дел он не видел, в чем именно могло бы заключаться дальнейшее обсуждение. По третьему вопросу он разделял мнение о предпочтении, чтобы разрыв последовал со стороны Японии, и она явилась бы нарушителем мира на Дальнем Востоке. По четвертому вопросу наместник указывал, что для достоинства России крайне тягостно будет, если борьба с Японией послужит прямым выгодам соперничающих держав, но, с другой стороны может ли Россия в решение настоящих политических интересов подписать соглашение, которое послужит проявлением её слабости. Действия Китая и держав, подписавших с ним договоры об открытии консульств в Маньчжурии, в то время, когда эта территория была занята Россией, Е.И. Алексеев не мог назвать дружескими и вполне согласными с правилами международной вежливости. Но так как факт уже свершился, России остается только смириться.

Занятие Японией Кореи, по мнению наместника, серьезно изменит положение в Маньчжурии. Е.И. Алексеев предлагал объявить об оккупации Маньчжурии, а затем уже, если будет в том необходимости, можно будет предоставить Китаю право искать у России мирного соглашения. В заключение, останавливаясь на крайне чувствительном вопросе о достоинстве России, наместник обращал внимание

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 198.

² Там же. Л. 190–192.

на то, что «в переживаемом ныне кризисе следует глубже взглянуть в корень той розни, которая привела к обострению наших отношений с Японией. Рознь эту... составляет идея Японии о преобладании и господстве на Дальнем Востоке. В достижение этой честолюбивой идеи корейский и маньчжурский вопросы являются для нее только средством. Поэтому вооруженное столкновение с Японией на этой почве хотя и будет великим бедствием для России, должно быть признано неизбежным, можно отдалить его, но не устранить»¹.

Дальнейшие события показали, что Е.И. Алексеев в своих суждениях был во многом прав. Однако на телеграмме Е.И. Алексеева, полученной в Зимнем дворце, Николай II оставил довольно интересную пометку: «Для меня кризис на Дальнем Востоке потеряет свою остроту, когда японцы высадутся в Южной Корее»².

Ответы Е.И. Алексеева были рассмотрены В.Н. Ламздорфом и подвержены критическому анализу. Министр отметил, что телеграммы наместника яснее показали «разногласие между оценкой политического положения в Порт-Артуре и в Петербурге»³. В.Н. Ламздорф увидел неверно поставленную цель русско-японских переговоров. Он считал невозможным путем уступок в Корее получить свободу действий в Маньчжурии, так как необходимо «прежде всего установить окончательно и бесповоротно отношение России к маньчжурскому вопросу, а затем уже приступить к переговорам с Японией». Агрессивное поведение Японии, по мнению В.Н. Ламздорфа, стало следствием политики России в Маньчжурии. Из сложившейся ситуации действительно очень трудно было выйти путем взаимных уступок. Министр соглашался с мнением, что именно Япония будет играть роль нарушителя мира на Дальнем Востоке. «Единственным же средством к тому является спокойное продолжение, в самом примирительном духе, введущихся ныне переговоров»⁴.

В.Н. Ламздорф совершенно исключал подписание Россией соглашения, не соответствовавшего её интересам, но тут же делал оговорку, что «всё зависит от правильности оценки действительных интересов России в их совокупности». Он также считал, что если Россию, «против её воли, вопреки её заверениям и без крайней надобности, могли вовлечь в несвоевременную войну», то это скорее «послужит признаком неустойчивости её политических планов и косвенно нанесет удар её достоинству... обстоятельством этим для своих выгод воспользуются её соперники, внешние и внутренние враги»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 190.

² Там же. Л. 194.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 195.

В отношении того, что Китай и государства, подписавшие с ним договоры, совершили не дружественный России акт, В.Н. Ламздорф справедливо заметил, что Китай признается всеми совершенно самостоятельным государством, а Маньчжурия является его составной частью. Кроме того, договоры относительно консулов в Маньчжурии были подписаны по истечении условного срока оккупации этой территории Россией¹.

Было очевидно, что после занятия Кореи Японией изменится положение России в Маньчжурии и возникнет необходимость принятия соответствующих мер. Но В.Н. Ламздорфу не представлялось ясным, какие международные правила дадут право «объявления в Маньчжурии в полном объеме русской военной оккупации»².

В.Н. Ламздорф так же, как и Е.И. Алексеев, не сомневался, что рознь между Японией и Россией, рано или поздно, может перерасти в вооруженное столкновение. Имея в виду возможность такого исхода, В.Н. Ламздорф полагал, что «нельзя не стремиться всячески отдалять (так в тексте – *А.М.*) его, дабы иметь время подготовиться во всех отношениях. За последние же месяцы, наоборот, сделано было все, чтобы ускорить эту развязку, перед которой Россия ныне стоит лицом к лицу, при самых неблагоприятных условиях»³.

У В.Н. Ламздорфа, как и подавляющего большинства высших чиновников, не было сомнений в победе России над Японией. В то же время он видел опасность, «что успех русского оружия будет иметь последствие – вмешательство других великих держав для поддержки Японии и в конце концов Россия станет перед дилеммой борьбы с коалицией или отступления, которое было бы особенно чувствительно для нас на Дальнем Востоке. При нынешних обстоятельствах война будет чрезвычайно тягостна и потребует невероятных жертв». Вследствие этого В.Н. Ламздорф настаивал на необходимости если не предотвращения войны, то, по крайней мере, её отдаления «всеми примирительными средствами»⁴.

Российское руководство попыталось еще раз использовать эти «примирительные средства», и 21 января (3 февраля) 1904 г. в Токио была отправлена телеграмма, в которой содержались определенные уступки японскому правительству. Однако эта телеграмма была получена русским посланником Р.Р. Розеном только 25 января (7 февраля) 1904 г., когда Япония уже объявила о разрыве дипломатических отношений и фактически начала военные действия против России.

Таким образом, анализируя деятельность наместника Дальнего Востока Е.И. Алексеева и его дипломатической канцелярии, можно

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 195.

² Там же.

³ Там же. Л.196.

⁴ Там же.

прийти к следующему. Переговоры с Китаем по поводу предоставления гарантий российской стороне оказались безрезультатными. Причинами тому было нарушение Россией прежних договоренностей с китайским правительством, прежде всего договора 26 марта 1902 г. о выводе русских войск из Маньчжурии, а также требования предоставления гарантий, которые затрагивали суверенитет Китая. Е.И. Алексеев был сторонником жесткой позиции в этом вопросе, поэтому его роль как представителя российской власти на Дальнем Востоке в ходе ведения переговоров была определяющей. Однако следует отметить, что эту позицию разделяли и в Петербурге. Поэтому нельзя считать только Е.И. Алексеева главным виновником срыва переговоров с Китаем. Хотя наместник и был инициатором прекращения переговоров, последнее слово оставалось за императором.

Что касается переговоров с Японией по корейскому и маньчжурскому вопросам, то здесь позиция наместника Е.И. Алексеева, как показали дальнейшие события, оказалась наиболее правильной. Конечно, Е.И. Алексеев как сторонник дипломатии силы и противник компромиссов не был идеален в своих внешнеполитических действиях, однако его взгляды на тактику ведения переговоров с японской стороной опирались и на серьезные разведывательные данные, и на знание специфики Дальневосточного региона, и на личный опыт административной, военной и дипломатической деятельности.

3.2. Особенности управления областями Дальнего Востока России в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Учреждение 30 июля (12 августа) 1903 г. наместничества на Дальнем Востоке во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым значительно изменило внешнеполитическую и внутривосточную ситуацию в этом регионе. Наместник становился главным начальником Дальневосточного края, через которого должны были решаться дела всех местных учреждений, независимо от их ведомственного подчинения. Данное обстоятельство касалось и вооруженных сил, расквартированных на Дальнем Востоке. На основании указа 30 июля (12 августа) 1903 г. наместнику Е.И. Алексееву передавалось «командование морскими силами в Тихом океане и всеми расположенными во вверенном ему крае войсками»¹.

Приказом наместника от 23 августа (5 сентября) 1903 г. № 10 при нем был учрежден до выработки Положения об управлении областями Дальнего Востока Временный военный штаб. Начальником штаба был назначен генерал-майор В.Е. Флуг – бывший начальник

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 2.

штаба Квантунской области. Одновременно с Временным штабом наместника продолжали существовать штаб Квантунской области и штаб Приамурского военного округа. Временное командование войсками Квантунской области и войсками в Маньчжурии было возложено на генерал-лейтенанта С.И. Волкова¹. Приказом от 13 (26) сентября 1903 г. № 21 штаб командующего морскими силами в Тихом океане был переименован во Временный морской штаб наместника на Дальнем Востоке. Обязанности начальника вновь сформированного штаба временно исполнял начальник прежнего штаба контр-адмирал В.К. Витгефт².

Главная задача, стоящая перед наместником и его аппаратом, состояла в следующем: «В военно-политическом отношении Дальний Восток находится ещё в том периоде, когда требуется интенсивная борьба для утверждения там нашей государственности. Борьба эта имеет конечной целью создание на Дальнем Востоке нашей гегемонии, без которой нам не совладать ни с желтокожей расой, ни с враждебным для нас влиянием наших европейских соперников. Для этого нам следует объединить наши военно-политические силы в одних ответственных руках, чтобы иметь возможность выработать план действий и энергично привести его в исполнение»³. Другими словами, наместник Е.И. Алексеев в короткие сроки должен был подготовить Дальневосточный край к возможной войне с Японией. Решение данной задачи предполагало увеличение численности воинского контингента, сбор сведений о потенциальном противнике, разработку планов ведения боевых операций на суше и на море, завершение строительства укреплений во Владивостоке и Порт-Артуре, их оснащение и вооружение, ряд других мероприятий.

Важно выяснить, насколько наместнику Е.И. Алексееву и его аппарату удалось осуществить поставленные задачи в преддверии русско-японской войны. В мае 1903 г. в военном министерстве был поставлен вопрос об усилении постоянного состава войск на Дальнем Востоке. В июне того же года в Порт-Артуре состоялось совещание с участием военного министра, на котором была обсуждена записка Главного начальника и командующего войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана адмирала Е.И. Алексеева «О необходимых военных мероприятиях на Дальнем Востоке». В этой записке Е.И. Алексеев предлагал увеличить количество войск на 44 батальона, закончить строительство укреплений в Порт-Артуре, образовать в Харбинской области продовольственную базу, увеличить пропускную способность КВЖД⁴. Несмотря на целесообразность данных ме-

¹ РГВИА. Ф. 14326. Оп. 1. Д. 10. Л.6.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 416. Л. 112.

³ Попов И.М. Указ. соч. С. 365.

⁴ РГВИА. Ф. 14326. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

роприятий, предложенный Е.И. Алексеевым план был значительно урезан. Считалось, что чрезмерная активность в Маньчжурии может послужить для Японии поводом к началу войны.

Высшее военное руководство страны не предполагало значительно увеличивать численность вооруженных сил, находящихся на дальневосточном театре военных действий. Из Восточной Сибири по КВЖД были переброшены только 2 стрелковые бригады с артиллерией, что можно считать явно недостаточным. Усилить боеспособность дальневосточных войск предполагалось за счет их реорганизации. Так, Восточно-Сибирские стрелковые бригады были переформированы в дивизии 12-батальонного состава. Причем эта реорганизация не была завершена к началу боевых действий с Японией.

5 (18) ноября 1903 г. начальник Временного военного штаба В.Е. Флуг доложил Е.И. Алексееву, о том, что, «объявив войну России, Япония может: 1) ограничиться прочным занятием Кореи; 2) заняв Корею попутно, для подготовки там базы, направить главный удар на наши войска в Южной Маньчжурии и крепости Порт-Артур; 3) главный удар направить на крепость Владивосток и Южно-Уссурийский край. Одновременно с одной из этих главных операций может быть предпринята диверсия с целью овладения островом Сахалин, устьем Амура и т.п. Для борьбы с Россией, как ниже изложено, может перебросить на материк в первой половине второго месяца 10 дивизий – 130 батальонов, 46 эскадронов, 576 орудий. Против этих сил мы можем выставить (кроме гарнизонов крепостей) 77 батальонов, 75 эскадронов и сотен и 184 орудия войск Дальнего Востока, которые могут быть сосредоточены не ранее начала третьего месяца. Это указывает на то, что в первый период кампании перевес в силах и преимуществе во времени будут на стороне японцев. Только притянув подкрепления из Западной Сибири и Европейской России, что может быть закончено не ранее начала седьмого месяца, мы можем сосредоточить превосходные силы. Ограничиваясь занятием Кореи, японцы дадут нам возможность спокойно и безопасно сосредоточить превосходные силы. Только при энергичном наступлении с начала кампании они могут рассчитывать одержать успех над более слабыми, не закончившими сосредоточения нашими войсками, почему, разбирая условия нашего сосредоточения, полагаю необходимым исходить из того случая, когда японцы перейдут в наступление... При настоящем соотношении сил нашего и японского флотов возможность поражения нашего флота не допускается; раз же наш флот не разбит, высадка японцев в Инкоу и в Корейском заливе немыслима. Ввиду этого заключения контр-адмирала Витгефта, принятого по указанию Вашего Высокопревосходительства за основание при составлении плана стратегического развертывания войск Дальнего Востока, надо допустить, что высадка японцев может последовать: на западном берегу Корей-

ского полуострова не ближе Цзинампо (Цинампо) или же на юго-восточном и восточном берегах этого полуострова»¹.

Таким образом, предполагалось, что японский десант, высадившись в Корею, затратит значительное время для выдвижения в Маньчжурию. Из этого следовало, что у русского командования будет время сосредоточить значительные силы на дальневосточном театре военных действий.

Временный морской штаб наместника разработал собственный план ведения войны на море. Согласно этому плану, силы Тихоокеанской эскадры делились на две неравные части. Главные силы должны были базироваться в Порт-Артуре, а отряд крейсеров – во Владивостоке. Первоначально базирование главных сил предусматривалось во Владивостоке. Но так как основные боевые действия предполагались в Маньчжурии и важнейшей задачей флота была борьба за обладание Желтым морем, то Е.И. Алексеев определил главной морской базой Порт-Артур. Здесь располагалась и его штаб-квартира. В плане были учтены опыт Тихоокеанской эскадры, существовавшие взгляды на формы и способы ведения морской войны, последние данные о вероятном противнике и возможных его замыслах.

Исходя из того, что русский флот на Дальнем Востоке не смог бы помешать высадке японской армии на восточном и южном побережье Кореи, морской штаб наместника поставил перед флотом следующие задачи: 1) используя Порт-Артур, вести борьбу за обладание Желтым морем; 2) не допустить высадку японских войск на западном побережье Кореи; 3) второстепенными действиями из Владивостока отвлекать часть японского флота от главного театра и нарушать коммуникации противника; 4) в случае высадки японских войск на западном побережье, русская эскадра должна атаковать японский флот, уничтожить его и после этого прервать связь между портами Японии и Кореи.

В то же время перед флотом ставилось условие «как можно дольше сохранить свои морские силы и никоим образом не проводить рискованные предприятия, хотя бы и смелые, каких, наверное, от флота будет ждать общественное мнение и даже часть личного состава»².

Следует отметить, что планы боевых действий российских сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке были явно несогласованны, притом, что оба плана разрабатывались в штабах, подчиненных одному начальнику – наместнику Е.И. Алексееву. Более того, в Главном морском штабе ничего не знали о плане, разработанном морским штабом наместника на Дальнем Востоке. Крепости Порт-Артур и Владивосток не получили достаточного количества новых

¹ Широкоград А.Б. Падение Порт-Артура. М., 2003. С. 196–197.

² Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.: борьба на море. М., 1990. С. 66.

образцов артиллерийских орудий и боеприпасов к ним. Не были достроены оборонительные укрепления. По плану, крепости должны были полностью готовы к военным действиям только к 1906 г. Военный министр А.Н. Куропаткин считал, что если бы Е.И. Алексеев не приостановил крепостные работы в Порт-Артуре во время восстания ихэтуаней, готовность в 1904 г. Порт-Артура к обороне была бы большей¹.

В конце 1903 г. Е.И. Алексеев, обращая внимание Морского министерства на недостаточную укомплектованность командными кадрами, просил о назначении на Тихоокеанскую эскадру 96 офицеров, но эта просьба не была удовлетворена².

Накануне войны была проведена значительная работа по сбору сведений о потенциальном противнике. Учреждение наместничества на Дальнем Востоке привело к тому, что русские военные атташе в Китае, Корее и Японии полковники Генерального штаба Ф.Е. Огородников (Чифу), К.Н. Десино (Шанхай), В.К. Самойлов (Токио), Л.Р. фон Раабен (Сеул), а также военно-морской агент капитан второго ранга А.И. Русин (Иокогама) переходили в подчинение наместника Е.И. Алексеева³. Активную разведку будущего Маньчжурского фронта осуществляли отчетные отделения штабов Приамурского военного округа, Квантунской области и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Последний хотя номинально и подчинялся Министерству финансов, но на практике занимался сбором разведывательной информации о вооруженных силах сопредельных азиатских государств, а в военное время переходил в оперативное подчинение командующему вооруженными силами России на Дальнем Востоке, т.е. наместнику. Наконец, согласно инструкции Е.И. Алексеева, утвержденной 12 (25) ноября 1903 г., начальникам оккупационной администрации – военным комиссарам трех северно-восточных областей Китая полковникам М.А. Соковнину (Гиринская провинция), М.Ф. Квещинскому (Мукденская провинция) и подполковнику А.И. Богданову (Хэйлунцзянская провинция) также вменялось в обязанности «ведение административной разведки» и использование тайной агентуры⁴.

Информация, поступающая от военных агентов и агентурных источников, содержала реальные доказательства неизбежности войны. В конце декабря 1903 г. вся поступившая разведывательная информация была обобщена Главным штабом в докладной записке Николаю II. Из нее со всей очевидностью следовало, что Япония полностью завершила подготовку к военным действиям и ожидает лишь удобного

¹ Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 120.

² Золотарев В.А., Козлов И.А. Указ. соч. С. 61.

³ Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 79.

⁴ Там же. С. 80.

случая для атаки¹. Однако высшее российское руководство подвергло сомнению эти сведения. В высших кругах царила иллюзия, что еще возможно договориться с Японией, что она не посмеет напасть на Россию, так как у нее недостаточно для этого резервов.

Е.И. Алексеев же полностью доверял информации приходившей из Японии, Кореи и Китая. Он хорошо понимал, что разрыв с Японией неизбежен. Об этом говорили и затянувшиеся русско-японские переговоры, где Е.И. Алексеев был одной из ключевых фигур. В своем докладе по поводу ведения переговоров с Японией наместник писал: «Японское правительство, требуя уступок, не только не обещает удовлетвориться ими, но, напротив, откровенно предупреждает, что поводы к недоразумениям будут продолжать существовать и что для их устранения необходимо сверх того включить в пределы соглашения все те области Дальнего Востока, где интересы обеих империй соприкасаются... Требования эти настолько притязательны, что, по моему глубокому убеждению, не может быть ни малейших колебаний в решении считать их неприемлемыми... Всякая дальнейшая уступка Японии приведет нас еще с большей вероятностью к разрыву»². Дальнейшие высказывания Е.И. Алексеева были ещё более откровенными: «Вооруженное столкновение с Японией... хотя и будет великим бедствием для России, должно быть признано неизбежным, можно отдалить его, но не устранить. Оно логически вытекает из несовместимости тех великих исторических задач, которые принадлежат России на берегах Тихого океана, с честолюбием Японии»³.

Е.И. Алексеев неоднократно обращал внимание высшего руководства страны на необходимость срочных мер. В депеше на Высочайшее имя от 23 декабря 1903 г. (5 января 1904 г.) наместник предлагал объявить мобилизацию в областях Дальнего Востока и Сибири, ввести военное положение в Маньчжурии, занять передовыми войсками нижнее течение р. Ялу, если Япония продолжит отправлять войска в Корею⁴. В ответ на это в телеграмме военного министра от 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) крепости Порт-Артур и Владивосток объявлялись на военном положении. Готовились к мобилизации все войска Дальнего Востока. Принимались меры для выдвижения военных отрядов к р. Ялу⁵. 20 января (2 февраля) 1904 г. в телеграмме военному министру наместник предлагал укомплектовать части Дальнего Востока до штатов военного времени; объявить мобилизацию войск Дальнего Востока; укомплектованные части направить в пункты сосредоточения; объявить КВЖД на военном положении; на

¹ Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 81.

² ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 180. Л. 82–83.

³ Там же. Л. 191–192.

⁴ РГВИА. Ф. 14326. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 11.

случай продолжения высадки японцев действовать решительно своими морскими силами; прекратить доступ иностранцев в Маньчжурию; принять меры к тайной разведке (командировать для этой цели офицеров Генерального штаба); вооружить русское население; усилить наблюдение за побережьем; ускорить установку беспроводного телеграфа в Порт-Артуре; усилить охрану крепости Порт-Артур¹.

Тем не менее, безотлагательных мер по усилению обороноспособности российского Дальнего Востока так и не последовало. В высших кругах опасались преждевременно спровоцировать Японию на начало боевых действий. Рассматривался также вариант, что если войну начнет Япония, то она в глазах мировой общественности будет выглядеть агрессором, что ударит по её международному престижу. Свою роль здесь сыграло также опасение Петербурга спровоцировать Великобританию выступить на стороне Японии, с которой у Лондона в январе 1902 г. был подписан оборонительный союз. В итоге нерешительность и в какой-то степени самоуспокоенность высших должностных лиц Петербурга привели к тому, что ни один из планов подготовки военной кампании, составленных военным министром, заместителем Е.И. Алексеевым и Главным морским штабом, не был осуществлен полностью. Да и сам Е.И. Алексеев, ратовавший за серьезные подготовительные мероприятия, получив 25 января (7 февраля) 1904 г. телеграмму о разрыве дипломатических отношений с Японией, никаких дополнительных мер в ответ не предпринял². Более того, содержание полученной телеграммы было известно только заместителю и нескольким лицам. Экипажи кораблей Порт-Артурской эскадры и гарнизон крепости находились в полном неведении. Не были отозваны в Порт-Артур из корейских и китайских портов станционные корабли, в числе которых находился и знаменитый крейсер «Варяг».

Изученные документы не дают ответа на вопрос: почему Е.И. Алексеев не предпринял серьезных мер для усиления боеготовности армии и флота?

Результатом такой «подготовки» стал известный доклад заместителя Николаю II: «Всепогоднейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи с 26 на 27 января японские миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоящую на внешнем рейде крепости Порт-Артур. Причем броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили пробоины...»³.

После этого последовал приказ заместителя от 27 января (9 февраля) 1904 г. № 40 о введении военного положения и мобилизации в наместничестве с 28 января (10 февраля). Началась война с Японией.

¹ РГВИА. Ф. 14326. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–16.

² Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. С. 19.

³ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 182. Л. 40.

Приказами наместника на Дальнем Востоке от 30 января (12 февраля) № 63 и от 2 (15) февраля 1904 г. № 86 Временный военный штаб был переформирован в полевой штаб наместника, причем чинам штаба, назначенным из состава войск и управлений Квантунской области, объявлялось дополнительное содержание в размере 25 % от жалования и столовых денег¹. Наместнику были предоставлены права главнокомандующего. Штаб его состоял из трех основных отделов: управления генерал-квартирмейстера, управления дежурного генерала, железнодорожного отдела. Приказом наместника от 7 (20) февраля 1904 г. № 119 из состава полевого штаба были выделены походные канцелярии по морской, дипломатической и гражданской части².

С началом боевых действий организация разведывательной службы штабами действующей армии должна была основываться на Положении о полевом управлении войск в военное время, принятом ещё в 1890 г. Первоначально её координацию на Дальнем Востоке осуществлял полевой штаб наместника, начальником которого был назначен генерал-майор Я.Г. Жилинский, а генерал-квартирмейстером генерал-майор В.Е. Флуг. Однако после вступления в должность командующего Маньчжурской армией бывшего Приамурского генерал-губернатора Н.П. Линевича 8 (21) февраля 1904 г. и особенно вслед за прибытием 15 (28) марта на театр сражений А.Н. Куропаткина центр русской военной разведки переместился из Порт-Артура в Ляоян, где был развернут полевой штаб действующей армии³.

Сведения о численности японских войск получали и из различных источников. Например, телеграмма министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа наместнику от 20 мая 1904 г. имела следующее содержание: «Только что вернувшийся из кратковременной поездки за границу корейский посланник передал мне на основании сведений, добытых им от одного знакомого, имеющего возможность получать известия с Дальнего Востока, что общая численность войск, коими Япония располагает как в Корее, так и на Ляотонге, составляет 300 000 человек; при этом Токийское правительство прибегало даже к вербовке юношей несоответствующего возраста. За достоверность этих данных Чим-Пом-И ручается и просит передать их генерал-адъютанту Куропаткину»⁴.

На основании приказа от 29 февраля (13 марта) 1904 г. № 22 на территории наместничества была введена военная цензура – правила для опубликования в печати различных известий военного характе-

¹ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 18. Л. 4.

² РГВИА. Ф. 14326. Оп. 1. Л. 1.

³ Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 82.

⁴ ГА РФ. Ф.568. Оп.1. Д.143. Л.49.

ра¹. В июне 1904 г. для нейтрализации пропагандистской кампании противника офицеры разведывательного отделения штаба Алексеева поставили вопрос об издании газеты на английском языке, субсидируемой русским правительством. Её куратором был назначен первый военный агент в Китае полковник Ф.Е. Огородников. 10 сентября того же года газета начала выходить в Тяньцзине под названием «China Review». Другим печатным органом, обеспечивавшим распространение влияния России среди местного населения, стала газета «Шенцзинбао», которая издавалась военными комиссарами Мукденской и Гиринской провинций осенью 1904 г.²

9 (22) февраля 1904 г. главная квартира наместника перешла на станцию Мукден³. В дальнейшем, в связи с ухудшением положения на сухопутном фронте, 22 апреля (5 мая) 1904 г. наместник, оставив временно командующим флотом контр-адмирала В.К. Витгефта, покинул крепость Порт-Артур⁴. Нельзя расценивать это как проявление наместником трусости. Е.И. Алексеев как главнокомандующий не мог терять связи с основными силами русской армии.

Впоследствии ставка наместника переместилась в Харбин. 25 августа (7 сентября) 1904 г. в Харбин вместе с наместником прибыли: начальник полевого штаба генерал-лейтенант Жилинский, генерал-квартирмейстер полевого штаба генерал-майор Генерального штаба Флуг, помощник заведующего железнодорожного отдела полевого штаба полковник Миллер, штаб-офицер для поручений при начальнике полевого штаба полковник Генерального штаба Беляев, штаб-офицеры для делопроизводства и поручений Управления генерал-квартирмейстера полевого штаба полковники Генерального штаба Румянцев и Болховитинов, личные адъютанты наместника есаул Крутский и поручик Игнатъев, личный адъютант начальника полевого штаба корнет Звегинцев, помощник старшего адъютанта штабс-капитан Коншин, исполняющий делами начальника морского походного штаба капитан I ранга Эбергард, старшие адъютанты того же штаба капитаны II ранга Ульянов и Поликарпов, старший делопроизводитель морского походного штаба коллежский секретарь Нинева, чиновник особых поручений при наместнике коллежский советник барон Стюарт, фельдъегерского корпуса капитан Самохвалов и штабс-капитан Петров, начальник походной канцелярии по гражданской части статский советник Щербина, начальник походной канцелярии по

¹ РГВИА. Ф.14326. Оп.1. Д.6. Л.15.

² Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 83.

³ РГВИА. Ф.14326. Оп.1. Д.6. Л.5.

⁴ Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. С.30.

дипломатической части коллежский советник Плансон и секретарь той же канцелярии титулярный советник Вульф¹.

Несмотря на то, что шли боевые действия, наместник по-прежнему решал вопросы дипломатического характера, в основном связанные с Китаем. Так, серьезного внимания заслуживали вопросы о нейтралитете Китая, послевоенной судьбе Маньчжурии, а также вопросы, связанные с проникновением иностранных подданных в Маньчжурию (консулов, военных наблюдателей и корреспондентов, представителей Красного Креста).

С началом войны внешнеполитические ведомства ряда государств обратились в Министерство иностранных дел России с просьбой разрешить присутствовать на дальневосточном театре боевых действий военным наблюдателям. Такая практика была довольно распространенным явлением. Министр иностранных дел передал эти просьбы Е.И. Алексееву как главнокомандующему. Е.И. Алексеев согласился разрешить командирование иностранных морских и военных офицеров на Дальний Восток, но выразил желание, чтобы численность военных наблюдателей была как можно меньшей и их прибытие в распоряжение войск состоялось не ранее конца марта 1904 г.² В дальнейшем предлагалось отклонять ходатайства об увеличении числа иностранных военных наблюдателей. Особое отношение было к представителям Великобритании, давней «союзнице» России. Военное и морское ведомства этого государства имели возможность командировать не более трех офицеров³.

Е.И. Алексеев был против деятельности иностранных обществ Красного Креста на территории наместничества, считая, что аналогичные русские общества и службы вполне справляются. Свое мнение он изложил в секретной телеграмме к министру иностранных дел 13 марта 1904 г.⁴

Еще большую серьезность имел вопрос о нахождении иностранных корреспондентов в зоне боевых действий. Опасаясь всяческих злоупотреблений, Е.И. Алексеев предложил данных корреспондентов объявлять шпионами, действующих в интересах Японии. Однако В.Н. Ламздорф видел менее радикальный вариант решения проблемы. Министерство иностранных дел распространило среди иностранных правительств извещение, суть которых сводилась к следующему: «Если близ Квантунских берегов или в районе действия русских морских сил будут задержаны нейтральные пароходы с корреспондентами, то, смотря по обстоятельствам, с теми и другими будет поступлено по всей строгости общепризнанных «законов и обычаев

¹ РГВИА. Ф.14326. Оп.1. Д.8. Л.2.

² ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 193. Л. 5.

³ Там же. Л. 9.

⁴ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 13. Л. 91.

войны» – то есть корреспонденты будут считаться военнопленными, а пароходы – задерживаться»¹.

В мае 1904 г. возник вопрос, касавшийся недопущения консула Гроссе в оставленный русскими войсками город Инкоу. Министр иностранных дел не счел возможным решить этот вопрос и передал его на усмотрение наместника. Е.И. Алексеев был категорически против присутствия вышеупомянутого консула в Инкоу, считая нахождение иностранного консула на территории, где ведутся боевые действия, неуместным².

В августе 1904 г. Е.И. Алексеева заинтересовал факт использования иностранными торговыми агентами во Владивостоке консульских прав (подъем флага, салют, печать, шифр). Он считал, что этих агентов необходимо выдворить, так как во время войны торговля была прекращена и их пребывание здесь бесполезно и даже вредно³. Наместник высказывал свою точку зрения по этому вопросу министру иностранных дел: «Считаю пребывание во Владивостоке иностранных коммерческих агентов нежелательным и даже вредным с точки зрения наших военных интересов»⁴. Решение этого вопроса вылилось в длительную переписку между наместником, Приамурским генерал-губернатором, военным губернатором Приморской области, начальником крепости Владивосток, чиновником по дипломатической части и Министерством иностранных дел. В итоге только в октябре 1906 г. из Министерства иностранных дел Приамурскому генерал-губернатору пришло указание решить этот вопрос мирно, т.е. закрыть глаза на незаконное использование консульских прав торговыми агентами.

С началом военных действий между Россией и Японией вновь актуализировался вопрос о статусе Маньчжурии. Наместник считал, что нежелательно прибегать к суровым мерам без крайней необходимости. В своем воззвании он приглашал китайские власти и население отнестись к русским войскам с доверием и доброжелательностью, за что им будет оказано покровительство, и предупреждал, что в противном случае будут приняты меры для ограждения русских интересов в соответствии с военной обстановкой. В отношении военной оккупации Е.И. Алексеев высказался в том смысле, что возможно установление русского гражданского управления в крае, но только в качестве крайней меры. Причем русскими должностными лицами должны были заменены только высшие чины китайской администрации «как наиболее оказавшие сопротивление»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 193. Л. 22.

² Там же. Л. 7,45.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 74. Л. 1.

⁴ АВПРИ. Ф. 326. Оп. 928. Д. 15. Л. 105.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 25.

Серьезной проблемой для тыла русской армии были банды хунхузов. Они, пользуясь поддержкой китайской администрации и местного населения, производили диверсии и совершали преступления. Русские воинские части всячески пытались бороться с ними. В результате часто страдало местное китайское население. Китайское правительство через своего посланника выдвинуло протест Петербургу за эти действия. Е.И. Алексеев был извещен министром иностранных дел об этом. Мнение наместника об ужесточении борьбы с хунхузами осталось неизменным. «Объяснения китайского посланника составляют обычную уловку, рассчитанную на малое знакомство в Европе со здешними условиями. Трудности борьбы с хунхузами заключаются именно в том, что они скрываются в деревнях соседних с местом совершения преступлений среди мирных жителей, от которых наружно ничем не отличаются и которые не выдают их нашим властям, боясь возмездия. Только твердая уверенность жителей, что за укрывательство разбойников они понесут заслуженное наказание, притом не меньшее, чем то, которое ожидает со стороны хунхузов, может заставить жителей отказать в укрывательстве. Возложение ответственности на жителей ближайших к железной дороге уже давно составляет необходимую меру, что вполне известно китайской местной администрации, со стороны коей не поступало возражений. К этому должен присовокупить, что в действительности, по нашему снисхождению, вышеозначенная мера применялась лишь в крайне редких случаях»¹.

Наместник также был против назначения и перемещения чиновников высшей китайской администрации в Маньчжурии без предварительного соглашения с ним и русским посланником в Пекине².

Несмотря на ряд поражений русской армии, управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока А.М. Абаза в сентябре 1904 г. стал рассматривать вопрос о получении контрибуции по завершении войны с Японией. А.М. Абаза не сомневался в победе русского оружия. Опираясь на такое оптимистическое представление, он предполагал, что военную контрибуцию нельзя будет взять с разоренной Японии и малоценной, по его мнению, Кореи. Лучшим вариантом могло быть присоединение к России Маньчжурии.

В октябре 1904 г. на это предложение Е.И. Алексеев дал довольно обстоятельный ответ. По поводу того, за чей счет будет уплачена контрибуция, было высказано, что «с точки зрения чисто экономической трудно определить, которая из названных стран окажется после войны наиболее надежным источником для уплаты контрибуции». Е.И. Алексеев считал, что вопрос о получении контрибуции не зависит «от наших отношений к Китаю и от решения маньчжурского

¹ ГА РФ. Ф.568. Оп.1. Д.143. Л.51.

² Там же. Л.75.

вопроса». В то же время он утверждал, что неопределенное положение в Маньчжурии для России вредно и что оно может еще ухудшиться в случае продления Китаем нейтралитета, так как Россия из чувства благодарности не сможет пойти на присоединение Маньчжурии: «Разделяю мнение о её необходимости. Со времен китайской кампании 1900 г. я считал её рано или поздно неизбежной, как естественное последствие всей совокупности происходящих здесь за последние годы событий. Но я всегда сознавал трудности найти законный повод к присоединению и наилучший способ приведения этой меры в исполнение»¹.

Далее он продолжал: «Вопрос о присоединении Маньчжурии и управлении ею представляется столь важным государственным вопросом, что решение его требует самого серьёзного всестороннего обсуждения при участии лиц, облеченных монаршим доверием, обладающих надлежащим опытом и хорошо осведомленных с общим положением дел на азиатском Востоке... Маньчжурский вопрос приобретает ещё более глубокое значение и обязывает к особенной осмотрительности в коренном его решении, так как представит в истории России едва ли не первый пример присоединения края с густым населением, весьма трудолюбивым, тесно сплоченным и органически связанным, с жизнью многомиллионного китайского народа и его бытовым и государственным строем»².

В отношениях между наместником Е.И. Алексеевым (который после гибели адмирала С.О. Макарова и до начала мая 1904 г. одновременно являлся главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока и командующим Тихоокеанским флотом) и командующим Маньчжурской армией А.Н. Куропаткиным постоянно проявлялась открытая неприязнь. По этому поводу С.Ю. Витте в письме С.Д. Шереметеву писал: «Наши неудачи на суше происходят от двоевластия: человека, в военном деле ничего не понимающего, и боевого генерала, понимающего это ремесло, но гражданское мужество коего не находится на одинаковой высоте с мужеством военным. Думаю, что если бы, например, генерал-адмирал Алексеев был назначен финляндским генерал-губернатором, то, пожалуй, это было бы равносильно посылке новых двух корпусов на театр военных действий»³.

Наместник Е.И. Алексеев был инициатором активных наступательных действий против японской армии, а бывший военный министр А.Н. Куропаткин был сторонником оборонительной тактики. Если наместник требовал дать решительное сражение армии Оку, то А.Н. Куропаткин, ссылаясь на недостаток войск, продолжал настаивать

¹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

² Там же. Л. 4.

³ «Для избежания жертв должно не воевать»: письма С.Ю. Витте С.Д. Шереметеву // Источник. 1995. № 2. С.18.

вать на плане сосредоточения в Маньчжурии 300-тысячной армии. Без этого переход в наступление ему казался невозможным. Только вмешательство Петербурга, обеспокоенного судьбой Порт-Артура, заставило А.Н. Куропаткина послать на юг против армии Оку 1-й Сибирский корпус под командованием генерала А.Ф. Штакельберга. Так как этого корпуса было недостаточно, а основные силы находились в резерве, эта попытка наступления завершилась неудачей¹. Кроме того, А.Н. Куропаткин предлагал ввести в Маньчжурии военное положение, наместник Е.И. Алексеев был против этой меры, которую считал пока излишней. В итоге Петербург поддержал в этом противостоянии А.Н. Куропаткина.

Ввиду данных обстоятельств Е.И. Алексеев неоднократно обращался к императору с просьбой об отставке. 11 (24) октября 1904 г. Е.И. Алексеев был уволен по своему личному прошению с должности главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке, но продолжал сохранять за собой пост наместника. В ноябре 1904 г. Е.И. Алексеев был отозван в Петербург, откуда он и осуществлял управление Дальневосточным наместничеством. После отъезда Е.И. Алексеева главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке стал А.Н. Куропаткин². 30 ноября (13 декабря) 1904 г. приказом № 737 по военному ведомству полевой штаб наместника был расформирован.

После Цусимской катастрофы исчезли последние надежды на победу России в войне. 24 мая (6 июня) 1905 г. под председательством Николая II состоялось совещание для обсуждения дальнейших перспектив. Наместник Е.И. Алексеев был настроен пессимистически. Он не верил в возможность удержать Сыпингайские позиции и полагал, что отсутствие флота делает сомнительной защиту Владивостока и устья Амура. Это мнение поддержал Николай II. «До сих пор, – сказал он, – японцы воевали не нашей территории. Ни один японец не ступал ещё на русскую землю, и ни одна пядь русской земли врагу ещё не уступлена... Но завтра это может перемениться, т.к. при отсутствии флота Сахалин, Камчатка и Владивосток могут быть взяты и тогда приступать к переговорам о мире будет гораздо сложнее и тяжелее»³.

31 мая 1905 г. Николай II поручил главноуправляющему Первым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии А.С. Танееву переговорить с Е.И. Алексеевым о способе прекращения действий канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. А.С. Танеев предложил вместе с канцелярией упразднить и сам комитет. Одновременно был поднят вопрос и о дальнейшем существовании

¹ Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. С. 28.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 57.

Дальневосточного наместничества. 4 (17) июня 1905 г. Е.И. Алексеев предложил императору до конца войны приостановить действие власти наместника. Николай II посчитал более уместным удовлетворить давнюю просьбу Е.И. Алексеева об отставке¹. 8 (21) июня 1905 г. в связи с явным поражением в войне Николай II своим указом упразднил наместничество и Особый комитет по делам Дальнего Востока. Е.И. Алексеев был назначен членом Государственного совета и Адмиралтейств-совета, что можно расценивать как довольно почетную отставку.

Последним же приказом Е.И. Алексеева в качестве наместника, был приказ от 27 июня (10 июля) 1905 г. № 43 о расформировании его аппарата управления.

«Именным Высочайшим указом Государственному Совету от 8 сего июня мне Всемилостивейше повелено быть членом Государственного Совета, с увольнением меня от занимаемой должности и с оставлением в звании генерал-адъютанта.

По Всеподданнейшему докладу Главноуправляющего Собственной ЕИВ канцелярией Государь Николай II в 21 день июня сего года Высочайше повелел соизволить: 1) Впредь до замещения должности Наместника на Дальнем Востоке предоставить подлежащим министерствам и главным управлениям по всем делам гражданского управления в Наместничестве руководствоваться порядком, установленным Высочайшим Его Величества повелением 10 сентября 1903 г. (Собр. Узаконений 1903 г. Ст. 1249) в отношении направления и решения текущих дел в областях Дальнего Востока. 2) Упразднить состоящие при Наместнике походные канцелярии по гражданской и дипломатической частям, оставив лиц, занимающих упраздненные должности, если они не получают новых назначений за штатом, с производством им заштатного жалованья по занимаемым должностям и с отнесением вызываемого сим расхода на смету Главного штаба. 3) Передать производящиеся в канцеляриях дела по принадлежности в министерства, главные управления и Канцелярию Приамурского генерал-губернатора.

Объявляя о сём, предлагаю: 1) Состоящим при мне канцеляриям приступить к немедленному исполнению п. 3 означенного Высочайшего повеления согласно данным мною указаниям, и 2) местным властям гражданского ведомства в областях Наместничества в отношении порядка направления и решения дел руководствоваться существующими узаконениями, направляя дел, подлежащие представлению Наместнику, в соответствующие министерства и главные управления»².

¹ Ремнев А.В. Особый комитет по делам Дальнего Востока. С. 59.

² РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.416. Л.168.

Е.И. Алексеев не ушел от активной политической деятельности. Кандидатура Е.И. Алексеева рассматривалась на вновь вводимый пост морского министра, однако глава правительства С.Ю. Витте не пожелал видеть его в составе своего кабинета. По запросу Министерства иностранных дел Е.И. Алексеев предоставил свои соображения применительно к условиям будущего мирного договора с Японией, использовавшиеся для составления инструкций русским уполномоченным на переговорах.

21 апреля 1917 г. Е.И. Алексеев был уволен в отставку. Дальнейшая судьба бывшего наместника Дальнего Востока малоизвестна. По некоторым сведениям, он был расстрелян большевиками в 1918 г. Возможно, последующие изыскания позволят пролить свет на последние годы жизни этого человека. За свою долгую службу Е.И. Алексеев был награжден значительной частью имевшихся тогда орденов Российской империи – орденами Св. Станислава III – I ст., Св. Владимира IV – I ст., Св. Анны II – I ст., Св. Георгия III ст., бриллиантовым знаком ордена Александра Невского, орденом Белого Орла.

С упразднением Дальневосточного наместничества не исчез сам институт управления на особых основаниях. Так, в связи с начавшейся революцией и особенностями региона в феврале 1905 г. было вновь учреждено Кавказское наместничество, главой которого был назначен князь И.И. Воронцов-Дашков. В 1908 г. рассматривался вопрос об укрупнении административного управления Сибирью и о создании Сибирского наместничества. Однако далее обсуждения проектов дело не дошло.

Изменение внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке в связи с русско-японской войной самым трагическим образом отразились на состоянии русского Дальнего Востока и на судьбе наместничества как административной структуры. Е.И. Алексеев не смог проявить себя ни как талантливый флотоводец, ни как талантливый полководец. Флот оказался заперт в Порт-Артуре, войска отступали, терпя поражение за поражением. Общественное мнение не заставило себя долго ждать и объявило виновником во всех бедах именно наместника Дальнего Востока Е.И. Алексеева. Однако император Николай II высоко оценил деятельность наместника, удостоив его почетной награды – ордена Св. Георгия, девиз которого «За службу и храбрость».

Поражение России в войне с Японией значительно изменило как внешнюю, так и внутреннюю политику императорского правительства. Амбициозные планы создания так называемой «Желтороссии», которая должна была стать опорой для закрепления в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не смогли осуществиться. Российское правительство вынуждено было после 1905 г. изменить стиль своей внешней политики на Дальнем Востоке и теперь уже считаться с Японией

и Китаем. Дальневосточное наместничество, учрежденное в основном в угоду активной внешней политике в этом регионе, предпосылки которой по большому счету заключались в экономических интересах узкого круга лиц, превратилось в свете новой геополитической обстановки в бесполезный инструмент.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учреждение Особого наместничества Его Императорского Величества на Дальнем Востоке было обусловлено комплексом причин. Одной из важнейших, на наш взгляд, являлась необходимость реализации ряда внешнеполитических задач. Учреждение Дальневосточного наместничества необходимо связать со сложившейся в конце XIX – начале XX в. международной обстановкой.

В российских правительственных кругах в тот период шла борьба двух точек зрения на стратегию внешней политики Российской империи. Первая точка зрения заключалась в сохранении приоритета европейского направления, где довольно успешно развивались отношения с Францией, оставалась неопределенность позиции в отношении Германии и явно негативное отношение к Великобритании. В этих условиях главная цель дальневосточной политики виделась не в экономической и территориальной экспансии, а в необходимости поддержания прежде всего политической стабильности на Дальнем Востоке. Вопрос о Маньчжурии не был решен, т.к. в Петербурге опасались негативной реакции именно европейских держав, а не Китая и Японии. Учреждение наместничества могло рассматриваться в связи с этим как попытка закрепления достигнутого, но не более. В возможном конфликте с Японией в Петербурге не видели большой опасности, так как, с одной стороны, её военный потенциал явно недооценивался, с другой – дальневосточные интересы России были не столь приоритетны, как европейские.

Другая точка зрения рассматривала необходимость активизации дальневосточного направления российской внешней политики как наиболее соответствовавшего сложившейся международной ситуации. В соответствии с этим мнением России нужна была геополитическая программа, цель которой – укрепиться в Маньчжурии, Монголии, Корее, получить незамерзающие торговые порты и военно-морские базы и в конечном итоге трансформироваться в действительно колониальную державу. Однако, в отличие от таких государств, как Великобритания, Франция, Германия и других, Россия вследствие своего геополитического положения могла приобрести колонии путем непосредственного присоединения к основной территории. Сильная административная власть в лице наместника способствовала бы скорейшей интеграции Маньчжурии в российский Дальний Восток.

Конфликт представителей двух точек зрения на ведение внешней политики в значительной мере осложнил ход административных изменений, частью которых было учреждение Дальневосточного наместничества. Политика Петербурга в отношении дальневосточных соседей была непоследовательной и часто не отвечала сложившимся реалиям.

Следующая причина учреждения Дальневосточного наместничества заключалась в необходимости реформирования системы управления окраинными территориями, перехода к децентрализации власти. Вопрос о децентрализации власти был довольно актуальным в тот период, о чем свидетельствуют обсуждения этой проблемы в правительстве и в печати. Во вновь образованной административной структуре наместник получил значительные полномочия, большая часть которых была ему передана из центральных ведомств. Однако поспешность учреждения наместничества, отсутствие нормативно-правовой базы, бойкот со стороны ряда министерств и департаментов привели к невозможности реального осуществления децентрализации применительно к Дальневосточному наместничеству.

Третья причина состояла в необходимости административной поддержки экономической деятельности российских предпринимателей в Китае и Корее, их продвижения на азиатский рынок. Слабость российских предприятий, невозможность конкурировать с иностранными компаниями вынуждали правительство идти на внеэкономические меры (создание различных экономических обществ под эгидой правительства, закрытие Маньчжурии для иностранцев и др.). Наместник должен был контролировать экономическую жизнь в регионе административными мерами. Но напряженная международная обстановка, усугубленная вооруженным столкновением с Японией, не способствовала решению экономических проблем. Кроме того, предложенные проекты хозяйственного развития областей Дальневосточного наместничества были встречены руководством ведомств, прежде всего министром финансов, очень критично. Это недоверие объяснялось тем, что проекты разрабатывались группой А.М. Безобразова. Представленная ею экономическая программа во многом была ориентирована на освоение просторов Маньчжурии, а не на развитие собственно российских дальневосточных территорий. Кроме того, в проектах учреждения экономических обществ явно прослеживался личный меркантильный интерес лиц, близких к А.М. Безобразову и А.М. Абазе. В результате никаких программ и проектов не было принято, и наместник решал в основном отдельные экономические вопросы.

Наместник Дальнего Востока, обладая полнотой гражданской административной власти, одновременно являлся и главнокомандующим вооруженными силами, расквартированными на Дальнем Востоке. Осложнение взаимоотношений между Россией и Японией привело к необходимости мобилизации всех ресурсов для ускоренной подготовки к возможной войне. Концентрация административной и военной власти в руках наместника должна была, по мнению правящих кругов, способствовать выполнению этой задачи. Однако непоследовательность во внешней политике, опасение спровоцировать Японию

на начало военных действий, ведомственное противостояние не позволили наместнику и его управленческому аппарату выполнить поставленную задачу в полном объеме.

Учреждение Дальневосточного наместничества связывается также со стремлением оптимизировать бюджетную политику, уменьшив государственные расходы на управление регионом (расходы на азиатские владения в два раза превышали доходы). Незначительный по численности аппарат управления, подчинение экономической деятельности на Дальнем Востоке единому руководству должно было способствовать снижению государственных затрат.

Несмотря на важность дальневосточного направления политики российского правительства, план административных преобразований дальневосточных окраин не был достаточно проработан. Учреждение Дальневосточного наместничества не было подкреплено нормативной базой. Его деятельность началась без утвержденного Положения об управлении областями Дальнего Востока. Проект Положения разрабатывался первоначально в Порт-Артурской комиссии, затем обсуждался в Комитете Дальнего Востока и образованных межведомственных комиссиях, а также в министерствах и ведомствах. Межведомственные противоречия, начавшаяся русско-японская война помешали выработке окончательного варианта Положения. Дальневосточное наместничество так и просуществовало без основного нормативного документа. Наместник и его аппарат были вынуждены в своей деятельности руководствоваться нормами, разработанными для Кавказского наместничества, что не могло не сказаться на эффективности выполнения широкого круга задач. Это стало причиной того, что структура управления носила временный характер. Обстановка войны с Японией не способствовала формированию гражданского административного аппарата. Наименование многих структур носило названия «временная» и «походная». В результате аппарат управления был значительно урезанным и не всегда мог оперативно выполнять свои функции.

Тем не менее, несмотря на отсутствие нормативно-правовой базы, военную обстановку, межведомственные противоречия, непоследовательность внешней политики, наместнику и его аппарату удалось претворить в жизнь ряд проектов, способствовавших развитию Дальневосточного региона. Были разработаны проекты о выделении из состава Приморской области территории Камчатки и об образовании Камчатской области, об отмене каторги на Сахалине, учреждении учебного округа в наместничестве и др.

По нашему мнению, именно наместническое управление могло бы стать наиболее целесообразной формой административной власти для условий Дальнего Востока начала XX в. Сильная региональная власть в лице наместника наиболее соответствовала тем важным

внешнеполитическим и внутривнутриполитическим задачам, которые намеревалась реализовать Россия.

Краткий период существования Дальневосточного наместничества не позволил завершить работу по созданию закона об управлении Дальним Востоком как особой частью Российской империи. Не удалось сформировать автономную и полноценную систему органов управления наместничеством, выработать эффективные принципы административной практики, которые учитывали бы местную специфику. Руководство страны слишком увлеклось перспективой укрепления позиций России в Маньчжурии, Корее, Монголии. Seriously недооценивалась международная обстановка, сложившаяся на тот период в регионе. Возможно, если бы наместничество было ориентировано на нужды российского Дальнего Востока, а не на реализацию имперских амбиций, то картина была бы иной. Непоследовательность политики самого Николая II и противодействие центральных министерств и ведомств, не желавших делиться своими полномочиями, привели к тому, что Дальневосточное наместничество стало лишней, никому не нужной, надуманной управленческой структурой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Опубликованные документальные материалы

Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. 576 с.

Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Духовского 1896–1897 гг. СПб., 1898. 74 с.

Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Гродекова 1898–1900 гг. Хабаровск, 1901. 81 с.

Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Гродекова 1901–1902 гг. Хабаровск, 1902.

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об устройстве управления Приамурского генерал-губернаторства» от 17 мая 1888 г. // ПСЗРИ – III. Т. VIII. 1888. № 5213. СПб., 1890.

Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд-во ин-та востоковедения, 1927.

Дальний Восток России: из истории системы управления: документы и материалы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 1999. 233 с.

Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг., хранящиеся в Канцелярии Особого комитета Дальнего Востока (Малиновая книга). СПб., 1905.

Международные отношения и внешняя политика СССР (1871–1957 гг.): сб. документов. М., 1957. 430 с.

Россия. Военное министерство. Отчет военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г. Ч.1. СПб., 1903.

Савич Г.Г. Законы об управлении областей Дальнего Востока. СПб., 1904.

Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905 гг. СПб., 1906.

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952.

Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел в губерниях, градоначальствах, а также высших чинов местничества на Дальнем Востоке и областей, находящихся в ведении военного министерства, 1904 года (исправленный по 15 апреля). СПб.: Типография МВД, 1904. Ч. 2. 907 с.

Таможня на Тихом океане: документы и материалы. Вып. 4. Владивостокская таможня / авт.-сост. Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2007. 208 с.

2. Архивные материалы

АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол.

АВПРИ. Ф. 326. Архив Дипломатической канцелярии при наместнике на Дальнем Востоке (1899–1905 гг.).

АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе.

ГА РФ. Ф. 543. Коллекция рукописей Царскосельского дворца.

ГА РФ. Ф. 568. Ламздорф В.Н.

ГА РФ. Ф. 586. Плеве В.К. (1862–1918 гг.).

ГА РФ. Ф. 601. Письма к Е.И. Алексееву.

ГА РФ. Ф. 652. Телеграммы Е.И. Алексеева.

ГА РФ. Ф. 818. Плансон Г.А. (1881–1915 гг.).

РГВИА. Ф. 14326. Полевой штаб наместника на Дальнем Востоке (1903–1905 гг.).

РГИА ДВ. Ф. 702. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора (1884–1917 гг.).

3. Периодическая печать

Дальний Восток. Владивосток, 1904.

Никольск-Уссурийский листок. Никольск-Уссурийский, 1903–1905 гг.

Новый край. Порт-Артур, 1903.

Правительственный вестник. СПб., 1903–1905 гг.

Приамурские ведомости. Хабаровск, 1903–1905 гг.

4. Научная литература, мемуары и сборники

Авдеев В.А. «Секреты» русско-японской войны // Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С. 88–89.

Айрапетов О.Р. Русская армия на сопках Манчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82.

Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX – 1917 г.). М., 1989. 224 с.

Амур – река подвигов. Хабаровск, 1971. 927 с.

Арутюнян В.Г. М.М. Сперанский о генерал-губернаторах в 1821 г. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2006. № 6. С. 19–40.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) //

Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С.289–374.

Анерт Э.Э. Путешествие по Манчжурии. СПб., 1904.

Апушкин В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1910.

Байков Н.М. Кадровый ресурс региональной власти: специфика и уроки исторического опыта // Третьи Гродековские чтения: Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: мат. регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2001. Ч.1. С.34–38.

Балакин В.И. Причины и последствия русско-японской войны 1904–1905 гг. // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 57–65.

Белозерова О.А. Военный министр генерал Алексей Николаевич Куропаткин о наместничестве на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны (1903 год) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 73–93.

Безверхий П. Манчжурия. Харбин, 1915.

Беляева Н.А. От порто-франко к таможене: Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003. 214 с.

Беляева Н.А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2012. 164 с.

Березовский А.А. Таможенное обложение и порто-франко в Приамурском крае. Владивосток, 1907.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М.: Наука, 1986. 240 с.

Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. М., 2003. 672 с.

В штабе адмирала Е.И. Алексеева (из дневника Е.А. Плансона) // Красный архив. 1930. № 4–5.

Васильев В.П. Открытие Китая // Вестник всемирной истории. СПб., 1900.

Васильев А. Русско-японская война 1904–1905 гг. // Военный вестник. 1992. № 10. С. 77–80.

Верещагин А. По Манчжурии. Воспоминания и рассказы. СПб., 1903.

Виноградский А. История русско-японской войны 1904–1905 гг. СПб., 1909.

Витте С.Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. СПб., 1909.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1963.

Вопросы истории советского Дальнего Востока. Кн.1. Владивосток, 1963. 160 с.

Врадий Б.П. Уссурийский край. СПб., 1905.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т.1. Высшие государственные учреждения / отв. ред. Н.П. Ерошкин. СПб.: Наука, 1998. 302 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. Т.2. Центральные государственные учреждения / отв. ред. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. 260 с.

Гаджиев К.С. Геополитика. М.: Междунар. отношения, 1997. 250 с.

Галлямова Л.И. Приамурские генерал-губернаторы о проблеме частной собственности // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае: история, современность, тенденции развития. Владивосток, 2000. Ч.2. С.66–71.

Галлямова Л.И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 209–218.

Гамерман Е.В. Полиция Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ДВО РАН. 2005. № 5. С. 164–168.

Гарин Н. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб., 1904.

Гладкий С.А. Е.И. Алексеев – флотоводец и дипломат // Кортик. Флот. История. Люди. СПб., 2004. Вып.2. С. 50–64.

Глинский Б.Б. Пролог русско-японской войны. СПб., 1916.

Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.

Гордеев В.В. Николай Николаевич Муравьев и колонизация восточных окраин // Губернское управление в России: история, современность, будущее: мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию вступления в должность генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского. Владивосток, 1997.

Грибовский В.Ю. Личный состав флота в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Синдром Цусимы. СПб., 1997. С. 57–58.

Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской империей. Одесса, 1912. 258 с.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. 810 с.

Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: мат. междунар. науч. конф. Владивосток, 1997. 316 с.

Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона. Первые крушановские чтения, 1998 г. Владивосток: Дальнаука, 2001. 352 с.

Дамешек И.Л. Окраинная политика в системе внутренних мероприятий самодержавия // Вестник Международ. центра азиатских исследований. М. – Иркутск, 2001. Вып. 5. С.119–127.

Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX – начало XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 164 с.

Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Ч. I. Маньчжурия 1900 г. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб.: Цитадель, 1996. 144 с.

Дацышен В.Г. Участие российского флота в войне с Китаем // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Владивосток, 1996. Вып. 2. С. 36–38.

Дацышен В.Г. Россия и война держав против Китая в 1900 г. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. М. – Иркутск, 1997. Кн. 2. С. 76–82.

Дацышен В.Г. Русско-китайская война 1900 г. Ч. II. Поход на Пекин. СПб.: Цитадель, 1999. 158 с.

Дацышен В.Г. Русский Гуаньдун: история одной колонии // Вестник Центра по изучению международ. отношений в Тихоокеан. регионе. 2001. № 2. С. 75–89.

Демчинский Б. Россия и Маньчжурия. СПб., 1908.

Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913.

Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи: исторический обзор / С.А. Невский, Б.Ю. Дерешко. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 143 с.

«Для избежания жертв должно не воевать»: письма С.Ю. Витте С.Д. Шереметеву // Источник. 1995. № 2. С. 16–20.

Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Мысль, 1982. 511 с.

Домбровский А., Ворошилов В. Маньчжурия. СПб., 1904.

Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Проблема централизма и регионализма на российском Дальнем Востоке (1884–1922 гг.) // Третьи Гродековские чтения: Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: мат. регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2001. Ч.1. С.24–33.

Дусинский И.И. Геополитика России. М.: Москва, 2003. 320 с.

Дятлов В.В. От наместничества до регионального командования. Централизация военного управления на Дальнем Востоке России // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 9–13.

Егорьев В.Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.–Л., 1939. 274 с.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960. 395 с.

Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОСПЭН, 2004. 352 с.

Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Борьба на море. М.: Наука, 1990. 254 с.

Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России: курс лекций. СПб., 2004. 199 с.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. 336 с.

Иконникова Т.Я. С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при Приамурском генерал-губернаторе // Третьи Гродековские чтения: Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории: мат. регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2001. Ч.1. С.38–41.

Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. Хабаровск, 2001. 119 с.

Инаба Ч. Из истории разведки в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 222–227.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Черкесова. Т. 1. СПб., 2001. 456 с.

Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII вв. Ч. II. Владивосток, 1993. 187 с.

Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения: мат. Вторых Гродековских чтений. Хабаровск: Частная коллекция, 1999. 351 с.

История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1–3 / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука, 2004.

История Маньчжурии XVII – XX вв.: библиографический указатель. Кн. 1. Труды по истории Маньчжурии на русском языке (1781–1975 гг.). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. 343 с.

История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февр. 1917 г.) / А.Р. Артемьев и др. М.: Наука, 1991. 471 с.

История дипломатии: в 2 т. М.: Междунар. отношения, 1963. Т.2.

История международных отношений и внешней политики СССР (1870–1957 гг.). М.: Изд-во ИМО, 1957. 580 с.

История русско-японской войны / под ред. М. Бархатова, В. Функе. СПб., 1907.

История русско-японской войны 1904–1905 гг. / под ред. И.И. Ростунова. М.: Наука, 1977. 383 с.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн.2. Владивосток, 1989. 349 с.

Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX в.). Хабаровск, 1973. 193 с.

Казанцев В.П. Планы реорганизации управления российским Дальним Востоком и арендованными у Китая территориями в начале XX века // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 19–28.

Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е гг. – 1905 г.). СПб.: Наука, 2012. 288 с.

Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. Система управления арендованных территорий (Китайская Восточная железная дорога, Квантунская область, Особое наместничество на Дальнем Востоке). 90-е гг. XIX в. – 1917 г.: анализ опубликованных источников // Клио. 2015. № 1 (97). С. 38–47.

Киличенков А. 1904–1905 гг.: случайно проигранная война // Знание – сила. 1995. № 7.

Ким Ен-Су. Корейский вопрос в политике России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: дис...канд. ист. наук. М., 2006. 249 с.

Крушанов А.И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. История. Мат. по истории Владивостока. Владивосток, 1960.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т.1. М., 1992. 183 с.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2005. 477 с.

Колпакиди А. Внешняя разведка России. СПб.: ИД «Нева», 2001. 511 с.

Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII – начале XX в.: дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 233 с.

Кондрашева А.С. Кавказское наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.): дис...канд. ист. наук. Ставрополь, 2003. 319 с.

Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 56–70.

Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Типолитография Российской духовной миссии, 1922. 153 с.

Коростовец И. Накануне... 90 лет назад началась русско-японская война (Записки русского дипломата) // Международная жизнь. 1994. № 4. С. 113–122.

Краснов П.Н. Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем. СПб., 1907.

Куропаткин А.Н. Дневник. Б.м.: Нижполиграф, 1923.

Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905. Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. 525 с.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 384 с.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). М.: Соцэкгиз, 1961. 291 с.

Кюзаджан Л.С. Россия и Китай в Азиатско-Тихоокеанском регионе: науч.-аналит. обзор. М.: Юнион, 1996. 50 с.

Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 гг. М., 1991.

Ланин Н. Легенды и факты русско-японской войны // Преподавание истории в школе. 1999. № 4. С. 31–36.

Ларина Л.Л. Административно-территориальное устройство и население Приамурского края в период империализма. 1900–1913 гг. Владивосток, 1986. 17 с.

Левитов И. Желтороссия как буферная колония. Доклад, читанный в Общем собрании Общества для содействия русской промышленности и торговли 16 мая 1905 г. СПб., 1905.

Левицкий Н.А., Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1938. 672 с.

Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.–СПб., 2003. 672 с.

Ленин В.И. Падение Порт-Артура // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 151–159.

Ленин В.И. Разгром // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 251–255.

Лукоянов И.В. Проблема управления Дальним Востоком и кризис государственной власти в России на рубеже XIX–XX вв. // Науч. конф. памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992.

Лукоянов И.В. Портсмутский мир // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 16–33.

Лукоянов И.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.) // Отечественная история. 2008. № 5. С. 73–82.

Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 665 с.

Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.: борьба за выбор политического курса: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 35 с.

Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2001. 356 с.

Ляпустин С.Н. Об истории взаимодействия таможенных органов с полицией в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 99–104.

Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX в. (на материале Терской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 226 с.

Международные отношения на Дальнем Востоке (с конца XVI в. до 1917 г.). М.: Мысль, 1973. Кн.1.

Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» (на примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX в.) // Полис. 1999. Т. 1. С. 6–39.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество и Приамурское генерал-губернаторство: проблемы взаимоотношений // Третьи Гродековские чтения: мат. регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2001. Ч.1. С.45–48.

Милежик А.В. Становление аппарата наместничества Дальнего Востока (1903–1905 гг.) // Вестник международ. центра азиатских исследований. Вып.5. М. – Иркутск, 2001. С.145–151.

Милежик А.В. Исторический опыт регионального административного управления на примере Дальневосточного наместничества (1903–1905 гг.) // Молодые ученые Приамурья: сб. науч. статей по итогам конкурса молодых ученых. Вып.1. Хабаровск, 2002. С.64–68.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.): структура и компетенция // Седьмая Дальневост. конф. молодых историков: сб. мат. Владивосток, 2002. С.64–69.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество: проблема учреждения (1903 г.) // Сб. статей молодых ученых. Хабаровск, 2003. Ч.2. С.51–58.

Милежик А.В. Наместник Дальнего Востока Е.И. Алексеев (1843–1918 гг.): штрихи к политическому портрету // Четвертые Гродековские чтения: мат. регион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2004. Ч.1. С.68–72.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX в. Т.1. Хабаровск, 2005. С.129–136.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество как попытка реформы регионального управления (1903–1905 гг.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2007. № 3. С.110–115.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 212 с.

Милежик А.В. Наместничество как особая форма регионального управления (на примере Дальневосточного наместничества) // Третьи архивные научные чтения имени В.И. Чернышёвой: мат. межрег. науч.-практ. конф. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2008. С. 91–94.

Милежик А.В. Дипломатическая деятельность наместничества Дальнего Востока // Шестые Гродековские чтения: мат. межрег. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2009. С. 147–154.

Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.) // Хабаровск, 2009. 156 с.

Милежик А.В. Дальний Восток как сфера интересов российско-го государства в XVII – начале XX века // Россия и страны Дальневосточного региона (Китай, Корея, Япония): история, культура, политика: сб. науч. статей. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2014. С. 30–38.

Милежик А.В. Система управления Дальним Востоком России (конец XIX в. – 1917 г.) // Великая российская революция и Дальний Восток: сб. мат-лов. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2018. С. 177–188.

Миرونченко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-пресс, 2005. 479 с.

Молодяков В. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. 369 с.

Московенко М.В. Уроки Цусимы // Военно-исторический журнал. 1995. № 4.

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII – XX вв.). Хабаровск, 1997. 543 с.

Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVII в. до 1917 г. М.: Мысль, 1973. 324 с.

Нартов Н.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ, 1999. 359 с.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.

Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф. Вып. 9. Ч. 1 / отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 200–207.

Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904–1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // Отечественная история. 2005. № 3. С. 144–157.

Павлов Д.Б. Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905): прецедент модернизационного колониализма? // Российская история. 2018. № 1. С. 85–108.

Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке 1883–1903 // Красный архив. М., 1932. Т. III.

Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. 318 с.

Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. 510 с.

Поповичева Ю.Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX в.: дис...канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 224 с.

Рахманин О.Б. К истории отношений России – СССР с Китаем в XX веке: обзор и анализ основных событий. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 512 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997. 236 с.

Ремнев А.В. Охотско-Камчатский край и Сахалин в планах российского самодержавия (конец XIX – начало XX в.) // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начала XX в.). Омск: Изд-во ОмГУ, 1994. С. 69–83.

Ремнев А.В. Особый комитет по делам Дальнего Востока (1903–1905 гг.) // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы сов. народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск, 1995. С. 58–60.

Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. 552 с.

Ремнев А.В. Имперская история России: азиатский вектор: проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского ун-та. 2007. № 4. С. 6–22.

Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 619 с.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.–Л., 1955. 495 с.

Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1987. 164 с.

Российское Приамурье: история и современность: мат. науч. семинара, посвященного 350-летию похода Е.П. Хабарова. Хабаровск, 1999. 295 с.

Россия и Китай на дальневосточных рубежах: сб. мат. междунар. науч. конф. Т.1–2. Благовещенск: АмГУ, 2001.

Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901.

Руднев Я.И. Маньчжурия. СПб.: Б.и., 1905.

Русско-японская война 1904–1905 гг.: работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1–9. СПб., 1910.

Русско-японская война 1904–1905 гг.: работа Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. Кн. 1–7. СПб., 1912–1917.

Салогуб Я.Л. Планы реорганизации Дальневосточного регионального управления в начале XX в. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России: сб. тр. Ин-та истории и филологии ДВГУ. Владивосток, 2003. С.402–409.

Салогуб Я.Л. Формирование гражданского управления в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги – КВЖД (1896–1906 гг.) // Право и политика. 2005. № 5. С. 5–28.

Салогуб Я.Л. Становление и развитие системы административно-полицейского управления на Дальнем Востоке (50-е гг. XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 278 с.

Салогуб Я.Л. Учреждение Дальневосточного наместничества и планы реорганизации регионального управления в начале XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2010. № 2. С. 30–36.

Салогуб Я.Л. Правовой статус наместника на Дальнем Востоке в законодательстве Российской империи (1903–1905) // Вестник Санкт-Петербургской юрид. академии. 2016. № 1 (30). С. 37–42.

Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 3–15.

Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904–1905 гг.) // Отечественная история. 2004. № 3.

Серошевский В. Дальний Восток. СПб., 1909.

Сизиков М.И. Полиция Российской империи. М.: МВД России, 2000. 56 с.

Скворцова О.В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: проблемы организации и реформирования регионального управления: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 259 с.

Скрабневская Е.С. Городское самоуправление на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004. 289 с.

Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978. 301 с.

Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1948. 266 с.

Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1956. 373 с.

Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина (1843–1912). М.: Новости, 1992. 495 с.

Суботич Д.И. Задачи России на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. 58 с.

Суслова Н.А. Административные преобразования в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Международ. центра азиатских исслед. М.–Иркутск, 2001. Вып. 5. С. 134–141.

Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. Шапками не закидали. Русская военная разведка на Маньчжурском фронте // Родина. 2004. № 1. С. 34–37.

Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М.: Наука, 1987. 589 с.

Торгашев П.И. Авантюры на Дальнем Востоке. М., 1907.

Тригуб Г.Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения её органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 248 с.

Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX в. – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 1998. 169 с.

Торопов А.А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока (конец XVI в. – 1917 г.): историческая справка // Дальний Восток России: из истории системы управления: документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 11–20.

Троицкая Н.А. Слово о чиновниках: вместо комментария // Дальний Восток России: из истории системы управления: документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 218–232.

Федорева И.А. Механизм формирования административно-территориальных единиц уездного уровня в Восточной Сибири (вторая половина XIX в.) // Вестник Международ. центра азиатских исслед. М.–Иркутск, 2001. Вып. 5. С. 127–134.

Хвостов В.М. Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1977. 403 с.

Ходяков М.В. Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897.

Часовой М.Х. Грядущее Дальнего Востока. СПб., 1910.

Часовой М.Х. Угроза Сибирскому Востоку. СПб., 1910.

Черкасов К.В. Вопросы межрегионального государственного управления в царской России (часть вторая) // Гражданин и право. 2010. № 11. С. 3–13.

Черномаз В.А. Из опыта реформирования полиции Дальнего Востока в начале XX века // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 90–99.

Чесноков И.В. Деятельность наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке в период русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 82–85.

Шелудько В.О. Горная полиция Дальнего Востока России (XIX–начало XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 2. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. 636 с.

Шелудько В.О. Из истории полиции... // Россия и АТР. 2001. № 2. С. 108–109.

Шелудько В.О. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в начале XX века // Органы государственной безопасности При-

морья: взгляд в прошлое во имя будущего: мат-лы науч.-теорет. конф., 3–4 февраля 2003 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003.

Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860–1917 годы). Владивосток: Дальнаука, 2004. 386 с.

Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство Азиатской России в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. История. 2011. № 1. С. 25–34.

Широкоград А.Б. Падение Порт-Артура. М., 2003. 506 с.

Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск: Кн. изд-во, 1974. 89 с.

Шулатов Я.А. Политическая борьба в России по вопросам дальневосточной политики накануне русско-японской войны // Записки гродековского музея. Вып. 9. Хабаровск: Гос. музей Дальнего Востока им. Н.И. Гродекова, 2004. С. 5–21.

Шульгина О.В. Административно-территориальное деление России в XX веке: историко-географический аспект // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 23–38.

Экспансия Японии на Дальнем Востоке (конец XIX – первая треть XX в.): сб. науч. тр. / под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1990.

Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX–XX веков: сб. науч. тр. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. 103 с.

Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 96 с.

Clabb O.E. China and Russia: The Great Game. L.-NY., 1971.

Lensen G.A. Russo-chinese War. Tallahassee, 1967.

Stephan John J. The Russian Far East. A History. Stenford, California: Stanford University Press, 1994. 481 pp.

Paine S.C.M. A History of the Sino-Soviet Border, 1858-1924. Colambia University, 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Развитие системы управления Дальним Востоком России в начале XX века	19
1.1. Учреждение Дальневосточного наместничества как этап административной реформы	19
1.2. Роль Особого комитета по делам Дальнего Востока в реали- зации дальневосточной политики	42
Глава 2. Влияние административных преобразований на развитие областей Дальнего Востока России	53
2.1. Организационная и правовая основы управления Дальневосточным наместничеством	53
2.2. Структура и деятельность полиции Дальнего Востока в начале XX века	85
2.3. Экономическое развитие областей Дальнего Востока России	92
Глава 3. Дальневосточное наместничество в контексте реализации геополитических интересов Российской империи	101
3.1. Внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны	101
3.2. Особенности управления областями Дальнего Востока России в период русско-японской войны 1904–1905 гг.	114
Заключение	131
Источники и литература	135

Научное издание

Милежик Алексей Викторович,
кандидат исторических наук

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Монография

Редактор Е.Ю. Колобанова
Дизайн обложки – И.А. Гаврилова

Подписано в печать 11.10.2019. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,0. Тираж 50 экз. Заказ № 27.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.